Асмодей Денница

КУБАНЬ ПОД ЧЁРНЫМ СОЛНЦЕМ

роман в трёх частях

Асмодей Денница

КУБАНЬ ПОД ЧЁРНЫМ СОЛНЦЕМ

«Автор»
2026

Денница А.

КУБАНЬ ПОД ЧЁРНЫМ СОЛНЦЕМ / А. Денница — «Автор», 2026

1980 год. Кубань. В станице Курчанской пропадают люди, а на теле одного из них милиция находит следы, которых не оставляет ни один зверь. Участковый, капитан из Темрюка и биолог из Москвы впервые сталкиваются с тем, что не имеет названия, — и узнают, что Земля для кого-то является охотничьим угодьем.1982 год. Бугазская коса. На берег выходит охотник — не тот, кто убивает ради голода, а тот, кто убивает по кодексу. С ним можно договориться. Но договор придётся закрепить поединком.1983 год. Утриш. В подземельях под озером Абрау просыпается древний маяк, а по заповеднику бродит изгой, лишённый имени и чести. У него не осталось ничего, кроме боли, — и он идёт к двери, которую нельзя открыть.Три года, три берега, одна война без фронта — и люди, которым придётся решить, кем они будут: добычей, охотниками или теми, кто стоит между мирами.

© Денница А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

КУБАНЬ ПОД ЧЁРНЫМ СОЛНЦЕМ 8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРАСНАЯ ОХОТА 9
ПРОЛОГ. ПАДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ 10
1 11
2 13
3 14
4 15
5 18
6 20
ГЛАВА 1. УЧАСТКОВЫЙ 21
1 22
2 24
3 27
4 29
5 32
ГЛАВА 2. МАЙОР ИЗ ТЕМРЮКА 34
1 35
2 36
3 39
4 40
ГЛАВА 3. СКАЛЬПЕЛЬ И ПРОТОКОЛ 41
1 42
2 44
3 46
4 47
5 48
ГЛАВА 4. ЛЕГЕНДЫ ЛИМАНА 50
1 51
2 53
3 54
4 57
ГЛАВА 5. ГАРНИЗОН 58
1 59
2 61
3 62
4 63
5 64
ГЛАВА 6. ПАПКА «АНОМАЛИЯ» 66
1 67
2 68
3 69
4 70
5 72
ГЛАВА 7. КАПИТАН ГРОМОВ 73
1 74
2 76

3 77
4 78
5 80
ГЛАВА 8. ПОХОРОНЫ ПО-ТИХОМУ 81
1 82
2 83
3 84
4 85
5 86
6 87
ГЛАВА 9. НОЧНЫЕ УЧЕНИЯ 88
1 89
2 90
3 91
4 92
5 94
ГЛАВА 10. ТЕПЛО 96
1 97
2 98
3 100
4 102
5 103
ГЛАВА 11. ЗЕЛЁНАЯ КРОВЬ 104
1 105
2 106
3 107
4 108
5 109
6 110
7 111
8 112
9 113
10 114
11 115
12 116
13 117
ГЛАВА 12. ВОЛНА 118
1 119
2 120
3 121
4 123
ГЛАВА 13. ПЛАВНИ 125
1 126
2 127
3 128
4 129
5 131
6 132
ГЛАВА 14. ГОСПИТАЛЬ 134

1 135
2 136
3 137
4 138
5 139
6 141
7 142
8 143
ГЛАВА 15. ПРИМАНКА 144
1 145
2 147
3 148
4 149
5 150
6 151
7 152
ГЛАВА 16. РАДИО 153
1 154
2 156
3 157
4 158
5 159
ГЛАВА 17. КОРАБЛЬ 160
1 161
2 162
3 164
4 165
5 166
ГЛАВА 18. ВУЛКАН 167
1 168
2 169
3 170
4 171
5 172
6 173
ГЛАВА 19. ШТУРМ 174
1 175
2 177
3 178
4 179
5 180
6 181
7 182
ГЛАВА 20. ПОГОНЯ 183
1 184
2 185
3 186
4 187
5 188

ГЛАВА 21. ПЕРЕПРАВА 189
1 190
2 192
3 193
4 194
5 195
ГЛАВА 22. КОРАБЛЬ УХОДИТ 196
1 197
2 198
3 199
4 200
5 201
Конец ознакомительного фрагмента. 202

КУБАНЬ ПОД ЧЁРНЫМ СОЛНЦЕМ

КУБАНЬ ПОД ЧЁРНЫМ СОЛНЦЕМ

роман в трёх частях

1980 год. Кубань. В станице Курчанской пропадают люди, а на теле одного из них милиция находит следы, которых не оставляет ни один зверь. Участковый, капитан из Темрюка и биолог из Москвы впервые сталкиваются с тем, что не имеет названия, — и узнают, что Земля для кого-то является охотничьим угодьем.

1982 год. Бугазская коса. На берег выходит охотник — не тот, кто убивает ради голода, а тот, кто убивает по кодексу. С ним можно договориться. Но договор придётся закрепить поединком.

1983 год. Утриш. В подземельях под озером Абрау просыпается древний маяк, а по заповеднику бродит изгой, лишённый имени и чести. У него не осталось ничего, кроме боли, — и он идёт к двери, которую нельзя открыть.

Три года, три берега, одна война без фронта — и люди, которым придётся решить, кем они будут: добычей, охотниками или теми, кто стоит между мирами.

Автор: Асмодей Денница

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРАСНАЯ ОХОТА

1980–1981

ПРОЛОГ. ПАДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Кто уходит в камыш в грозу — обратно не выходит.

1

Гроза собиралась над Таманью весь вечер.

Сначала — с запада, из-за моря, приползла тяжёлая сизая стена. Она росла медленно, как тесто в деже́, поднималась от горизонта к зениту, заслоняя звёзды одну за другой. Воздух стал липким — хоть ложкой черпай. Пахло гнилой рыбой, тиной и ещё чем-то кислым, будто земля вспотела перед дождём.

К девяти вечера стихло всё: лягушки, выпь, даже комары — эти чертовы комары, что к концу июня сводили с ума людей и скотину, — притихли. Тишина нависла над Курчанским лиманом такой плотной ватой, что Григорий Коваль слышал, как бьётся сердце в собственных ушах.

— Ну и ночка, — сказал он вслух, чтобы не слышать этого стука.

Голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

Гриша сплюнул в тростник и поправил сеть. Дело было тёмное, и он это понимал. Браконьерство — не геройство, статья сто шестьдесят шестая, конфискация, а если с уловом — то и срок. Но рыбу в колхозе забирали по три копейки за кило, а на рынке в Темрюке давали рубль. Разница кормила семью — жену, двоих пацанов, мать-старуху. Гриша не считал себя вором. Он считал себя кормильцем.

Сеть он ставил в ерике — узком протоке, что соединял Курчанский лиман с мелким озерцом в камышах, куда на нерест заходила тарань. Место знал только он — и, может, дед Степан, но тот старый, немощный, никому не расскажет. Гриша ставил сети здесь десять лет, и ни разу его не взяли.

Сегодня он должен был просто проверить: после грозы рыба идёт бойко, а утром — на рынок.

Резиновый костюм лип к телу. Гриша стоял по пояс в тёплой, как парное молоко, воде, расправлял ячею, и думал о том, что надо бы купить Пашке — соседскому, не своему, своего младшим звали — новый портфель к школе... и тут небо раскололось.

Не от грома.

Гром пришёл через три секунды — тяжёлый, басистый, такой, что вода задрожала. А сначала был свет.

Гриша поднял голову.

С юго-востока, со стороны лимана, оттуда, где за Ахтанизовским плесом уже дышала грозовая стена, в атмосферу входило что-то. Он не успел подумать — «звезда», «метеор», «спутник», — потому что слова не поспевали за зрением.

Свет был не белый и не жёлтый. Он был зелёный — холодный, болотный, какой бывает у гнилушек в сыром лесу, только в тысячу раз ярче. Зелёная дуга прочертила небо от горизонта до зенита, оставляя за собой хвост, который горел даже после того, как источник исчез.

Гриша зажмурился. Сквозь веки всё равно было видно — зелёный свет просвечивал плоть, окрашивал кровь в чёрное.

— Матерь Божья... — прошептал он.

Сеть выскользнула из рук.

Секунд через пять — может, десять — грохнуло.

Но это был не гром.

Звук шёл из-под воды.

Низкий, пульсирующий, он ударил по ногам, по корпусу, по грудной клетке — Гриша физически ощутил, как волна прошла сквозь тело. Вода вспучилась, выплеснула на камыши, и на минуту стало тихо — так тихо, что он слышал собственные зубы: они стучали.

Гриша вылез из ерика на берег, шатаясь, как пьяный. Сетка осталась в воде — плевать. Надо уходить. Надо домой. Сейчас.

Он побрёл вдоль камышовой стены, туда, где оставил велосипед, и краем глаза заметил движение.

Над лиманом, метрах в пятистах от берега, во тьме, среди камышовых островов, куда даже Гриша не совался — там было топко, гнило, и утки не садились, — горел свет.

Не зелёный. Рыжий, неверный, как от небольшого костра.

Гриша замер.

Он знал каждый клочок этого берега, каждую корягу, каждый куст. Там, на островке, никогда никто не жил — там даже рыбы не было. Торфяное дно, тина, ил, и если наступишь — утянет по пояс. Он сам, пацаном ещё, сунулся и едва вылез.

А теперь там горел огонь.

Разум говорил: дурачьё какое-то, рыбаки, может, из города забрели, или туристы с палаткой. Но чутьё — то, что десять лет кормило семью и ни разу не подвело, чутьё говорило другое.

Чутьё говорило: беги.

Гриша побежал.

Велосипед стоял у куста бузины, там же висела сумка с пустыми стеклобанками и краюхой хлеба. Он вскочил на раму, нажал на педаль — и сразу понял, что не успеет.

Потому что из камыша, справа, метрах в пятнадцати, раздался щелчок.

Щелчок был не звериный и не птичий — механический, короткий, будто кто-то сломал ветку одним движением. И сразу за ним — второй, левее.

Гриша бросил велосипед. Пригнулся. Сунул руку в сапог — там, в голенище, лежал нож, самодельный, из фрезы, острый как бритва.

— Эй! — крикнул он. Голос сорвался, но он всё равно крикнул: — Эй, кто тут?! Я милицию позову!

Тишина не ответила.

Только камыш качнулся — хотя ветра не было.

Гриша не был трусом. Он прошёл срочную в пограничниках, на заставе в Кара-Кала, видел и диких зверей, и людей похуже зверей. Но то, что сейчас ощутило его тело, не было страхом — это был инстинкт, древний, допотопный, тот, что заставляет мышь замереть перед змеёй.

Он перестал дышать.

И тогда он увидел Его.

2

Контур проявился из темноты не сразу — будто тень отделилась от других теней и шагнула вперёд.

Сначала Гриша подумал, что это медведь: слишком крупная фигура, широкие плечи, приземистая посадка. Но медведей на Тамани не водилось — последнего убили, когда Гриша ещё под стол пешком ходил. Кабан был бы слишком низко, человек — слишком узок.

А потом фигура подняла голову — и Гриша увидел глаза.

Они горели жёлтым.

Не отражённым светом — нет, они светились. Два жёлтых уголька в чёрном прорезях шлема — или маски. Гриша не мог разобрать, что это: шлем, лицо, башка? Контуры плыли, переливались, будто воздух вокруг фигуры был горячим, хотя ночь стояла душная.

Оружия Гриша не видел. Но он понял — всем телом, каждой клеткой кожи, — что оно есть.

Развернулся и побежал.

Он бежал так, как не бегал никогда, — напролом, через кусты, через камыш, не чувствуя, как стебли хлещут по лицу, как вода заливается в сапоги, как порвалась рубаха. Он бежал к дороге, к дому, к свету, к людям.

Сзади — щелчок.

Ещё один.

И третий, совсем близко.

Гриша не оборачивался. Он просто бежал — пока небо не зажглось.

Вспышка ударила сверху, ослепила на секунду, и Гриша споткнулся, упал на колено, закричал от боли и страха вместе. Молния ударила в лиман — он видел это краем глаза: разряд расколол тьму, на миг обнажив воду, камыш, и фигуру на фоне грозового неба.

Фигура стояла на пригорке, в полный рост. Выше человека. Гораздо выше. И смотрела на него. Сквозь молнии, сквозь ливень, сквозь тьму — смотрела.

Гриша поднялся и побежал снова.

Не помня себя, не соображая, он нырнул в самые густые заросли — туда, где тростник поднимался стеной выше человеческого роста, где даже днём не пройти без топора. Он продирался вслепую, раздирая руки в кровь, и молился — впервые за много лет, — молился Богу, которого забыл после армии.

— Господи, Господи, Господи...

Ветки расступились.

Он вывалился на берег Курчанского лимана — туда, где вода подходила к самому обрыву, где было открытое пространство. Гриша оглянулся — заросли позади не колыхались. Никто не шёл. Он отдышался, опёрся руками о колени, и тут понял.

Понял, что оно не гналось за ним.

Оно было впереди.

Фигура стояла у воды, в двадцати шагах, неподвижно, как изваяние. Жёлтые глаза смотрели прямо на него. В руке — Гриша разглядел наконец — был какой-то предмет, длинный, чуть изогнутый, не похожий ни на ружьё, ни на копьё.

Фигура сделала шаг вперёд. И другая — тоже.

Их было трое.

Гриша Коваль, тридцати двух лет от роду, отец двоих детей, браконьер со стажем, ветеран пограничных войск, стоял на коленях в грязи, глядя на три пары жёлтых глаз, и понимал, что молитвы не помогут.

Потому что то, что стояло перед ним, не было творением Бога.

3

Он не видел, как они подошли. Просто вдруг они оказались рядом — настолько близко, что Гриша слышал их дыхание... нет, не дыхание. Они не дышали, как люди. Шум, который они издавали, был похож на шипение паровой машины — ритмичный, горячий, чужой.

Запах ударил первым: смесь озона, металла и чего-то сладковатого, приторного, отчего затошнило.

Потом — тепло.

От них шёл жар, как от печи. Даже сквозь воздух, сквозь ливень Гриша чувствовал его кожей: они были горячее человека градусов на десять, а может, и больше.

Средний — самый высокий — наклонился к нему.

Маска была не металлической и не пластиковой. Она казалась живой: тёмная, с прожилками, с движущимися частями, которые шевелились в такт его — его? — дыханию. Из-под маски, на плечи, свисали тёмные жгуты — то ли волосы, то ли щупальца, то ли часть одежды.

Существо подняло руку.

На запястье Гриша увидел браслет — не украшение, а прибор: на нём пульсировали огоньки, вспыхивали голограммы, складывались в руны, которых Гриша никогда не видел.

Рука приблизилась к его лицу.

Пальцев было три.

Пять длинных, тонких пальцев с когтями — не ногтями, настоящими когтями, тёмными, блестящими в свете молний. Пальцы сжали его челюсть мёртвой хваткой, разворачивая голову, заставляя смотреть в жёлтые глаза.

Глаза смотрели изучающе — не злобно и не голодно, а спокойно, как смотрит охотник на добычу, когда решает, брать её или нет, годна она или нет.

Существо издало звук — низкий вибрирующий щелчок, и второй, справа, ответил таким же.

Они переговаривались.

О нём.

Гриша попытался закричать — и не смог. Челюсть была зажата мёртвой хваткой. Воздуха не хватало. Он забил ногами, попытался встать, ударить, вырваться — и существо, даже не изменив позы, одним движением швырнуло его на землю так, что искры из глаз.

Он лежал в грязи, лицом в ил, и чувствовал, как те же пальцы — или другие? — ощупывают его спину, шею, череп.

— Не надо... — прохрипел Гриша. — Не надо... пожалуйста...

Ответа не было.

Только жёлтые глаза, светящиеся во тьме. Только тепло, исходящее от тела, которое не должно было существовать на этой земле. И только лёгкий, едва слышный свист — будто кто-то настраивал инструмент перед работой.

Это был последний звук, который услышал Григорий Коваль.

4

Боль пришла не сразу.

Сначала — нажатие. Тупое, равномерное давление на затылок, от которого голова словно онемела, потеряла вес. Гриша не понял, что это нож — или не нож, что-то острое как бритва и горячее как калёное железо, — вошло в основание черепа. Ткани расступались без сопротивления, будто масло перед раскалённым лезвием.

Боль пришла потом — через полсекунды — атомная, вселенская, такая, что Гриша не# # закричать: связь между мозгом и телом уже была нарушена. Он только дёрнулся, выгнулся дугой, и затих.

Он ещё слышал — слух умер последним. Слышал щелчки, шипение, хруст — свой собственный хруст, страшный, мокрый, — и чужое, спокойное, деловитое сопение.

Сознание угасало, как уголёк, присыпанный пеплом.

Последнее, что он почувствовал, — прохлада. Ветерок с лимана тронул лицо. И мысль, уже не его, не оформившаяся в слова: «Пашка... портфель...»

Темнота.

Первое существо — Ловчий — выпрямилось.

В правой руке оно держало трофей. Идеальный срез: цевьё спинного мозга, замкнутая дуга позвоночника от первого шейного до крестца, черепная коробка — вскрытая, опустошённая, чистая. Работа заняла двадцать семь секунд: от первого касания до последнего щелчка.

Ловчий повернул трофей так, чтобы свет молний упал на кость. Длинные пальцы пробежали по позвонкам, проверяя качество. Хороший экземпляр. Не идеальный — самец был стар, кость плотная, но с микротрещинами. Диета оставляла желать лучшего — накипь солей на суставах выдавала жёсткую воду. Для охотничьего пояса — пойдёт. Для трофейной стены — нет.

Ловчий щёлкнул — два коротких, один длинный. Сородичи отозвались.

Второй, по имени Живущий-в-Тени, стоял на пригорке, сканируя горизонт. Инфракрасный режим показывал мозаику тепла: остывающий труп у ног, мелкие пятна — птицы в гнёздах, более крупное — заяц в кустах, и далеко, у дороги, прямоугольник — двигатель внутреннего сгорания, ещё тёплый. Людей в радиусе километра не было.

Третий — Старший-У-Порога, наставник Ловчего, — стоял у воды и смотрел на лиман.

Ловчий опустился на одно колено, положил трофей на влажную землю и начал ритуал.

Из поясного крепления он извлёк набор инструментов: узкий клинок для насечек, шило для отверстий, проволоку из сплава, который не тупился и не ржавел. Трофей следовало обработать до того, как тепло покинет кость — пока органическая матрица ещё податлива. Застывшая, она становилась хрупкой, и насечки ложились неровно.

Пальцы двигались с привычной точностью, хотя Ловчий делал это впервые на живой планете. На учебных — на тренажёрах, на симуляциях клановых пещер — выходило быстрее. Но реальность пахла иначе: тиной, железом, кровью. И вкус воздуха был другим — кисловатый, перенасыщенный кислородом. Голова слегка кружилась. Адаптация.

Ловчий сделал первый надрез на черепе — вдоль сагиттального шва. Прочертил линию клана: три параллельные борозды, пересечённые одним косым штрихом. Знак Первой Охоты.

Самец, лежащий у ног, не мог оценить чести. Но Старший-У-Порога видел, и этого было достаточно.

Старший одобрительно щёлкнул.

Ловчий продолжал.

Насечки на дуге позвонков — отметки дичи: вид, вес, биология. Упрощённые иероглифы, понятные любому охотнику клана. «Крупный двуногий. Прямохождение. Когти отсут-

ствуют. Зубы слабые. Кожа тонкая — не броня. Органы чувств: зрение среднее (спектр узкий), слух слабый (диапазон ограничен), обоняние отсутствует. Уязвимость: шея, глаза, пах. Оценка: низкая сложность. Трофей: ритуальный.»

Кто-то из древних охотников назвал эту планету «лёгкой добычей». Ловчий начинал понимать почему.

Но инстинкт — старый, глубинный, идущий от предков, что охотились на зверей в сто раз опаснее этого, — подсказывал другое. Он молчал сейчас. Но Ловчий знал: инстинкт не ошибается. Если на планете есть такая мягкая, беззащитная дичь, значит, есть и хищник, который ею питается. Или хищники были — и их истребили. Или они ещё не вышли из укрытий.

Ловчий закончил насечку. Сунул шило в крепление. Поднялся.

Живущий-в-Тени подошёл, держа в руке капсулу-пробу — анализ атмосферы, воды, биоты. Протянул Ловчему. Тот приложил капсулу к виску — блок данных впрыснулся прямо в нервную систему через накожные контакты.

Атмосфера: пригодна. Кислород — выше клановой нормы на двенадцать процентов. Давление — ниже, будет слабость в суставах первые циклы. Биота — массовый белковый спектр, пригодна для питания, необходима термическая обработка (семь видов паразитов, опасных для клановой микрофлоры). Вода: жесткая, насыщена солями и минералами, пить не рекомендуется без фильтрации.

Ловчий отключил канал. Посмотрел на Старшего-У-Порога.

Старший стоял неподвижно, лицом к лиману. В инфракрасном спектре, который видел Ловчий, Старший светился ровным сине-фиолетовым теплом — спокойный, медитирующий.

Ловчий подошёл. Встал рядом. Смотрел на воду, на камыш, на тёмное небо, где гроза уже уходила на восток, к Краснодару.

— Хорошее место, — произнёс Старший-У-Порога. Не голосом — вибрацией, клановым языком щелчков и горловых модуляций. — Чистая вода. Много укрытий. Дичь плотная.

Ловчий не ответил. Он вслушивался в ночь.

Старший повернул голову — маска скрипнула, приводы шевельнулись.

— Ты сомневаешься, Ловчий.

— Я слушаю, — ответил Ловчий.

— Что ты слышишь?

— Тишину.

— И?

Ловчий помедлил.

— Тишина неправильная. Мы убили одного. Должна быть тревога. Паника. Бегство. Но стая молчит.

Старший-У-Порога издал короткий щелчок — эквивалент усмешки.

— Потому что стая не знает, что мы здесь. Они не видели нас. Не слышали. Не поняли.

— Это плохо, — сказал Ловчий. — Если дичь не знает об охотнике, охота — не охота. Это бойня.

Старший замолчал. Повернулся к Ловчему. Жёлтые глаза горели ровно, без эмоций.

— Ты прошёл Испытание Крови, Ловчий. Ты убил свою первую разумную дичь. Право на трофей подтверждено. Но Первая Охота — не последняя. Клан ждёт от тебя не просто убийства. Клан ждёт испытания.

— Я не боюсь испытания, — щёлкнул Ловчий слишком резко.

— Я и не говорил, что боишься. Я говорю: будь готов. Дичь на этой планете не знает нас. Но она учится. Мы оставили след. Через несколько циклов они поймут, что по ним охотятся. И тогда либо мы станем легендой их страха, — Старший помолчал, — либо они станут нашей ошибкой.

Он отвернулся и направился к челноку.

Ловчий остался стоять у воды.

Он смотрел на труп у своих ног. На обработанный трофей, ещё тёплый, с ещё влажной насечкой клана. На лицо мёртвого человека — расслабленное, почти спокойное. Ловчий запомнил его. Первый.

Где-то в камышах щёлкнула выпь. Ловчий вздрогнул не от испуга, а от неожиданности: звук был похож на клановый сигнал. Он повернул голову, всматриваясь в заросли, — нет, птица. Глупая, тёплая, беззащитная птица.

Он выключил инфракрасное зрение, перешёл в обычный спектр.

Ночь стала чёрной.

Гроза уходила, но тучи ещё висели, закрывая звёзды. Только на западе, над морем, прорезался краешек чистого неба — и в нём горела одна яркая точка.

Не звезда.

Корабль. Их корабль. Он висел на орбите, невидимый для наземных радаров, и ждал, когда молодые охотники завершат Испытание.

Ловчий поднял трофей, прикрепил к поясу. Повернулся и пошёл к челноку, скрывшемуся в камышовом острове.

За спиной остался берег. Лиман. И Григорий Коваль — без кожи, без черепа, с аккуратно вырезанным позвоночником, уложенным на груди как последний трофей, — смотрел в небо мёртвыми глазами, которых больше не было.

5

Дед Степан Хмара проснулся до света.

Не от петухов — петухи орали как резаные, когда солнце уже показывалось, — а от привычки. Шестьдесят лет он вставал затемно, и даже на покое, когда колхозная работа осталась в прошлом, организм не сбивался с ритма. Пять утра — открывай глаза. Шесть — чай. Семь — на лиман.

Иногда он ловил рыбу. Чаще — просто сидел на берегу, курил махорку, смотрел на воду и думал о том, что жизнь прошла быстро, как покос в засушливый год: вроде только начал, а уже стог метать некому.

Сегодня он собирался проверить перемёты. Вчера, до грозы, поставил на язика и судака — не для продажи, для себя. Ушица с тройной порцией перца и укропом — вот что старику надо.

Он натянул брезентовый плащ поверх старой гимнастёрки (с войны тянул — дембель 1947 года, но помнил каждую пуговицу), сунул ноги в резиновые сапоги, взял палку и ведро и вышел в серый, ещё сонный мир.

Воздух после грозы стоял чистейший, промытый до звона. Каждая травинка блестела. С тростника капало. Где-то в плавнях орала выпь — её крик, похожий на рёв бычка, разносился над водой на километры.

Дед Степан шёл своей тропой — той, что знал ещё с пацанства, отцом протоптанной, — вдоль ерика, мимо старого дуба, мимо брошенного погреба. Тропа вывела к Курчанскому лиману, к тому месту, где вчера он ставил перемёт.

Он остановился. Принюхался.

Воздух пах не так, как должен.

К привычным запахам — тина, рыба, мокрая трава — примешалось что-то чужое. Металлическое. Острое. И сладковатое, как прокисший компот.

Дед Степан наморщил лоб. Чутьё, наработанное за шестьдесят лет на лимане, завозило под лопатками неприятным холодком. Он пошёл медленнее, оглядываясь, вглядываясь в камыш.

Первое, что он увидел, был велосипед.

«Урал», старый, с высокой рамой, лежал на боку у куста бузины, колесо всё ещё крутилось — медленно, со скрипом, будто только что остановился.

Дед Степан узнал его. Не по раме — по багажнику, на который был примотан кусок резины от камеры. Гришка Коваль. Больше ни у кого в станице не было такого велосипеда — все «Уралы» были на одно лицо, а Гришка всегда помечал своё.

— Гриша? — крикнул дед Степан. — Эй, Григорий!

Тишина.

Камыш молчал. Вода молчала.

Дед Степан шагнул в заросли, раздвигая стебли палкой. Прошёл шагов двадцать — и увидел.

Сначала — сапог. Резиновый, рыбацкий, знакомый: на голенище была заплатка синей изолентой — Гриша чинил в прошлом году, дед Степан сам видел. Сапог был пустой. Стоял вертикально, как будто в нём ещё была нога, хотя ноги не было. Рядом — второй, тоже пустой, лежал на боку.

Дед Степан шагнул ближе.

Тело лежало в камышах, лица к небу.

Точнее — то, что от него осталось.

Дед Степан прожил семьдесят лет. Прошёл войну — не в первой линии, во втором эшелоне, на обеспечении, — но видел разное. Видел, как разрывает людей мина. Видел, как пуля сносит полголовы. Видел смёрзшиеся трупы под Старой Руссой — их хоронили весной, когда снег сходил, и лица у них были чёрные, неузнаваемые.

Но такого он не видел никогда.

У тела не было кожи.

Всё — от лодыжек до макушки — было содрано. Мышцы, сухожилия, жилы — всё блестело на утреннем солнце влажным, красным, живым ещё на вид. Но крови было мало — совсем мало, будто тело обескровили до того, как сняли покров.

Грудная клетка была вскрыта. Рёбра торчали наружу, белые, чистые, отмытые — не отполированные, нет, но без единой нитки плоти. Внутри были пустота и влажный блеск.

Головы не было вообще. Не черепа, не лица — ничего выше первого шейного позвонка. Позвонок торчал из шеи белым столбиком, аккуратный, с ровным краем, будто отпиленный. И на груди покойного лежала вещь, которую дед Степан не смог осознать сразу.

Позвоночник.

Весь, от черепа до копчика, извлечённый единой дугой, уложенный на грудную клетку крест-накрест. На позвонках были какие-то насечки, царапины — не хаотичные, а узорные, как письмена.

Дед Степан смотрел на это долго. Минуту. Может, две. Время остановилось.

Где-то далеко, на лимане, закричала чайка.

Старик перекрестился. Движение вышло механическим, неосознанным — рука сама пошла ото лба к животу, к плечам. Губы зашевелились: «Господи, помилуй...»

Потом он повернулся и пошёл назад — быстрым шагом, почти бегом. Палка волочилась по земле. Ведро он бросил. Махорка осталась в кармане.

Он шёл к станице, к сельсовету, к телефону.

Дома ещё спали. Солнце только поднималось над лиманом, золотило тростник, обещая жаркий день. Петухи орали. Собака брехала где-то на улице Мира. Жизнь шла своим чередом.

Дед Степан шёл и думал об одном: он узнал эти насечки. Он видел их раньше. Давно. В 1914 году, когда ему было четыре годика, и отец нашёл на лимане тело деда — такого же содранного, с такими же знаками на позвонках, уложенных на груди.

«Водяной, — сказал тогда отец. — Водяной вышел на охоту.»

Тогда дед Степан не понял. Теперь — понял.

Водяной не выходил шестьдесят шесть лет. Но он вернулся.

6

Над Темрюкским взморьем, там, где Курчанский лиман узкой горловиной выходил к Азовскому морю, догорала ночь.

Лиман дышал.

Тысячи гектаров тростника, камыша, куги и водорослей испаряли влагу, нагретую за день, и воздух над водой дрожал, струился, плыл. С лимана тянуло теплом и гнильцой — запахом жизни, которая рождалась, росла и умирала в этом тёплом супе, не прекращаясь ни на минуту.

Челнок стоял на мелководье, скрытый камышовым островом. Сверху его не видели облака, с земли — тростник, с воды — ил и ряска. Идеальное укрытие.

Ловчий сидел на корточках у входа, глядя на восток, где небо уже светлело.

Он снял шлем. Впервые за шесть часов.

Воздух планеты ударил в лицо — влажный, густой, сладкий. Ноздри расширились, втягивая запахи: водоросли, рыба, ил, разогретый камень, птичий помёт, цветущая вода. Сложный коктейль, от которого у непривычного могла закружиться голова. Ловчий привык. Адаптация шла быстрее расчётов.

Он провёл когтями по лицу — по твёрдым хитиновым гребням, по костным наростам, по рубцам старых шрамов. Здесь, без шлема, он был уязвим. Но здесь же — он был дома, под открытым небом чужой планеты, и это пьянило сильнее любого газа.

Живущий-в-Тени сидел внутри челнока, у пульта, и сканировал эфир.

— Говорят о нас, — щёлкнул он, не оборачиваясь.

Ловчий обернулся.

— Что говорят?

— Ничего. Пока. Но сигнал прошёл. Кто-то нашёл тело.

— Дичь проснулась?

— Просыпается.

Ловчий посмотрел на свои руки. На пятерне, покрытой тонкой чешуёй, ещё темнела кровь первого трофея. Он не смыл её. Ритуал требовал: охотник носит кровь первой дичи до заката следующего дня.

— Хорошо, — сказал Ловчий. — Пусть просыпаются.

Он надел шлем. Зажимы щёлкнули, герметизируя соединение. В визоре загорелась карта — местность, тепловые пятна, радиомаяк на орбите.

И красная метка: цель.

Не одна. Много.

Станица. Люди.

Ловчий встал.

Охота начиналась.

ГЛАВА 1. УЧАСТКОВЫЙ

Лиман не врёт. Врут люди.

1

Вторник, десятое июня 1980 года, станица Курчанская.

Жара началась в шесть утра и к девяти уже стояла над станицей плотной, звенящей стеной. Воздух дрожал над пыльной улицей Мира, над шиферными крышами, над подсолнухами, что тянулись к солнцу вдоль плетней, и казалось — если накрыть ладонью, можно снять с воздуха слой этой дрожи, как пенку с молока.

Виктор Гончар воевал с этой жарой через одного: родился здесь, в Курчанской, вырос на лимане, знал его как собственную ладонь. Но июньская духота — особое дело. Она высасывает силы даже у камня.

Он стоял на крыльце участкового пункта — бывшей хаты-пятистенки, которую райисполком отдал милиции два года назад, — и пил воду из алюминиевой кружки. Вода была тёплая, железная, пахла колодцем, но лучше такой воды в станице ничего не было.

Рядом, на лавке, курил дед Степан.

— Ты меня, Витя, не торопи, — говорил он, попыхивая махоркой. — Не торопи. Я сказал: Гришка. Я знаю: Гришка. Велосипед его. Сапоги его. Тело... — старик затянулся, выпустил дым, сощурился, — тело тоже его. Только от тела мало что осталось.

Гончар молчал.

Ему было двадцать три. Младший лейтенант. Участковый инспектор по Курчанскому сельскому совету — это четыре хутора, три бригады, рыбколхоз и полторы тысячи жителей, включая детей и стариков.

Он знал их всех. Знал, у кого корова отелилась, у кого сын вернулся из армии, у кого жена ушла к любовнику. Знал, кто браконьерит, кто гонит самогон, кто таскает с рисовых чеков рыбу мешком. Это была его станица — не на бумаге, а по-настоящему: по праву рождения, по праву лимана, который он исходил босиком с пяти лет.

И поэтому нутро его не хотело верить.

Но нутро — нутром, а служба — службой.

— Дед, — сказал Гончар, ставя кружку на перила. — Ты точно видел... позвоночник? Отдельно? На груди?

— Говорю тебе — видел. — Старик стряхнул пепел. — Как у Микиты в прошлом годе, когда тот забрался на церковь и снял крест. Божья кара. В точности божья кара.

— Божья кара, — повторил Гончар, — голая в камышах лежит. Ну-ка, пошли. Покажешь.

Он взял с лавки кобуру с ПМ, пристегнул к ремню, надел фуражку. Фуражка не спасала от солнца — фуражка грела. Но без фуражки — нельзя. Форма есть форма.

— А коня? — спросил дед Степан.

— Какого коня?

— Ну, как доедем? У меня ноги старые. Лиман вон где.

— На мотоцикле, — ответил Гончар. — «Урал» в гараже. Поехали.

Дед Степан крякнул, поднялся, доковылял до ГАЗ-66... нет, до «Урала» — мотоцикла с коляской, на котором участковый объезжал участок. Завёл он его со второй ноги. Мотор затарахтел, выбивая из выхлопной трубы облачка сизого дыма.

— Держись, дед, — сказал Гончар и тронулся.

Станица осталась позади: дома, дворы, колодцы, бабки у калиток, провожающие их взглядами. Пыль поднялась столбом. Дорога пошла вдоль ерика, потом нырнула в камыши, и вот уже слева открылся лиман — огромный, до горизонта, с мозаикой островов, с белыми точками чаек, с запахом тины, который приносил даже ветерок.

Гончар вёл мотоцикл по колее, которую сам же и наездил за два года, и думал о том, что дед Степан, наверное, прав. Не про божью кару — про то, что Гришка.

Гришка Коваль был человеком заметным — не плохим, а именно заметным: работящий, рукастый, язык острый. Рыбачил он как одержимый, и бабы говорили, что он колдун на рыбу, потому что у любого рыбака на лимане улов, а у Гришки всегда двойной. Мужики завидовали, а милиция в лице Гончара периодически штрафовала его за сети — по-соседски, не со зла.

Вчера, десятого числа... тьфу, девятого, — Гришку видели вечером у магазина, купил хлеба и спичек. Сказал, что пойдёт на лиман, проверит снасть. Больше его никто не видел живым.

Гончар свернул с колеи, пересёк луг, остановился у куста бузины.

Велосипед лежал там же, где указал дед: на боку, колесо остановилось.

— Вон, — сказал дед Степан, слезая с коляски. — Там. В камышах.

Гончар заглушил мотор. Наступила тишина — та особенная лиманная тишина, в которой слышно каждое движение: шелест тростника, всплеск рыбы, далёкий крик чайки.

Он достал пистолет. Проверил патрон. Убрал обратно.

Правилами предписывалось брать понятых, составлять протокол осмотра, вызывать опергруппу. Но Гончар был из тех участковых, кто сначала смотрит своими глазами, а потом уже зовёт начальство. Так его учил старый участковый дядя Коля Лысенко, царствие ему небесное: «Глаза — первый понятой, Витя. Глаза не соврут, если ты им не дашь соврать.»

Он раздвинул камыш и вошёл внутрь.

2

Дед Степан не соврал.

Тело лежало в зарослях, метрах в двадцати от берега. На спине. Лицом к небу... — Гончар заставил себя поправить мысль, — тем, что осталось от лица, к небу.

Солнце уже поднялось, светило в спину, и Гончар видел всё в малейших деталях.

Кожи не было. Мышцы — красные, влажные, блестящие — были обнажены от лодыжек до плеч. На ногах — резиновые сапоги, обрезанные... нет, не обрезанные: сапоги были просто пустые, а ноги в них. Голени торчали из голенищ, как палки из банок. Руки — вытянуты вдоль тела, тоже голые, от кистей до плеч, без перчаток — Гончар машинально отметил, что на кистях кожи тоже нет, и ногти... ногтей не было. Срезаны или содраны вместе с покровом.

Грудная клетка — вскрыта. Рёбра разведены в стороны, как створки. Внутри — пустота: сердце, лёгкие, всё, что должно быть, — отсутствовало. Полость была чистой, будто её выскоблили ложкой.

И самое страшное — не пустота и не обнажённые мышцы, а аккуратность.

Это было так аккуратно, что у Гончара зашлось сердце.

Край кожи на лодыжке — ровный, как отрезанный ножом по линейке. Рёбра — срезаны так, что не осталось ни одной зазубрины, ни одной трещины: будто их распиливали, а потом отполировали край.

На шее — белый столбик первого шейного позвонка, атланта, идеально ровный. И на груди, вдоль тела, лежал позвоночник: изогнутая дуга белых костей от черепа (отсутствовавшего) до копчика (тоже). Позвонки были соединены связками, цельные, чистые.

И на них — насечки.

Гончар присел на корточки. Наклонился. Всмотрелся.

Три параллельные борозды, пересечённые косым штрихом. Рядом — ещё знаки: точки, чёрточки, петли. Не царапины. Резьба. Кто-то резал кость инструментом.

Гончар поднялся. Отступил на шаг. Дыхание выровнял — он учил себя дышать спокойно, носом, медленно, когда сердце пытается выпрыгнуть.

Он был милиционером уже два года. Убийства в Темрюкском районе случались — драки, пьянки, бытовуха. Обычно — нож, топор, кулак. Тела — изуродованные, залитые кровью, страшные по-человечески.

Это тело было страшным по-другому.

Здесь не было жестокости — здесь была работа.

Кто-то — или что-то — снял с человека кожу, как снимают шкуру с дичи. Кто-то извлёк внутренности — не вывалил, извлёк, аккуратно, по одному. Кто-то вырезал позвоночник целиком, с черепом, и положил его на грудь. Кто-то сделал на кости насечки — красивые, узорные, как на бляшке.

И ушёл.

Не убежал. Ушёл.

Гончар оглядел место. Трава вокруг тела примята — но не хаотично: широкий круг, метра полтора в диаметре, примят равномерно, будто здесь стояли несколько часов... или стояло что-то тяжёлое. Следов ног не было видно — трава упругая, на ней не остаётся. Но в одном месте, у выхода из круга, грязь была продавлена.

Гончар присел. Всмотрелся.

Отпечаток.

Не сапог, не ботинок, не босой ноги. Отпечаток был шире человеческого, длиннее — сантиметров тридцать пять, не меньше, — и на нём было пять пальцев. Пять широких, толстых

пальцев, заканчивающихся... Гончар наклонился ниже. В грязи, в глубине каждого пальцевого отпечатка, виднелись три узкие борозды — когти.

Пять пальцев. Когти. Ступня длиной больше мужской ступни.

Гончар выпрямился медленно. Где-то внутри, под рёбрами, заворочалось что-то холодное — не страх, ещё не страх, — непонимание.

— Ну что там, Витя? — донеслось с поляны. Дед Степан не пошёл в камыш — остался у велосипеда. — Помирать-то как?

— Помирает, дед, — ответил Гончар, — как все. Только не по-людски.

Он достал из кармана полевую сумку — блокнот, карандаш, рулетку. Измерил отпечаток: тридцать четыре сантиметра, округлил. Зарисовал в блокнот. Зарисовал тело — как лежит, где что. Записал время: 9:40.

Потом заставил себя подойти к телу вплотную, наклониться и осмотреть кисти рук — то, что от них осталось.

Пальцы были целы — фаланги все. Но кожи не было ни на ладонях, ни на тыльной стороне. Мышцы — красные, словно отполированные. Ногтей не было — ни на руках, ни на ногах (в сапогах, значит, тоже содрали с ногтями). Края — ровные, без разрывов.

«Это нож, — подумал Гончар. — Такой нож, которого я не знаю. Который режет кожу и не оставляет ни зазубрины. Который режет кожу от тела, как снимают перчатку.»

Ему стало нехорошо. Не от вида — от понимания.

Он отошёл к велосипеду, сел на траву, достал папиросу. Закурил. Руки слегка дрожали — не сильно, но заметно, и дед Степан это увидел.

— Ну? — спросил старик, садясь рядом.

— Дед, — сказал Гончар, — ты вчера ночью говорил — гроза была. Гроза была сильная?

— А то. Гром — будто небо рвали. Молния в лиман била, я сам видел — вода закипела, пар столбом.

— В лиман била? — переспросил Гончар. — А куда именно? Помнишь?

Дед Степан помолчал. Сощурился, глядя на воду.

— Да вон туда, — он махнул рукой в сторону камышовых островов, что темнели в полукилометре от берега. — За тем островом. Там, где топкое. Куда никто не ходит.

Гончар посмотрел в ту сторону.

Там, за островом, где топкое, где гнилое дно, — там, по словам деда, упала молния. А в девяти вечера умер Гришка Коваль. А ночью с него сняли кожу.

«Нет, — сказал себе Гончар. — Не молния. И не божья кара.»

Он затушил папиросу, встал.

— Так, дед. Сиди здесь. Никого не пускай. Если кто придёт — гони. Понял?

— Понял, — кивнул старик. — А ты куда?

— В Темрюк. Звонить. — Гончар завёл мотоцикл. — Это теперь не моё дело, дед. Это дело районное. Большое.

Он уехал, оставив старика одного у велосипеда — смотреть, чтобы никто не подошёл к телу.

Дед Степан смотрел вслед мотоциклу, потом перевёл взгляд на камыши, где лежал Гришка.

— Большое, говоришь, — пробормотал он, доставая кисет. — Большое оно, Витя. Очень большое. Только не районное оно. Не районное.

Он закурил. Посмотрел на небо.

Небо было чистое, высокое, голубое. И в нём, в самой вышине, дрожал — или это показалось — едва заметный блик.

Не звезда. И не самолёт.

Дед Степан зажмурился, посмотрел ещё раз. Блика не было.

«Показалось», — решил он и принялся ждать.

3

РОВД Темрюкского района размещался в двухэтажном здании на улице Ленина, рядом с кинотеатром «Тамань» и районным универмагом. Второй этаж занимал уголовный розыск — три комнаты, залитые июньским солнцем, с вечными запахами карболки, махорки и варёной капусты из столовой на первом.

Капитан Андрей Северин сидел у окна и читал дело.

Дело было скучное: кража из магазина «Промтовары» в станице Голубицкой. Унесли три рулона линолеума, ящик консервов и радиолу «Ригонда». Подозреваемого знали — местный алкаш по фамилии Гуров, третья судимость. Осталось доказать, и Северин доказывал с методичностью, которая уже принесла ему репутацию самого дотошного опера в отделе.

Но дело не читалось.

Мысли уходили в сторону, к утреннему звонку из Курчанской.

Звонил юный лейтенант Гончар. Голос у него был ровный, как у человека, который держит себя в руках изо всех сил.

— Товарищ капитан, тут у нас... — пауза. — Тело нашли. В камышах.

— Убийство? — спросил Северин.

— Не знаю, — ответил Гончар и добавил то, от чего у Северина внутри всё опустилось: — Даже не знаю, убийство ли это.

Северин отложил дело.

Он был высокий, суховатый, с лицом, которое в тридцать четыре года успело стать резким: глубокие складки у рта, внимательные серые глаза, короткая стрижка с ранней сединой на висках. Из уголовного розыска Темрюка его знали как человека, который не любит слов «примерно» и «наверное». Он любил факты. Когда фактов не хватало, он ждал.

У него было правило: если дело странное — ехать самому. Не перепоручать. Смотреть своими глазами.

«Глаза — первый понятой», — говорил когда-то его первый начальник, старый уголовник дядя Коля Лысенко... нет, Лысенко учил Гончара. Северина учил другой — майор Зимин, царствие небесное, застреленный в 1975-м при задержании душегуба из Славянска. Зимин говорил иначе: «Оперативник, который не был на месте, — это шахматист, который не видел доску. Он думает, что играет. А на самом деле ему уже мат.»

Северин снял трубку внутреннего телефона, позвонил начальнику РОВД — подполковнику Калюжному.

— Иван Степаныч? Северин. Еду в Курчанскую. Там тело нашли. Странное.

— Странное? — переспросил Калюжный. — Это как?

— Гончар говорит — кожа содрана. Вся. И позвоночник отдельно лежит. На груди.

В трубке помолчали.

— Шутки у тебя, Андрей Петрович, — сказал Калюжный.

— Не шучу, — ответил Северин. — Еду.

— Езжай. — В голосе начальника послышалось что-то новое — осторожность. — Только ты это... без самодеятельности. Осмотри, зафиксируй, доложи. Понял?

— Понял.

Северин положил трубку. Достал из сейфа полевую сумку: блокнот, рулетка, фотоаппарат «Зенит-Е» с запасной плёнкой, лупа, пинцет, пакеты для вещдоков. Проверил пистолет — ПМ, восемь патронов, один в стволе. Надел китель. Взял фуражку.

В коридоре столкнулся с экспертом — местным криминалистом лейтенантом Барсуковым, вечно сонным, с вечной луковицей в кармане.

— Барсуков, едешь со мной.

— Куда?
— На лиман. Труп.
— Труп? — Барсуков оживился. — Это хорошо. Давно не было. Старый что ли?
— Свежий.
— И что с ним? — спросил Барсуков, спускаясь по лестнице.
Северин помолчал.
— С него сняли кожу. Как перчатку.
Барсуков остановился на полпути.
— Чего?
— Едем, — сказал Северин, — сам увидишь.

4

На место они прибыли к полудню.

Солнце стояло в зените, жара давила. Дед Степан сидел на обочине, под кустом бузины, обмахиваясь фуражкой, и бдительно озирался. Увидев «Волгу» — тёмно-зелёную, с белой полосой, — поднялся, поклонился.

— Товарищи начальники...

— Здравствуй, дед. Гончар где?

— В камышах. Стережёт. Я стерегу отсюда, он оттуда. — Старик помялся. — Я, это... народу сказал, чтоб не ходили. Двоих уже прогнал — шебутных, с удочками. Сказал: хлорку разлили, отрава, рыба дохнет. Не пошли.

Северин коротко кивнул — одобрительно. Голова у старика работала: версия «хлорка» лучше любой другой, потому что объясняет и запрет, и почему тела не видно.

— Умно, дед. Ещё раз скажи — хлорка. Понял?

— Понял.

Северин и Барсуков вошли в камыш.

Гончар ждал у тела. Лицо у него было серое, но стоял он ровно, по форме, кобура на месте.

— Товарищ капитан, — козырнул. — Я следы вокруг обошёл. Больше ничего не трогал. Только... отпечаток один. В грязи. Зарисовал.

— Молодец, — сказал Северин и перевёл взгляд на тело.

И замер.

Он видел многое. За семнадцать лет — сначала в армии, потом в милиции — насмотрелся. Но это было не то.

Он подошёл ближе. Обошёл кругом. Наклонился. Рассмотрел край кожи на лодыжке — ровный, чистый, как срез бумаги. Рассмотрел рёбра — разведённые, без единой трещины. Рассмотрел насечки на позвонках — три борозды, косой штрих, точки, петли.

Он не был судмедэкспертом. Но он был оперативником, и чутьё у него было звериное. И чутьё кричало одно и то же слово, которое он не хотел произносить даже мысленно.

СЛЕДОВАЛО БЫТЬ КРОВИ. МНОГО КРОВИ.

Когда с человека сдирают кожу и вырезают внутренности, крови заливает всё вокруг: метры вокруг, лужу, лужу, лужу. Люди, которые делают такое — если делают, — сами пачкаются с головы до ног, оставляют следы, выволакивают тело, оставляют мазки на камыше.

Здесь не было ни капли.

Трава вокруг — почти чистая. Мышцы — красные, но сухие, будто кровь из них выпустили заранее. Внутренности отсутствуют — но вокруг нет следов их волочения. Ничего. Только примятый круг травы, трипалый отпечаток в грязи и тело, уложенное ровно, на спину, руки вдоль туловища.

Будто его не раздевали и не убивали — будто его выгрузили.

«Как мясо из холодильника», — подумал Северин, и мысль была настолько чужой, что он её отогнал.

— Барсуков, — сказал он. — Снимай. Всё. С разных точек. Плёнки не жалей.

— Понял.

Барсуков достал «Зенит», защёлкал. Вспышка — раз, два, три. В камышах, среди белого дня, вспышка выглядела чужой, болезненной.

— Гончар, — Северин повернулся к участковому. — Рассказывай. Подробно. С самого начала.

Гончар рассказал.

Про деда Степана, который нашёл тело утром. Про велосипед. Про отпечаток в грязи — пять пальцев, когти, тридцать четыре сантиметра длиной. Про то, что Гришка Коваль вчера вечером ушёл на лиман ставить сеть. Про грозу, молнию в лиман, у острова, где топкое дно.

— А ты, — спросил Северин, — это место знаешь? За островом, где топкое?

— Знаю, — ответил Гончар. — С детства знаю. Там никто не ходит. Дно гнилое, ил, утянет. Уток мало. Рыбы нет. Место — мёртвое.

— Мёртвое, — повторил Северин. — А молния туда била. Ночью. В грозу.

Он замолчал, глядя на воду, на камышовые острова вдалеке.

— Товарищ капитан, — осторожно сказал Гончар, — я понимаю, что звучит глупо. Но дед говорит — он такие знаки на костях уже видел. В 1914 году. И в 1953-м. Такие же тела — содранные, с позвонками на груди. Дед говорит — это водяной.

Северин не обернулся.

— Дед — старый?

— Семьдесят.

— Семьдесят. В 1914-м ему было четыре. Он помнит, а?

— Говорит, отец рассказывал. Отец сам нашёл своего отца — прадеда моего, — содранным, с позвонками на груди. И знаки такие же. Дед говорит — у нас это передаётся. От отца к сыну. «Водяной выходит раз в полвека».

Северин повернулся. Посмотрел на Гончара внимательно.

— И ты в это веришь?

Гончар помолчал. Потом сказал:

— Я в это не верю, товарищ капитан. Я в это не хочу верить. Но отпечаток — пять пальцев с когтями, тридцать четыре сантиметра — я его зарисовал. И его не объяснить ничем, что я знаю.

Северин снова посмотрел на лиман.

«Мёртвое место. Молния в грозу. Тело, с которого содрана кожа, как перчатка. Трипалый след с когтями. Насечки на костях.»

Он мысленно перебрал варианты, как перебирал всегда.

Маньяк не сделает такой чистой работы и не оставит так мало следов; зверь не снимет кожу — зверь разорвёт; птица не вырежет позвоночник; а человек не сможет, потому что человеку нужны часы и инструменты, и он оставит хоть какую-то зацепку — нитку, волос, отпечаток. Здесь не было ничего: ни волоса, ни нитки, ни капли крови.

«Исключи невозможное, — пришла мысль, и он вздрогнул — отчётливо, как от холода, хотя в камышах было плюс тридцать. — Остаётся одно — невозможное.»

Он не знал ещё, что это за невозможное. Но он уже понял главное: дело, которое он ведёт, — не дело. Это что-то другое. Что-то, что не укладывается в протоколы.

— Барсуков! — крикнул он. — Закончил?

— Закончил, товарищ капитан. Три катушки.

— Снимай отпечаток из грязи. Сделай слепок. Аккуратно.

— Понял. Гипс есть — на такой случай не рассчитывал, но есть.

Северин подошёл к Гончару. Встал рядом. Они оба смотрели на лиман.

— Слушай, лейтенант. Ты человек местный. Людей знаешь. Сегодня же — тихо, без шума — узнай: кто вчера вечером был у лимана. Кто что видел. Кто что слышал. Не через официальные каналы — через своих. Соседей, бабок, рыбаков. Понял?

— Понял.

— И ещё. — Северин помолчал. — Версию про хлорку держим. Она сейчас лучше всех. Пока начальство не решит, что к чему.

— А... вы сами-то что думаете, товарищ капитан? — спросил Гончар, и в голосе его слышалось то, что молодым оперуполномоченным слышать не положено: растерянность.

Северин посмотрел на него. Взгляд был спокойный, серый, холодный.

— Я думаю, лейтенант, что мы с тобой попали в дело, для которого в Уголовном кодексе статьи нет. И что мне это очень не нравится.

Он повернулся и пошёл к «Волге».

За спиной у него лиман дышал — ровно, медленно, как огромный зверь, которому нет до людей никакого дела.

5

Они вернулись в Темрюк к четырём.

Барсуков увёз слепки и плёнки в лабораторию. Северин заперся в кабинете с делом. Сначала — написал рапорт начальнику РОВД, сухой, фактологический: обнаружен труп, предположительно Коваль Г.М., характер повреждений необычный, подробности — после экспертизы. Потом — счёл рапорт. Потом — перечитал. Потом дописал: «Требуется участие судебно-медицинского эксперта краевого бюро. Прошу назначить».

Калюжный сам спустился в кабинет. Посмотрел на Северина, на рапорт, на лицо — и сел напротив.

— Андрей Петрович. Ты мне как на духу. Что там?

Северин помолчал. Потом сказал:

— Иван Степаныч, я тебе скажу, как на духу. Там лежит человек, с которого содрана кожа от лодыжек до макушки. С которого вынуты все внутренности и голова, а позвоночник — целиком, до копчика, — вынут и положен ему на грудь. Вокруг — ни капли крови. На костях — узор, вырезанный инструментом. В грязи — след босой... — он запнулся, — след ступни с пятью пальцами и когтями. Длиной тридцать четыре сантиметра.

Калюжный долго молчал. Потом переспросил:

— С пятью?

— С тремя.

— И когтями?

— И когтями.

Калюжный тяжело поднялся. Подошёл к окну. Долго смотрел на улицу, где по жаре шли люди, ехали грузовики, катилась обычная жизнь.

— Ты понимаешь, что если это всплывёт — в прессе, у людей, — начнётся? — сказал он, не оборачиваясь. — До Олимпиады — месяц. К нам приедут корреспонденты, иностранцы, делегации. А у нас тут — человек без кожи.

— Понимаю.

— И что ты предлагаешь?

— Правду, — сказал Северин. — Пока в узком кругу. Экспертиза. Наблюдение. Тихое расследование. Без шума.

Калюжный повернулся. Глаза у него были усталые — усталые до дна.

— А если это... ну... не человек? — спросил он почти шёпотом. — Что тогда?

Северин посмотрел ему в глаза.

— Тогда, Иван Степаныч, мы всё равно обязаны узнать, что это. Потому что если мы этого не узнаем — оно придёт снова. И тогда уже будет не до Олимпиады.

Калюжный сел, взял рапорт, перечитал его и поставил резолюцию: «Начальнику УГРО. Обеспечить. Контроль лично», — а ниже добавил карандашом, так, чтобы Северин прочитал:

«Будь осторожен, Андрей. Это не наше. Это сверху».

Северин прочитал. Кивнул. Взял рапорт и вышел.

В коридоре, у окна, он остановился. Посмотрел на небо.

В чистом вечернем небе, над морем, висел тонкий след — будто самолёт прошёл. Только самолётов в эту сторону не летало.

Северин смотрел на след долго — пока он не растаял.

«Исключи невозможное. Останется одно — невозможное.»

Он спустился вниз, сел в «Волгу» и поехал в морг. К знакомому патологоанатому — с просьбой, которая уже зрела в нём со вчерашнего вечера.

Ему нужен был человек, который умеет читать мёртвых.

Так в его жизни появилась Тамара Львовна Штерн.

ГЛАВА 2. МАЙОР ИЗ ТЕМРЮКА

След — улика. Улика — приговор.

1

Экспертизу назначили на четырнадцатое июня.

Четыре дня Северин работал как одержимый. Он мотался между Темрюком и Курчанской, поднимал архивы, опрашивал людей, рисовал в блокноте схемы лимана — и всё время чувствовал, как внутри него растёт тяжёлый, липкий ком, который не проходит ни после еды, ни после сна.

Сначала он держался версии «маньяк». Темрюкский район — небольшой, все друг друга знают. Маньяк — это кто-то свой: из Темрюка, из Курчанской, из соседнего Славянска. Кто-то, кто знал Коваля, знал лиман, знал, куда тот ходит ставить сети.

Он составил список. В него вошли: - трое освободившихся в последние два года — двое сидели за грабёж, один за изнасилование; - двое браконьеров, с которыми у Коваля были конфликты из-за мест; - один тракторист из соседней бригады, которого Коваль публично обозвал «козлом» за то, что тот продавал колхозные запчасти; - все психически больные на учёте в районном диспансере.

Северин отработал список за два дня. Все алиби подтвердились. Ни у кого не было ни мотива, ни возможности сделать такое — даже если предположить, что кто-то из них умеет снимать кожу с человека за полчаса, не оставляя следов.

Тогда он вычеркнул «маньяка» и перешёл к «зверю».

«Зверь» не работал ещё быстрее. Северин поднял данные о крупных хищниках района: волков в Темрюкском районе не было с пятьдесят четвёртого. Кабаны есть — но кабан не снимет кожу и не вырежет позвоночник. Собаки? Собака рвёт, а не режет. Ни одна собака в мире не сделает ровный разрез инструментом.

«Человек», «зверь» — вычеркнуто.

Оставалось «невозможное».

Северин сидел в кабинете, перед ним лежали: протокол осмотра, двадцать три фотографии, гипсовый слепок отпечатка и карта лимана с карандашными пометками. Он смотрел на слепок.

Пять пальцев. Когти. Длина — тридцать четыре сантиметра. Ширина в пятке — четырнадцать.

Он взял линейку, измерил слепок ещё раз. Тридцать четыре. Не ошибся.

Человеческая стопа — двадцать шесть-двадцать восемь сантиметров. В очень высоких сапогах — тридцать два. Тридцать четыре — это уже не человек. Это... что-то очень крупное. И с пятью пальцами.

«Невозможное», — подумал он. И впервые за четыре дня позволил себе додумать мысль до конца, не отворачиваясь от неё:

«Это невозможно для человека. Но это возможно для чего-то, что я не знаю. И если оно существует, то оно может прийти снова. Мне нужно понять, что это. Мне нужно понять, как оно думает. И мне нужно понять, как его остановить.»

Он взял лист бумаги. Написал сверху: «ВЕРСИИ». Ниже — аккуратно, печатными буквами:

1. ЧЕЛОВЕК (маньяк) — ИСКЛЮЧЕНО: нет следов, нет мотива, нет возможностей. 2. ЖИВОТНОЕ — ИСКЛЮЧЕНО: нет биологических следов, характер повреждений инструментальный. 3. НЕИЗВЕСТНОЕ.

Он посмотрел на третью строку. Долго. Потом дописал внизу:

«Вопрос: что? Вопрос: зачем? Вопрос: как остановить?»

И подписал: «Северин А.П., капитан милиции. 14.06.1980».

2

Тамара Львовна Штерн приехала в Темрюк четырнадцатого июня в одиннадцать утра на попутной «Волге» краевого управления.

Она была невысокая, полноватая, с короткой стрижкой и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-либо. Сорока лет, судебно-медицинский эксперт краевого бюро СМЭ, стаж восемнадцать лет. В Краснодаре о ней говорили: «Штерн читает труп как газету — и замечает опечатки, которые не видят другие».

Северин встретил её у входа в морг. Протянул руку — сухую, тёплую, уверенную.

— Капитан Северин. Андрей Петрович.

— Тамара Львовна. — Она окинула его взглядом, коротким, профессиональным, как осматривают новую дверь. — Вы тот, кто нашёл тело?

— Я тот, кто его ведёт.

— Тогда ведите, — сказала она. — Показывайте.

Морг Темрюкской районной больницы — маленький, на два стола, с кафельным полом в трещинах и вечным запахом формалина, смешанного с хлоркой. Заведующий — старенький доктор Гаркуша, патологоанатом со стажем сорок лет, — встретил их у входа, вытирая руки о халат.

— Тамара Львовна! Вот это да! Из краевого? А мы-то думали — заурядная работа, а тут вон оно что...

— Где тело? — спросила Штерн.

— В камере. В холодильнике. Я его... — Гаркуша замялся, — я его не трогал. Смотрел только. Глазами.

— Правильно, — сказала Штерн. — Показывайте.

Они вошли в секционный зал. Гаркуша подкатил стол, накрытый простынёй. Снял простыню.

Тело лежало на спине, как оставили его в камышах: мышцы обнажены, рёбра разведены, полость пуста. Пахло слабо — формалин перебивал всё. Но даже сквозь формалин Северин уловил странный оттенок — металлический, сладковатый, тот, что он запомнил ещё на лимане.

Штерн не изменилась в лице. Подошла. Наклонилась. Осмотрела края кожи на лодыжке, провела пальцем в перчатке по краю мышцы, по рёбрам, по позвоночнику.

— Инструмент, — сказала она через минуту. — Рез.

— Что?

— Рез. Не разрыв. Не разрез. Рез. — Она повернулась к нему. — Вы понимаете разницу, капитан? Разрез оставляет ровный край и микротрещины. Разрыв — рваные волокна. А рез — это когда ткань рассекается под действием высокой температуры. Край при этом — как стекло. Оплавленный. Прижжённый.

Она взяла пинцет, приподняла край кожи на лодыжке.

— Смотрите. Край гладкий. Блестящий. При осмотре под лупой — ни одной зазубрины. Ни одного разрыва волокон. Никаких следов зубов, ногтей, лезвия. Это не нож, капитан. Нож оставил бы хоть что-то: царапину, скол, микротрещину. Здесь — ничего. Ткань рассечена одномоментно, на всю глубину, с прижиганием краёв.

Она отпустила кожу. Выпрямилась.

— Чем это можно сделать?

Штерн помолчала. Потом сказала:

— Лучом. Каким-то лучом, который режет и прижигает одновременно. Лазером, если хотите. Только у нас таких лазеров, — она посмотрела ему в глаза, — в открытом доступе нет. И в закрытом, насколько мне известно, тоже.

Северин молчал.

Штерн продолжила осмотр. Прошлась по всему телу. Осмотрела пальцы — без ногтей. Осмотрела полость — пустую, чистую. Осмотрела основание черепа — отсутствовало, срез гладкий.

Взяла позвоночник, лежавший рядом, — тот, что извлекли при вскрытии. Провела пальцем по насечкам.

— Это не царапины, — сказала она. — Это гравировка. Инструментом по кости. Три параллельные борозды, пересечённые косым штрихом. И ещё знаки — точки, чёрточки, петли. Похоже на... письменность. Или на ритуальные знаки. Как в книжках по этнографии, когда описывают трофеи охотников...

Она замолчала. Посмотрела на Северина.

— Трофеи, капитан. У некоторых народов до сих пор принято снимать с убитого врага скальп или брать череп. Но здесь — не скальп. Здесь взяли позвоночник целиком, вместе с черепом, и положили на грудь. Это не действие маньяка, который ищет славы или мести. Это действие человека... или существа, — поправилась она, — которое стремится сохранить трофей. Которое гордится трофеем. Которое ведёт учёт.

— Учёт? — переспросил Северин.

— Да. — Она указала на насечки. — Это знаки. Каждое убийство — отметка. Это как зарубки на прикладе.

Она сняла перчатки. Вымыла руки. Долго, тщательно, как делала всегда после вскрытия, — привычка, выработанная годами.

— Мне нужен анализ крови, — сказала она. — Точнее — того, что осталось. И проба тканей из полости.

— Крови там не было, — сказал Северин. — Почти.

— Почти?

— Несколько капель. Взял на анализ. В лаборатории сказали — кровь человеческая, группа вторая, резус положительный, Коваль. Всё сходится.

— Капли, — повторила Штерн, задумчиво. — Значит, тело обескровлено. Всё, до последней капли, кроме нескольких, которые успели... — она замолчала.

— Что «успели»? — спросил Северин.

— Успели вытечь сами, — сказала Штерн. — Обескровить человека так, чтобы не осталось ни капли, — это технология, капитан. У нас такой нет. Есть у ветеринаров — когда забивают скот, спускают кровь. Но у человека, в полевых условиях, без следов — у нас такой технологии нет.

Северин стоял у стола, глядя на тело.

— Тамара Львовна, — сказал он тихо, — вы понимаете, что вы сейчас говорите? Что это не человек. Не животное. И что у нас нет ни одной версии, кроме... — он запнулся, — кроме невозможной.

Штерн посмотрела на него спокойно. В её глазах не было ни удивления, ни страха — только усталость профессионала, который видел слишком много, чтобы удивляться.

— Капитан, я восемнадцать лет читаю трупы. Я видела всё: от бытовухи до железнодорожных катастроф. Но такого я не видела никогда. — Она помолчала. — И я вам скажу, что я об этом думаю. Хотите?

— Хотим.

— Думаю, что это — не с нашей планеты.

В комнате стало тихо. Слышно было, как гудит холодильника мотор, как капает кран.

Северин не нашёл сил ответить сразу.

— Почему вы так думаете? — спросил он наконец.

— Потому что я исключила всё, что можно исключить. Это не человек. Это не животное. Это не машина — машина не оставит следов, но и не будет снимать кожу с ритуальной тщательностью. Остаётся одно: существо, которое умеет резать лучом, которое охотится на людей как на дичь, которое ведёт учёт трофеев и оставляет на них знаки.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я не знаю, что это, капитан. Но я знаю, что это опасно. Очень опасно. И что если оно вернётся — а оно вернётся, потому что такие, как оно, всегда возвращаются, — нам нужны будут не протоколы, а оружие.

Северин стоял, смотрел на тело, на позвоночник с насечками, на пустые глазницы — глазниц не было, был ровный срез черепа, ушедший вместе с головой.

Он молчал долго. Потом сказал:

— Оружие у нас есть. Вопрос — поможет ли оно.

3

Северин повёз Штерн обратно в Темрюк в своей «Волге». По дороге молчали. Каждый думал о своём.

У здания РОВД Штерн сказала:

— Я напишу заключение. Официальное — для протокола — и второе, для вас. Для истории. В официальном будет сказано: «смерть наступила в результате обширных повреждений, несовместимых с жизнью, характер повреждений требует дальнейшего исследования». А в неофициальном я напишу правду.

— Какую правду? — спросил Северин.

— Ту, которую вы и сами уже знаете, капитан. Что такое с человеком сделать невозможно. Что здесь поработало что-то, чему в нашем мире нет имени. И что если вы не найдёте его — оно найдёт вас.

Она взяла свою сумку, вышла из машины, потом обернулась:

— И ещё. Вы просили «всё, что можно исключить». Я исключила. Но есть одна вещь, которую я не исключила. Я не проверяла. — Она помолчала. — След от ожога. Тот, что на позвоночнике, на втором шейном позвонке. Я его видела краем глаза, но мне нужно посмотреть под микроскопом. Если это ожог, как я думаю, — он не от огня. Он от электричества. Или от чего-то, что жжёт так же.

Она ушла.

Северин смотрел ей вслед, потом поднялся в кабинет, сел за стол, открыл блокнот и написал:

«14.06.1980. Экспертиза Штерн Т.Л. Вывод: не человек, не животное. Трофейная система. Знаки на кости. Ожог на позвонке — не от огня. Вопрос: что? Вопрос: откуда? Вопрос: зачем?»

И ниже, другим почерком, почти неразборчиво:

«Оно вернётся. Мне нужно отдохнуть».

Он решил, что сегодня вечером — домой, к Пашке, к тишине, к нормальной жизни. Хотя бы на вечер.

Но вечером позвонил Гончар.

— Товарищ капитан, — голос у участкового был странный, глухой, — у нас тут... ещё один.

4

Северин выехал немедленно. Темнело. Дорога — сначала асфальт, потом гравий, потом грунтовка — петляла между лиманами. Фары выхватывали из тьмы камыш, воду, редкие деревья.

«Второй», — думал он. — «Второй. За четыре дня. Оно вернулось быстрее, чем я думал».

В Курчанской его встретил Гончар. Лицо у лейтенанта было белое, как мел.

— Где? — спросил Северин.

— На Ахтанизовском. На том берегу. Метрах в трёхстах от воды. Браконьер. — Гончар глотнул воздух. — Не наш. Из Славянского района. Приезжий. Я его знаю — Тишка Седов, из хутора Чёрный Ерик. Он тут сети ставит... ставил. Всю жизнь.

— Показывай.

Они пошли через поле. Ночь была тёплая, душная, без ветра. Комары вились тучами. Где-то далеко, на лимане, ухала выпь.

Тело лежало на тропе среди бурьяна. Точно такое же, как первое. Кожи нет. Рёбра разведены. Пустота. Позвоночник — отдельно, на груди, с насечками.

Северин и Гончар стояли над ним молча. Потом Северин присел, взял фонарь, осветил.

Насечки были другими. Не те, что на Ковале. Здесь — не три борозды с косым штрихом, а четыре точки в ряд, под ними — дуга, и рядом — два косых штриха.

— Другой рисунок, — сказал Северин. — Не тот, что у Коваля.

— Что это значит? — спросил Гончар.

— Это значит, — медленно сказал Северин, — что оно ведёт учёт. Каждое убийство — новый знак. Как будто оно отмечает... — он замолчал, — отмечает, сколько взяло. Или кого взяло.

Он выпрямился. Посмотрел на лиман, на тёмную воду, на камыш.

— Оно не одно, — сказал он. — Если бы оно было одно, оно не оставило бы второго тела так близко к первому. Оно бы ушло, спряталось, выждало. А тут — четыре дня, и снова. Это не осторожность. Это... — он подыскивал слово, — это азарт. Оно вошло во вкус.

— И что нам делать? — спросил Гончар.

Северин посмотрел на него. В темноте глаза капитана казались чёрными.

— Нам, лейтенант, делать нечего. Мы — добыча. Теперь нам нужно понять, как стать охотниками.

Он достал папиросу, закурил, глядя на лиман.

Где-то там, в темноте, среди камыша, среди гнилой воды, среди островов, где топкое дно, — оно смотрело на них.

Северин чувствовал этот взгляд. Не спиной — всем телом, как чувствуют опасность звери.

«Оно вернётся, — подумал он. — Оно уже здесь».

Он не обернулся. Но рука сама легла на кобуру.

ГЛАВА 3. СКАЛЬПЕЛЬ И ПРОТОКОЛ

Труп — это протокол, написанный кровью.

1

Тамара Львовна Штерн не любила слова «страшно».

Восемнадцать лет судебно-медицинской практики научили её одному: страх — это роскошь, которую эксперт не может себе позволить. Когда перед тобой на столе лежит человек, которого больше нет, когда его тело — единственный документ, который остался от его жизни, ты не имеешь права бояться. Ты имеешь право только читать. Внимательно. До последней буквы.

Но этой ночью, в четырнадцать ноль-ноль... нет, в два часа ночи, в маленькой лаборатории Темрюкской больницы, куда она привезла пробы с Ахтанизовского, Тамара Львовна поймала себя на том, что впервые за долгие годы ей не хочется открывать конверт.

Конверт был простой, бумажный, из-под рентгеновских снимков. Внутри — предмет, который она извлекла из позвоночника второго тела: небольшой осколок, застрявший между третьим и четвёртым позвонками. Крошечный, не больше ногтя. Тёмный, с блестящим краем.

Она высыпала его на ладонь.

Осколок был лёгкий. Слишком лёгкий для металла. Слишком твёрдый для кости. На краю — ровный срез, как у стекла. И на нём, под лупой, — узор.

Не насечки. Не царапины. Узор — микроскопический, в виде тончайших линий, расходящихся от центра, как прожилки листа. Под лупой он казался почти живым: линии изгибались, переплетались, уходили в глубь материала.

— Что ты такое? — спросила Тамара Львовна вслух.

Осколок молчал. Осколки не говорят.

Она положила его в чашку Петри, накрыла, убрала в сейф. Потом села за стол, включила настольную лампу, раскрыла толстую тетрадь в клеточку — свою, личную, куда записывала всё, что не могло войти в официальные протоколы.

«15.06.1980, 02:10. Второе тело (Ахтанизовский лиман, Седов Т.И., 41 год, рыбак, х. Чёрный Ерик). Осмотр в 23:40 того же дня. Картина идентична первому случаю: кожный покров удалён полностью (от лодыжек до макушки), края ровные, оплавленные, без следов механического воздействия. Полость грудная и брюшная — пустые, стенки чистые. Череп и первые два шейных позвонка отсутствуют. Позвоночник извлечён целиком, уложен на груди. На кости — знаки: четыре точки в ряд, дуга, два косых штриха. Рисунок ОТЛИЧАЕТСЯ от первого случая (три борозды + косой штрих). Вывод: рисунок на кости — не случайность. Это система. Каждое убийство — новая метка. Либо учёт добычи, либо... иероглифическое письмо, которое я пока не умею читать. ВНИМАНИЕ: в позвонках второго тела найден инородный предмет (осколок). Материал не определён. Не металл, не кость, не пластик. Плотный, лёгкий, с микроузором. Похоже на... отколовшийся фрагмент какого-то инструмента или устройства. Если это инструмент — то инструмент, который оставил след в КОСТИ. Который режет кость, как бумагу, и при этом сам крошится. Кто это делает - я не знаю. Но теперь у меня есть вещественное доказательство того, что это «кто-то» использует технологию, которой у нас нет. Т.Ш.»

Она перечитала запись. Подчеркнула последнюю строчку. Закрыла тетрадь.

За окном занимался рассвет. Серый, мутный, с лимана тянуло сыростью.

Тамара Львовна вздохнула, потёрла глаза, встала. Впереди был долгий день: нужно было оформить официальное заключение по второму телу, вернуться в Краснодар, доложить начальству, успеть на вечернюю электричку...

Но вместо этого она села обратно. Достала осколок. Положила на ладонь. И долго смотрела на него, на странный микроузор, на ровный срез, на лёгкость, которую не могла объяснить.

— Ты не отсюда, — сказала она тихо. — Я не знаю, откуда ты, но ты не отсюда.

Осколок лежал на ладони, тёмный, тёплый — от её тепла он нагрелся, и это было странно, потому что ни металл, ни кость, ни пластик не нагреваются так быстро и так ровно.

Тамара Львовна положила его обратно в сейф. Закрыла. Повернула ключ.

И выбросила мысль о том, что осколок, кажется, слегка — самую чуточку, на миллиметр — повернулся на ладони, когда она на него смотрела.

Выбросила. Но до конца не выбросила.

2

В Краснодар она вернулась к полудню.

Краевое бюро судебно-медицинской экспертизы размещалось на улице Седина, в старом здании, где пахло воском, бумагой и той особенной медицинской тишиной, которая отличает учреждения, привыкшие к смерти. Кабинет начальника бюро — заслуженного врача РСФСР профессора Викентия Павловича Ястребова — находился на втором этаже, с высокими окнами, выходящими во двор с чахлым тополем.

Ястребов был стар, сух, носил очки с толстыми линзами и галстук, который не менял с юбилея Победы. К Тамаре Львовне он относился с уважением, которое в ведомственном мире встречается редко: уважением профессионала к профессионалу.

— Ну, — сказал он, когда она вошла, — что там у тебя за чудеса из Темрюка?

Тамара Львовна положила на стол папку. Сверху — фотографии. Отдельно — конверт с осколком.

— Викентий Павлович, — сказала она, — я не знаю, как это объяснить. Поэтому я просто покажу.

Она разложила фотографии: первое тело, второе тело, крупные планы краёв кожи, позвонков, насечек.

Ястребов смотрел долго. Потом взял лупу, посмотрел на фотографии ещё раз. Потом открыл конверт, высыпал осколок на ладонь и долго вертел его, рассматривая на свет.

— Металл? — спросил он.

— Нет.

— Керамика?

— Нет.

— Кость?

— Нет.

Ястребов положил осколок обратно. Снял очки. Потёр переносицу.

— Тамара Львовна, — сказал он тихо, — я видел многое. Я видел, как умирают от ножа, от пули, от болезни, от старости. Я видел тела, изуродованные так, что их не могли опознать матери. Но такого... — он кивнул на фотографии, — такого я не видел никогда. Это не человеческая работа. Это даже не звериная работа. Это...

Он замолчал. Посмотрел на неё.

— Вы понимаете, что, если я подпишу это заключение в таком виде, — он постучал пальцем по фотографиям, — нашему ведомству придётся отвечать на вопросы, на которые у нас нет ответов?

— Понимаю.

— И вы понимаете, что если я НЕ подпишу — я совершу должностное преступление, потому что скрою факт, имеющий значение для расследования?

— Понимаю.

Ястребов долго смотрел на неё. Потом взял ручку, развернул бланк заключения и написал:

«Смерть наступила в результате повреждений, несовместимых с жизнью. Характер повреждений требует углублённого исследования. Данные осмотра прилагаются.»

— Так, — сказал он. — Официально. Для протокола. А для себя, Тамара Львовна, я скажу вам другое: будьте осторожны. Тот, кто это сделал, — он не человек. И он, судя по всему, не один. Если эта тварь выйдет на вас — зовите. Я стар, но винтовку ещё держу.

Тамара Львовна взяла папку. Улыбнулась — первый раз за сутки.

— Спасибо, Викентий Павлович.

— Не за что. — Он посмотрел на осколок. — Этот... предмет. Вы его куда?

— Пока у меня. Потом — в специальное хранилище для вещдоков. Если доживёт.

— Доживёт, — сказал Ястребов. — Такие, как этот осколок, доживают до всего.

Он проводил её взглядом до двери. Когда она вышла, взял телефонную трубку.

— Соедините меня с первым отделом управления КГБ по краю, — сказал он в трубку. — Есть материалы, которые следует передать. По линии... — он помолчал, — по линии особой важности.

Тамара Львовна ещё не знала, что уже через несколько часов её имя окажется в папке, которую читают совсем другие люди. Люди, которые не носят белых халатов и которым не нужны протоколы вскрытий, чтобы принимать решения.

3

Разговор с Ястребовым оставил у неё осадок.

Не из-за заключения — заключение было честным, она умела отличать честность от фикции. Осадок был из-за осколка. Из-за того, как он лежал на ладони. Из-за того, как нагрелся. Из-за того, что ей показалось, будто он повернулся.

Бред, конечно. Она была профессионалом и знала цену таким ощущениям. Рука дрогнула — вот и всё. Мышцы устали — вот и поворот.

Но вечером, у себя дома, в малогабаритной квартире на улице Гоголя, она не выдержала. Достала ключ от служебного сейфа... нет, тот ключ лежал в другом месте: она привезла осколок домой, спрятала в шкатулку с пуговицами, на дно, под пуговицы. Зачем? Сама не знала. Может быть, для того, чтобы он не попал в чужие руки раньше времени. Может быть, для того, чтобы понять.

Она достала шкатулку и открыла её: пуговицы, пуговицы, пуговицы — а на дне лежал осколок, тёмный и спокойный.

Она высыпала его на ладонь. Поднесла к настольной лампе.

Микроузор был на месте. Линии расходились от центра, как прожилки листа. Она смотрела на них долго, до рези в глазах, и вдруг поймала себя на мысли, что узор... изменился.

Нет. Не может быть. Она смотрела на него днём, под микроскопом. Линии расходились от центра — ровные, симметричные. Сейчас они... не были симметричны. Одна линия, та, что шла к левому краю, стала длиннее. И как будто чуть изогнулась.

Тамара Львовна положила осколок на стол. Отошла. Вернулась. Посмотрела.

Линия осталась длиннее.

Она не была суеверной. Но в этот момент ей стало по-настоящему не по себе. Не страшно — не по себе. Так бывает, когда открываешь книгу и видишь, что буквы в ней сложились в слово, обращённое к тебе, хотя никто не мог его написать.

Она взяла осколок. Положила обратно в шкатулку. Захлопнула крышку. Убрала шкатулку в ящик комода, под бельё.

И всю ночь не могла заснуть.

В три часа она встала, заварила чай, села у окна. За окном спал Краснодар. Где-то на юге, за лиманами, за станицами, лежала Курчанская — и в ней, в камышах, лежали два тела, и на их костях были знаки, которые она не умела читать.

Она допила чай. Пошла спать.

Осколок под бельём — в ящике комода — лежал спокойно. Или казался спокойным.

4

Утром позвонил Северин.

— Тамара Львовна, — голос у него был глухой, будто он не спал несколько суток, — у нас третье.

— Третье?

— Да. Солдат. Срочник с учебного полигона под Славянском. Найден в рисовых чеках. У Протоки. — Пауза. — Точно такая же работа. Только знаки на кости — другие. Снова другие.

Тамара Львовна закрыла глаза. На секунду — всего на секунду — позволила себе почувствовать то, что чувствовала всегда в начале больших дел: как поднимается изнутри холодная, тяжёлая волна, которая ещё не страх, но уже предчувствие.

— Еду, — сказала она. — На этот раз я должна увидеть всё сама. С места.

— Приезжайте. Я буду на месте. И, Тамара Львовна...

— Да?

— Там уже военные. И, кажется, ещё кто-то. Из краевого управления. Не милиция. Вы поймёте, когда увидите.

Она положила трубку. Собрала чемоданчик эксперта: скальпели, пинцеты, пробирки, лупу, фотоаппарат, чистые халаты, перчатки. Взглянула на ящик комода, где под бельём лежала шкатулка с пуговицами и осколком.

Поколебалась. Потом открыла ящик, достала шкатулку, вынула осколок и положила его в нагрудный карман халата, рядом с запасной ручкой.

— Пойдёшь со мной, — сказала она осколку. — Может, ты нам что-то расскажешь.

Осколок молчал. Осколки не говорят.

Но в кармане, у самого сердца, он был тёплым. Тёплым, как живой.

5

Место третьего убийства находилось в двух километрах от хутора Семисводный, на краю рисовых чеков.

Рисовые чеки — ровная, как стол, равнина, расчерченная каналами на прямоугольники. В июне чеки ещё стояли под водой — молодые ростки риса торчали из неё редкими зелёными перьями. Вода была тёплая, парная, мутная. Над водой висела мошкара.

Тело лежало на меже — узкой земляной полосе между двумя чеками. Вокруг — военные. Капитан в полевой форме, двое сержантов, солдаты с автоматами. И — гражданский, которого Северин не знал: высокий, сухой, в тёмном костюме без галстука, с короткой стрижкой и лицом, которое не выражало ничего.

Северин подошёл, кивнул капитану, показал удостоверение.

— Капитан милиции Северин, уголовный розыск Темрюкского РОВД.

— Капитан Астахов, — ответил военный. — Особый отдел дивизии.

Северин кивнул. Особый отдел — это военная контрразведка. Значит, дело уже ушло из рук милиции.

— Кто нашёл?

— Патруль. Утром, при обходе чеков. — Астахов был скуп на слова, как все люди, привыкшие к дисциплине. — Солдат. Рядовой Калюжный... — он запнулся, — однофамилец вашего начальника, не обращайте внимания. Рядовой Калюжный В.С., восемнадцать лет, призыв ноября прошлого года. Проходил службу в учебном центре. Вчера вечером самовольно... — он снова запнулся, — предположительно самовольно покинул расположение части. Найден здесь.

— Что он здесь делал?

— Неизвестно. Возможно, рыбачил. В части знают: солдаты иногда ходят к чекам. Рыбы много. Штраф — наряд вне очереди. Никто не думал, что это смертельно.

Северин подошёл к телу. Оно лежало на спине, руки вдоль туловища. Точно так же, как два других.

Кожи нет. Рёбра разведены. Пустота. Позвоночник на груди, с насечками.

Он наклонился. Знаки были другими: не три борозды, не четыре точки — а сложный рисунок: спираль, от которой отходили три луча, и под ней — две короткие черты.

Северин смотрел на спираль долго.

«Три разных знака. Три разных рисунка. Три разных... — он поймал мысль, — трофея. Оно ведёт учёт. Или... оно разное. Не одно существо — несколько. Каждое со своим знаком.»

Он поднялся. К нему подошёл гражданский в тёмном костюме.

— Капитан Северин?

— Да.

— Подполковник Гущин. Управление КГБ по Краснодарскому краю. — Он протянул удостоверение. Северин посмотрел: удостоверение было настоящее. — Я бы хотел с вами поговорить. Наедине. Прямо сейчас.

Северин посмотрел на него. Потом на тело. Потом снова на Гущина.

— О чём?

— О том, — Гущин понизил голос, — что вы трое уже знаете: это не человек. И о том, что делать, когда такое узнаёт слишком много людей.

Он развернулся и пошёл к «Волге» с номерами краевого управления.

Северин смотрел ему вслед.

«Вот оно что, — подумал он. — Значит, дело уже не моё. И уже не милицейское.»

Он бросил взгляд на спину Гущина, на его ровную, сухую походку.

«И уже не человеческое», — подумал он.
И пошёл следом.

ГЛАВА 4. ЛЕГЕНДЫ ЛИМАНА

Старики помнят то, о чём архивы молчат.

1

Разговор с Гущиным состоялся на берегу Протоки.

Подполковник КГБ стоял у воды, спиной к станице, лицом к камышам. В руке у него не было ни папиросы, ни блокнота — он просто стоял и смотрел. Северин подошёл, встал рядом.

— Капитан, — сказал Гущин, не оборачиваясь, — вы сколько лет в органах?

— Семь лет в милиции. До этого — армия, разведка, Дальний Восток.

— Разведка? — Гущин повернулся. — Какая?

— ВДВ, Даманский. 1969.

Гущин посмотрел на него внимательнее.

— Значит, горячим повоевали.

— Было дело, — коротко ответил Северин.

— Хорошо. Значит, вы понимаете, что такое приказ. И что такое государственная тайна.

Северин промолчал.

— То, что вы видели на лимане, — продолжил Гущин, — и то, что вы видите сейчас, — это не дело уголовного розыска. Это дело особой категории. У меня есть документы — закрытые, с грифом «для служебного пользования», — которые говорят о том, что подобные случаи происходили и раньше. В других местах. С другими жертвами. И каждый раз — одна и та же картина: тело, лишённое кожи, позвоночник на груди, знаки на кости.

Он замолчал, давая Северину время переварить.

— Где? — спросил Северин.

— Петрозаводск, сентябрь семьдесят седьмого. Приморье, весна семьдесят девятого. И, по неподтверждённым данным, — Украина, сорок седьмой год. После войны.

Северин почувствовал, как в груди медленно, тяжело ворочается что-то холодное.

— И что это? — спросил он. — Вы знаете?

— Нет, — честно ответил Гущин. — Не знаю. У нас есть версии. Лучшая из них — неопознанный летающий объект. Или, если хотите, — он помолчал, — неопознанный биологический объект. С планеты не нашей.

— Вы в это верите?

— Я верю в факты, капитан. А факты таковы: у нас есть существо — или группа существ, — которое охотится на людей. Которое использует технологию, не известную нашим военным и гражданским специалистам. Которое оставляет на телах знаки, похожие на... на трофейные метки. Которое не оставляет отпечатков пальцев, волос, следов ДНК или хотя бы нитки одежды. Оно приходит из ниоткуда и исчезает в никуда. — Он повернулся к Северину. — У меня нет объяснения, которое укладывается в научную картину мира. Но у меня есть приказ: закрыть эту территорию. Найти источник. И нейтрализовать. Любой ценой.

— Любой ценой? — переспросил Северин.

— Любой. — Гущин смотрел на него не моргая. — Вы военный, капитан. Вы знаете, что такое «любой ценой».

Северин знал. И эта цена ему не нравилась.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Для начала — прекратить официальное расследование. Передать материалы мне. Создать оперативную группу под моим руководством. Вы, ваш участковый, эксперт Штерн — в группе. Все остальные — в неведении.

— А начальник РОВД? Калюжный?

— Калюжному скажут, что дело передано в КГБ. Он поймёт. Он уже стар для удивлений.

Северин молчал, глядя на воду. Протока текла медленно, мутно, несла на себе тину, ветки, пустые консервные банки.

— Я согласен, — сказал он наконец, — при одном условии.

— Каком?

— Я не буду врать своим людям. Они будут знать, что мы ищем. И они будут знать, с кем имеют дело.

Гущин долго смотрел на него.

— Договорились, — сказал он. — Но только в пределах группы. Если информация уйдёт дальше — я закрою дело. И вас закрою. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Хорошо. — Гущин протянул руку. — С этой минуты — мы работаем вместе.

Северин пожал руку. Ладонь у подполковника была сухая и жёсткая, как корка.

2

Гончар ждал на берегу, у мотоцикла. Лицо у него было напряжённое, как струна.

— Ну? — спросил он, когда Северин подошёл.

— Мы теперь работаем с КГБ, — коротко сказал Северин. — Группа особого назначения. Четыре человека: я, ты, Тамара Львовна и один человек, которого я ещё не видел, но, говорят, он скоро прибудет из Афганистана. Специалист по... — он запнулся, — по нестандартным ситуациям.

— Из Афганистана? — удивился Гончар. — А он-то нам зачем?

— Затем, что у нас есть три трупа, а подозреваемый — не человек. И нам нужно оружие, — Северин посмотрел на Гончара, — и человек, который умеет с ним обращаться не по уставу.

Гончар молчал. Потом сказал:

— А дед Степан? Он ещё что-то знает. Он говорил про 1914-й и 1953-й.

— Знаю. — Северин забрался на пассажирское сиденье мотоцикла. — Поехали к деду. Мне нужно услышать это лично.

3

Дед Степан сидел на лавке у своей хаты, в тени старой шелковицы, и чинил сеть.

Увидев милицейский мотоцикл, он отложил челнок, снял очки, прищурился.

— Здоровы, товарищи начальники. Долго вы.

Северин сел рядом. Гончар пристроился на завалинке.

— Дед, — начал Северин, — ты говорил Гончару про 1914-й год. Про то, как твой отец нашёл тело твоего деда. Расскажи мне. Всё. С самого начала.

Дед Степан долго молчал. Потом достал кисет, скрутил цигарку, прикурил.

— Далёкое это дело, капитан. Давнее.

— Ничего. У меня есть время.

Дед Степан затянулся, выпустил дым, посмотрел на небо.

— Отец мой, Степан Хмара-старший, был рыбак. Как я, как дед. Всю жизнь на лимане. 1914-й год, лето. Июнь, кажется. После Троицы. Дед — Иван Хмара — пошёл на лиман ставить сети. И не вернулся.

Он замолчал. Потом продолжил:

— Отец искал его два дня. На третий — нашёл. В камышах, на Курчанском. Тело было... — старик затянулся, — такое же, как Гришка. Кожи нет. Рёбра наружу. Голова отрезана. Позвоночник — отдельно, на груди лежит. И на кости — зарубки. Три полосы, крест-накрест.

— Три параллельные борозды, — уточнил Северин, — пересечённые косым штрихом?

Дед Степан посмотрел на него удивлённо.

— Ты откуда знаешь?

— У первого тела такой же знак.

Старик перекрестился.

— Значит, он вернулся.

— Кто — «он»?

— Водяной. — Дед Степан посмотрел на Северина прямо, без тени улыбки. — Так отец называл. Водяной. Или Лиманник. В старину говорили: из лимана выходит зверь, который охотится на людей. Не каждый год — раз в пятьдесят лет. Берёт одного-двух, сдирает кожу, забирает череп, и уходит. Потом — опять молчит полвека.

— Забирает череп, — повторил Северин. — А позвоночник оставляет на груди. Как трофей.

— Как трофей, — кивнул дед Степан. — У казаков издавна так: трофей врага кладут на грудь убитого. Чтобы душа врага не ушла без следа. Чтобы помнили, кто его убил. — Он помолчал. — Только это не казачий обычай. Это — его обычай.

— А 1953-й год? — спросил Северин.

— А 1953-й... — дед Степан вздохнул. — Я тогда уже в армии отслужил. Работал в колхозе, рыбачил. Весной пропала бригада — трое мужиков. Пошли на лодке ставить сети на Ахтанизовском. И не вернулись. Искали — нашли через неделю, в плавнях. Тоже — без кожи, без голов, с позвонками на груди. Только знаки были разные: на одном — три полосы, на другом — четыре точки, на третьем — спираль.

Северин и Гончар переглянулись.

— Спираль? — переспросил Северин. — С тремя лучами?

— Да. — Дед Степан удивился. — Ты откуда знаешь?

— Потому что у третьего тела — сегодняшнего — на кости спираль. С тремя лучами.

Старик перекрестился снова, на этот раз медленно, широко.

— Значит, их трое, — сказал он тихо. — Или больше. В 1953-м было трое. Сейчас — уже три знака за четыре дня. Они пришли охотиться. Все вместе.

— Кто — «они»? — спросил Северин, чувствуя, как внутри холодеет.

Дед Степан посмотрел на него долгим, мутным взглядом.

— Я не знаю, капитан. Я знаю только то, что мой отец рассказывал. А ему — его отец. И так — до прадедов, которые ещё при Екатерине сюда пришли. Всегда, на лимане, раз в полвека, появлялся зверь. Убивал. Сдирал кожу. Забирал череп. Уходил. И всегда — начиналось с июля, в жару.

— У нас июнь, — заметил Северин.

— Значит, раньше пришли, — сказал дед Степан. — Или вернулись. Может, те, что ушли в 1953-м, — не ушли. Может, они здесь всё это время были. Ждали. Смотрели.

Гончар не выдержал:

— Дед, ну какие «они»? Ты про кого? Про чертей? Про инопланетян?

— А ты, Витя, — старик посмотрел на него строго, — ты сам-то в церковь ходишь?

— Хожу. Не каждый воскрес, но хожу.

— И веришь, что Бог есть?

— Верю.

— А в то, что не один Бог на небе, — веришь? Что, кроме людей, есть другие создания? Ангелы, бесы...

— Есть, — неуверенно сказал Гончар. — Писание говорит.

— Ну вот. А Писание, — старик понизил голос, — оно про всех сразу говорит. И про ангелов, и про бесов. А про то, что ещё есть кроме них, — оно молчит. Потому что то, что есть кроме, — это не от Бога и не от дьявола. Это — оттуда. С других звёзд.

Северин молчал, глядя на старика. Дед Степан говорил спокойно, уверенно, как человек, который знает, о чём говорит. И это было страшнее любых криков.

— Ты веришь, что это — с других звёзд? — спросил Северин.

— А ты, капитан, сам-то как думаешь?

Северин помолчал. Потом ответил:

— Я думаю, что у меня есть три трупа, которые не мог сделать ни человек, ни зверь. Что у меня есть отпечаток ступни с пятью пальцами и когтями. Что у меня есть осколок непонятного материала, который — я сам не знаю — кажется, шевелится. И что сегодня подполковник КГБ сказал мне: «Это не с нашей планеты».

Он поднялся.

— Спасибо, дед. Ты нам помог.

— Чем помог? — усмехнулся старик. — Напугал?

— Тем, — сказал Северин, — что подтвердил мои собственные подозрения. Они не одни. Их трое. И они уже здесь.

Он повернулся и пошёл к мотоциклу.

— Капитан! — окликнул его дед Степан.

Северин обернулся.

— Ты, это... — старик помялся. — Будь осторожен. Когда мы — на лимане — мы гости. А они — хозяева. Они здесь дольше, чем мы. Они знают каждую тропку, каждую яму, каждый остров. И они не уйдут, пока не возьмут то, за чем пришли.

— А за чем они пришли?

Дед Степан посмотрел на него — и в глазах у старика мелькнуло что-то, чего Северин не ожидал: жалость.

— За тобой, капитан. За тобой и за такими, как ты. Они охотятся не на мясо — они охотятся на достойных.

Северин хотел усмехнуться, но не смог.

— С чего ты взял?

— С того, — старик кивнул в сторону лимана, — что они не тронули баб. И детей. И стариков. Только мужчин — здоровых, сильных, взрослых. Они не убивают слабых. Они охотятся на сильных. А сильных, капитан, среди нас — раз-два и обчёлся.

Он замолчал. Северин замолчал тоже.

Где-то на лимане крикнула чайка. Солнце уходило за камыши, и тени становились длинными, чёрными, чужими.

«Они охотятся на сильных», — подумал Северин. И вдруг понял, что это не успокаивает. Это пугает ещё сильнее. Потому что если они охотятся на сильных — значит, они уже выбрали цель. Выбрали следующего. И следующего после следующего.

Пока не выйдут на главного.

— Едем, — сказал он Гончару. — Нам нужно готовиться.

4

Вечером они сидели в участковом пункте: Северин, Гончар и Тамара Львовна, которая успела приехать на вечерней электричке из Краснодара.

На столе лежали: карта Темрюкского района, четыре фотографии (два тела Коваля, Седова, солдата), блокнот Северина с записями, гипсовый слепок отпечатка и осколок — который Тамара Львовна достала из кармана и положила на стол.

— Ты его привезла? — удивился Северин.

— Привезла. — Она посмотрела на осколок. — Он... необычный.

— Что значит — необычный?

— Он реагирует на тепло. И, кажется, на свет. Я не знаю, как это объяснить, но когда я положила его на ладонь, он — мне показалось — повернулся. Как будто искал положение.

Северин взял осколок. Поднёс к лампе.

Материал был гладкий, тёмный, с зеленоватым отливом внутри. На поверхности — тончайший узор, похожий на прожилки. Северин держал его на ладони — осколок был тёплым, гораздо теплее, чем должен был быть от руки.

— Он греется, — сказал он.

— Да. — Тамара Львовна кивнула. — И не остывает. Я держала его в холодильнике два часа — он остался тёплым.

— Это живое? — спросил Гончар.

— Не знаю. — Она покачала головой. — Это не живое — по крайней мере, в нашем понимании. В нём нет клеток, нет ДНК, нет органики. Но оно... функционирует. Как кусок техники, которая всё ещё включена.

— Значит, — подвёл итог Северин, — у нас есть: — три трупа, обработанных одинаково; — три разных знака на костях; — отпечаток нечеловеческой ступни; — фрагмент устройства с планеты не нашей; — и старик, который говорит, что это — «лиманный зверь», который возвращается каждые полвека.

— И что нам с этим делать? — спросил Гончар.

Северин посмотрел на карту. На лиман. На камышовые острова. На извилистые протоки и глухие ерики.

— Для начала, — сказал он, — понять, где они прячутся. Лиман — большой. Но у воды есть свои законы. Если они здесь — они должны оставлять следы. И мы их найдём.

— А если они не оставляют следов? — спросила Тамара Львовна.

Северин посмотрел на неё.

— Значит, мы пойдём туда, где следов нет. Туда, куда не ходят ни рыбаки, ни солдаты. Туда, где топкое дно и гнилая вода. Где, по словам деда Степана, — «место мёртвое».

— Это самоубийство, — сказал Гончар.

— Возможно, — согласился Северин. — Но другого способа узнать, что там, у нас нет.

Он взял с полки коробку патронов. Выходил из магазина. Проверил обойму.

— Завтра, на рассвете, мы идём в лиман.

Гончар и Тамара Львовна молчали.

Снаружи, в темноте, лиман дышал — ровно, тяжело, как огромный лёгкий зверь, которому не было дела до того, что люди собирались бросить ему вызов.

ГЛАВА 5. ГАРНИЗОН

Армия и милиция — одна беда.

1

Егор Громов узнал о лиманском деле случайно — из разговора двух прапорщиков в госпитальной курилке.

Он лежал в терапевтическом отделении госпиталя Темрюкского военного гарнизона. Формально — на «плановом обследовании». Реально — долечивал то, что осталось от правого плеча после Афганистана: осколочное ранение, две операции, три месяца реабилитации. Плечо срослось, но рука ещё не слушалась — немела, плохо поднималась, и комиссия уже примеривалась списать его «по состоянию здоровья» в гражданскую жизнь.

Громову было двадцать девять, он был капитаном спецназа ГРУ: два года Афганистана, провинции Кандагар и Герат, триста с лишним дней на боевых выходах, семнадцать подтверждённых и, если верить слухам, двадцать уничтоженных целей, орден Красной Звезды, ранение, госпиталь и комиссия.

Он не хотел в гражданскую жизнь. Он не умел в гражданскую жизнь. Гражданская жизнь пахла пылью и тишиной, а он привык, что воздух пахнет порохом и потом.

Поэтому, когда в курилке два прапорщика заговорили о «содранных трупах на лимане», Громов навострил уши.

— ...говорю тебе, у третьего та же картина, — говорил один, молодой, с нашивкой механика-водителя. — Кожи нет, как будто сняли. Рёбра — наружу. И позвоночник на груди лежит, весь целиком.

— Да брось, — отмахнулся второй, старше, с усами. — Врёшь. Такого не бывает.

— Клянусь. Мне санинструктор рассказывал. Он сам в машине скорой был, когда военные привозили тело из-под Семисводного. Говорит — это не человек делал.

— А кто?

— А хрен его знает. Говорят, КГБ приехало. Всё опечатали.

— КГБ, — усмехнулся усатый. — Они везде сунут свой нос. Скажут — несчастный случай, и все поверят.

— А ты бы поверил, если б увидел тело? — спросил молодой.

Усатый помолчал.

— Не знаю, — сказал он. — Я, может, и поверил бы. Если своими глазами.

Громов докурил, затушил окурок в жестяной банке, поднялся. Рука плеча ныла — привычно, фоново, как ныл всегда после операции.

Он вышел в коридор, дошёл до ординаторской, постучал. Вошёл.

— Здравствуйте, доктор.

За столом сидел капитан медицинской службы — молодой, лысоватый, с усталыми глазами. Поднял голову:

— Громов? Что-то случилось?

— Скажите, — Громов сел напротив, — вы слышали что-нибудь про тела на лимане? Про то, что нашли в рисовых чеках, у Семисводного?

Врач помолчал. Потом сказал:

— Слышал. Слухи, конечно. Не больше.

— А если не слухи?

— Тогда вам лучше обратиться к начальнику госпиталя. Или в особый отдел. Я, — врач развёл руками, — я лечу людей. Мёртвых не вижу. Это не моя епархия.

Громов кивнул, поднялся, вышел.

В коридоре постоял, глядя в окно. За окном — гарнизонный двор, плац, часовой, солнце, пыль. Дальше — степь, лиманы, камыши.

Он знал, что делать. Он всегда знал, что делать.

Через час, отпросившись у дежурного врача «до вечера», он стоял у ворот части в гражданке — старые штаны, кеды, рубашка с закатанными рукавами. На плече — вещмешок с запасной одеждой и — на дне, под тряпьём, — то, что он не сдал на склад: армейский нож разведчика, израильский... нет, советский, НР-40 — «выкидной» нож разведчика, с острым как бритва лезвием. Трофей прошлой жизни. С ним он не расставался.

Перед ним была дорога. Вдоль неё — тополя в пыли, за ними — зелёная стена камыша, за ней — вода. Лиман.

Громов пошёл по дороге, на ходу разминая правое плечо. Болело. Ну и пусть. Он не привык жаловаться.

Он шёл к лиману смотреть своими глазами.

2

Дорога вывела его к хутору Семисводный — десятку домов, рассыпанных у края рисовых чеков. Дальше шли грунтовки, разъезженные поливочной техникой, потом — тропы, потом — камыш.

Громов остановился у края чеков. Посмотрел.

Ровная, как стол, равнина. Каналы. Вода. Зелёные перья риса. И — вдалеке — кромка лимана, тёмно-синяя, с белыми чайками.

Он присел. Огляделся. Потом пошёл по меже — той самой, где, по словам прапорщиков, нашли тело.

Межа была узкая, земляная, утоптанная. Громов шёл медленно, смотрел под ноги. Военная привычка: они оставили следы — не всегда, но часто. Люди, которые таскают тела, всегда оставляют следы.

Он нашёл их через сто метров.

Не следы — отпечаток. В грязи, у края межи, где тропа размокла после полива. Отпечаток был свежий — грязь ещё не затвердела. И он был — нечеловеческий.

Громов присел на корточки. Всмотрелся.

Ступня. Длинная, тридцать сантиметров с лишним. Широкая, тяжёлая. Пять пальцев. И в каждом пальцевом отпечатке — узкая борозда. Коготь.

Громов сидел над отпечатком долго. Потом достал из кармана складной нож, срезал кусок дерна с отпечатком, завернул в газету, сунул в вещмешок.

Потом поднялся и пошёл дальше.

Он не был сыщиком. Он был солдатом. Но солдат знает одно: след — это подарок. След говорит, кто прошёл, куда шёл, как шёл, чего хотел. Прочитаешь след — поймёшь врага. Не прочитаешь — враг прочитает тебя.

Отпечаток вёл от межи в сторону лимана. Туда, где камыш стоял стеной.

Громов пошёл по следу.

3

Он шёл до заката.

След — там, где он был виден в грязи, — вёл через чек, через канаву, через полосу кустов, к самой кромке лимана. У воды след обрывался — либо уходил в воду, либо был затоптан.

Громов стоял на берегу, на том месте, где след пропадал, и смотрел на воду. Лиман лежал перед ним — тёмный, густой, с островами камыша, с протоками, с той особенной тишиной, которая бывает только на больших водах, когда стихает ветер.

Он снял рубашку. Остался в майке. Снял кеды. Стоял босиком на тёплой, липкой грязи.

Он не боялся. Он не умел бояться — по-настоящему, до дрожи в коленях, до сухости во рту. Он умел другое: оценивать опасность. И сейчас он оценивал.

След с пятью пальцами. Когти. Свежий. Идёт в воду. Значит, тот, кто его оставил, вошёл в лиман. Здесь. В этом месте. Не на лодке — пешком, в воду, по грудь, по шею...

Или не по грудь.

Громов измерил взглядом ширину лимана, глубину, расстояние до острова.

«Если он вошёл в воду и не вышел, — значит, он умеет ходить под водой. Или он не входил — его унесло течением.»

Он посмотрел на запад. Солнце садилось за камыши, и вода стала красной, потом чёрной.

«Или он вышел из воды здесь. А след — это след его прихода из воды. След того, кто пришёл с острова, прошёл через лиман, вышел на берег, прошёл по меже, убил солдата... и ушёл обратно в воду.»

Громов стоял, смотрел на воду.

Он не знал, что за существо оставило след. Но он уже знал, что оно — умное. Оно использует воду как дорогу. Вода не хранит следов. Вода не хранит запахов. Вода — идеальный путь для того, кто не хочет, чтобы его нашли.

«Умное. Очень умное», — подумал он.

Он натянул кеды, надел рубашку, взял вещмешок. Развернулся и пошёл обратно, в сумерках, по меже, к хутору.

На полпути остановился. Обернулся. Посмотрел на лиман.

Там, на воде, метрах в трёхстах от берега, среди камышовых островов, что-то блеснуло. Один раз. Коротко. Как будто кто-то — или что-то — посмотрело на него сквозь заросли и отвело взгляд.

Громов смотрел на это место долго. Потом тихо сказал:

— Я тебя найду.

И пошёл дальше.

4

В Темрюк он вернулся в темноте. Не в госпиталь — в город, к зданию РОВД, где горели окна.

Постовой у входа посмотрел на него настороженно: гражданский, вечером, к милиции.

— Вам кого?

— Капитана Северина, — сказал Громов. — Из уголовного розыска.

— По какому вопросу?

— По делу о лимане.

Постовой помолчал, оценивая. Потом кивнул:

— Подождите. Сейчас узнаю.

Он скрылся в здании. Вернулся через минуту:

— Проходите. Второй этаж, третья дверь.

Громов поднялся. Постучал. Вошёл.

За столом сидел капитан — сухой, сероглазый, с ранней сединой. Поднял голову, посмотрел на вошедшего.

— Вы — Громов? — спросил Северин.

— Да. — Громов сел на стул, не дожидаясь приглашения. — Капитан, спецназ ГРУ. В госпитале. По направлению.

Северин посмотрел на него внимательно.

— Мне звонили о вас. Из особого отдела. Сказали, что вы — тот человек, который нам нужен. Что вы умеете... — он помолчал, — обращаться с оружием не по уставу.

— Умею, — коротко сказал Громов.

— И что вы знаете о деле?

— Знаю, что нашли трёх. Что у всех содрана кожа. Что на костях — знаки. Что след — с пятью пальцами и когтями. — Он вытащил из вещмешка свёрток с дёрном, развернул, положил на стол. — Вот. Свежий. Нашёл сегодня у Семисводного. Ведёт в лиман.

Северин поднялся, подошёл и долго смотрел на отпечаток, а потом перевёл взгляд на Громова.

— Вы ходили туда один?

— Один.

— И не боялись?

— Боялся, — честно сказал Громов. — Только страхом делу не поможешь.

Северин помолчал. Потом усмехнулся — впервые за долгие дни.

— Ну, садитесь, капитан. Рассказывайте, что вы там видели.

Громов сел. И рассказал.

5

Северин слушал. Рассказ был короткий, сухой, без прикрас — как доклад в части. Громов говорил о следе, о том, как тот вёл к воде и обрывался, о своём выводе насчёт воды, о том, что «оно» — умное, осторожное и, скорее всего, не одно.

— А что вы думаете о трёх разных знаках? — спросил Северин.

Громов помолчал.

— Думаю, что либо это один убийца, который отмечает добычу по-разному, — что странно, — либо их несколько, и у каждого свой знак. Как у снайперов — насечки на прикладе. Только здесь насечки на костях.

— Второе, — сказал Северин. — Я склоняюсь ко второму.

— А я — к первому, — возразил Громов. — Потому что один убийца — это управляемая проблема. А трое разных — это уже не дело, это война.

Северин посмотрел на него.

— Вы предлагаете искать одного?

— Я предлагаю, — сказал Громов, — сначала выяснить, с кем мы имеем дело. А потом решать — один, трое или сотня. Выяснить — и подготовиться.

— Подготовиться к чему?

Громов посмотрел ему прямо в глаза.

— К войне, товарищ капитан. Если то, что я видел, — настоящее, то мы воюем не с браконьерами и не с маньяками. Мы воюем с тем, что умнее нас, сильнее нас и, возможно, быстрее нас. И если мы не подготовимся — мы проиграем. Все.

Северин молчал. Потом сказал:

— Вы знаете, что подполковник Гущин из КГБ уже подключился? Он собирает группу. Я, участковый Гончар, эксперт Штерн, вы.

— Гущин, — повторил Громов. — КГБ. — Он помолчал. — А он сам-то верит в то, что говорит?

— Он говорит, что у него есть закрытые материалы. Петрозаводск, Приморье. Похожие случаи.

— Петрозаводск, — Громов задумчиво постучал пальцем по столу. — Я слышал про это. Сентябрь семьдесят седьмого, ложные слухи о свете над Онегой, а под них — три пропавших человека. Двое потом нашли в лесу. Третьего так и не нашли. И, если верить всему, что о нём писали, — это был не пожар и не медведь.

— И что вы думаете?

— Я думаю, — сказал Громов, — что мне плевать, что это было в небе. Мне важно другое: есть ли у нас оружие, которое может остановить то, что охотится на людей в воде. Потому что если его нельзя остановить пулей — нам придётся придумать что-то другое.

Он поднялся.

— Мне нужно в госпиталь. До вечера отпросился — завтра утром осмотр. Но я вернусь. Завтра, после обеда. Если вы не против.

— Не против, — сказал Северин. — Приходите.

Громов кивнул и вышел.

Северин смотрел на закрывшуюся дверь, потом на отпечаток в дёрне на столе.

— Ну что ж, — сказал он вслух. — По крайней мере, теперь в нашей группе есть человек, который не боится.

Он взял телефонную трубку, набрал номер.

— Тамара Львовна? Это Северин. У нас пополнение. Капитан Громов, спецназ. — Он помолчал. — И, кажется, он нашёл свежий след. Ведёт в лиман.

На том конце провода помолчали.

— В лиман? — переспросила Тамара Львовна.

— В лиман.

— Тогда, — сказала она, — вам всем нужно быть очень осторожными. Потому что лиман — это его территория. А на чужой территории, — она помолчала, — охотники становятся добычей.

Северин положил трубку. Посмотрел в окно. За окном — тёмная улица, фонарь, пыль, и далеко за крышами — чёрная полоса камыша, за которой лежал лиман.

«На чужой территории охотники становятся добычей», — повторил он про себя.

И понял, что эта мысль не отпустит его до конца дела.

ГЛАВА 6. ПАПКА «АНОМАЛИЯ»

Правда — минное поле. Ходи по следам.

1

Подполковник Борис Фёдорович Гущин не любил милицию.

Не потому, что плохо к ней относился, — просто считал, что у милиции и КГБ разные задачи и разные скорости: милиция ловит преступников, а КГБ решает вопросы государственной безопасности. Преступника можно поймать и посадить, а вопрос государственной безопасности посадить нельзя — его можно только решить.

Вопрос, который лежал сейчас на столе Гущина, решению не поддавался.

Кабинет его находился на втором этаже здания УКГБ по Краснодарскому краю — высокого, серого, неприметного, с окнами, выходящими в тихий двор. На столе — зелёное сукно, чернильный прибор, селектор, телефон. И папка.

Папка была из толстого картона, с теснёными буквами «СОВ. СЕКРЕТНО» и номером: 7-О/1980. На корешке — одно слово, выведенное канцелярским почерком: «АНОМАЛИЯ».

Гущин открыл её. Внутри — подшитые документы: рапорты, акты, протоколы, карты, фотографии. И — отдельно, в конверте — машинописные листы с грифом «ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ».

Он начал читать так, как читал всегда — медленно, по нескольку раз, запоминая каждую деталь. У него была привычка: прежде чем принимать решение, он перечитывал все материалы трижды. Первый раз — чтобы понять. Второй — чтобы запомнить. Третий — чтобы найти то, что спрятано между строк.

2

Первый документ.

«АКТ о результатах обследования местности, прилегающей к г. Петрозаводску (Карельская АССР) от 25 сентября 1977 года

Комиссией в составе: представитель КГБ при СМ СССР, представитель Министерства обороны СССР, представитель АН СССР... произведено обследование местности в районе Онежского озера, где 20 сентября 1977 года наблюдались аномальные световые явления...

В ходе обследования установлено: 1. На участке береговой линии, прилегающем к месту наблюдения, обнаружены следы, не характерные для людей и животных: отпечатки ступней длиной до 34 см, пятипалые, с когтевыми бороздами. Отпечатки расположены цепочкой от уреза воды в направлении лесного массива. На расстоянии 400 м от берега цепочка обрывается. 2. На деревьях и грунте обнаружены следы термического воздействия, не характерные для костров или молний: ровные оплавленные борозды шириной 2–3 мм, глубиной до 5 мм, проходящие по камню и древесине. 3. В ходе прочёсывания местности обнаружен фрагмент предмета неизвестного происхождения (изъят, опечатан, направлен в НИИ-22). 4. За период с 1 по 25 сентября 1977 года в районе г. Петрозаводска зарегистрировано 3 случая безвестного исчезновения граждан мужского пола в возрасте 26–41 года. Двое обнаружены 24.09.1977 в лесном массиве... Обнаруженные тела имели повреждения, несовместимые с жизнью, подробности — в приложении 2 (для служебного пользования).

Вывод комиссии: имеет место факт проникновения на территорию СССР неустановленного объекта (объектов). Природа объекта не установлена. Меры по обеспечению безопасности населения — в компетенции заинтересованных органов.

Председатель комиссии (подпись)»

Гущин перевернул страницу. Приложение 2 было подшито отдельно, в конверте с сургучной печатью. Он вскрыл конверт, прочитал. Помолчал. Закрыл.

«То же самое, что и здесь, — подумал он. — Кожа снята. Позвоночник на груди. Знаки на кости. Только знаков было два, не три.»

3

Второй документ.

«СПРАВКА о результатах проверки сообщения о неопознанном летающем объекте в районе пограничной заставы „Краскино“ (Приморский край) от 14 мая 1979 года

...12 мая 1979 года в 23:40 нарядом пограничной заставы „Краскино“ наблюдалось светящееся тело шарообразной формы, движущееся с юга на север на высоте 300–500 м. Свечение — зеленоватое, пульсирующее. Наблюдение продолжалось 12 минут. Объект совершал манёвры, не характерные для летательных аппаратов известных типов. После исчезновения объекта зарегистрировано кратковременное (до 8 минут) нарушение работы радиостанций заставы.

В ночь с 12 на 13 мая 1979 года двое военнослужащих срочной службы (рядовой Веремчук С.А., рядовой Крылов О.И.) не вернулись с поста наблюдения за побережьем. Обнаружены утром 13 мая в 400 м от поста, на берегу моря. Тела имели повреждения, несовместимые с жизнью (подробности — в приложении 1, гриф „для служебного пользования“).

Осмотром места происшествия установлено: на мокром песке — отпечатки ступней, не принадлежащие людям... пятипалые, с когтевыми бороздами, длина до 32 см. Отпечатки вёл от уреза воды к месту обнаружения тел и обратно, к воде. Дальнейшие следы теряются в море.

Вывод: факт проникновения неустановленного объекта на территорию СССР подтверждается. Природа объекта не установлена. Установлен характер действий объекта: единичные нападения на военнослужащих и гражданских лиц мужского пола. Нападения носят избирательный характер.

Зам. начальника УКГБ по Приморскому краю (подпись)»

Гущин закрыл папку. Долго сидел неподвижно, глядя в стену.

«Петрозаводск, 1977. Приморье, 1979. Темрюк, 1980. — Он мысленно расставил даты. — Через два года. Каждый раз — другой регион. И каждый раз — то же самое: ступни с пятью пальцами, снятая кожа, позвоночник на груди, знаки на кости.»

Он потёр переносицу. В настольном календаре, на сегодняшнем листе, было написано: «15.06.1980. Среда».

«Они возвращаются через два года. И каждый раз — берут больше. Петрозаводск — двое. Приморье — двое. Здесь — трое за четыре дня.»

Он открыл ящик стола, достал карту СССР. Отметил точки: Петрозаводск, Краскино, Темрюк. Провёл линии.

Линии образовали треугольник. Огромный, на всю страну.

«Случайность? — подумал он. — Или закономерность?»

Он положил карту обратно. Закрыл папку. Убрал в сейф.

За окном смеркалось. В городе зажигались огни. Гущин сидел в темноте, смотрел на сейф, и думал о том, что вопросов у него больше, чем ответов. И что отвечать на них придётся ему.

4

Наутро он вызвал к себе Северина, Гончара и Тамару Львовну.

Собрались в кабинете начальника РОВД — Калюжный уступил место и сам сел в углу, на стул, как гость. Гущин стоял у окна, лицом к собравшимся.

— Товарищи, — начал он. — Я собрал вас, чтобы ввести в курс дела. Полностью. Без купюр. Потому что от того, что вы знаете, зависит, как вы будете действовать.

Он подошёл к столу, открыл папку. Положил перед собой несколько листов.

— За последние три года в СССР зафиксировано три случая, похожих на наш. Петрозаводск, сентябрь семьдесят седьмого. Приморье, май семьдесят девятого. И — наш, Темрюк, июнь восемьдесят.

— Один и тот же почерк? — спросил Гончар.

— Один и тот же, — подтвердил Гущин. — Трипалые следы. Снятая кожа. Позвоночник на груди. Знаки на кости. — Он обвёл взглядом собравшихся. — Вывод у меня один: мы имеем дело с неопознанным биологическим объектом. Не исключено — внеземного происхождения.

В комнате повисла тишина. Калюжный замер. Гончар переглянулся с Севериным. Тамара Львовна сидела неподвижно, с каменным лицом.

— Вы в этом уверены? — спросила она наконец.

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным, не имея образца, — ответил Гущин. — Но у вас, Тамара Львовна, такой образец есть. Я говорю об осколке, который вы нашли в позвонках второго тела.

Тамара Львовна молчала.

— Я знаю, что он у вас, — мягко продолжил Гущин. — Я знаю, что вы привезли его в Краснодар, а потом... оставили у себя. Не буду спрашивать, зачем. Но теперь он нужен мне. Как вещественное доказательство.

— Он не доказывает ничего, — сказала Тамара Львовна. — Пока мы не поймём, что это.

— Именно поэтому он нужен мне, — сказал Гущин. — У нас есть НИИ, лаборатории, специалисты. Они разберутся, что это. Быстрее, чем мы.

Тамара Львовна молчала долго. Потом достала из сумки конверт, положила на стол.

— Здесь, — сказала она. — Только, будьте осторожны. Он... тёплый. И, кажется, — она помолчала, — он реагирует на тепло. На свет. Мне показалось, что он шевелится.

Гущин взял конверт.

— Спасибо, — сказал он. — Я передам его специалистам.

— И ещё, — добавила Тамара Львовна. — Если вы будете его изучать, делайте это осторожно. Не знаю почему. Но мне кажется, что он не просто предмет. Он... на что-то реагирует.

Гущин кивнул. Убрал конверт в портфель. Вернулся к столу.

— Теперь о главном, — сказал он. — У нас есть три трупа. У нас есть три разных знака на костях. У нас есть следы, указывающие, что объект — не один. У нас есть ваши наблюдения, выводы экспертизы, карта местности.

Он развернул карту. Положил на стол. Обвёл пальцем район Темрюкского и Славянского районов — лиманы, плавни, рисовые чеки.

— Это — его территория. Лиманы. Плавни. Тростник. Здесь он охотится, здесь прячется, здесь живёт. Если мы хотим его найти — мы должны войти на его территорию. Осторожно. Подготовленно. С полным пониманием, что мы идём на войну.

— А если мы его найдём? — спросил Северин. — Что мы будем делать?

Гущин посмотрел на него.

— Мы его нейтрализуем.

— А если не сможем?

Гущин помолчал.

— Тогда мы хотя бы узнаем, что именно мы не можем нейтрализовать. И передадим это знание тем, кто сможет.

В комнате стало ещё тише.

— А люди? — спросил Гончар. — Местные. Станица. Они-то что будут думать? У нас уже слухи поползли. Бабки говорят — водяной.

— Официальная версия — маньяк, — твёрдо сказал Гущин. — Задержанный при задержании... нет, пока не задержанный. Пока — ведётся расследование. Эта версия — для прессы, для области, для народа. До тех пор, пока мы не закончим.

— А если он убьёт ещё? — спросила Тамара Львовна.

Гущин посмотрел ей в глаза.

— Если он убьёт ещё, мы будем виноваты. Все мы. И я, и вы. Но если мы поднимем панику раньше времени — виноваты будем тоже мы. Потому что паника в приграничном районе, в преддверии Олимпиады, — это катастрофа. Вы понимаете?

— Понимаю, — тихо сказала Тамара Львовна.

— Вот и хорошо. — Гущин собрал бумаги. — Завтра в семь утра — совещание здесь же. С планом действий. А пока — вот вам мои телефоны. Личные. Звоните в любое время. Если что-то случится — не тяните, звоните сразу.

Он кивнул и вышел. Дверь за ним закрылась.

В комнате ещё несколько секунд стояла тишина. Потом Калюжный поднялся, подошёл к столу, посмотрел на карту.

— Война, значит, — сказал он. — Ну что ж. Раз война — значит, война. Только, Андрей Петрович, — он повернулся к Северину, — не теряй голову. Война войной, а голова одна.

— Не потеряю, — сказал Северин.

— И ещё. — Калюжный понизил голос. — Этот Гущин... он хороший мужик. Я его знаю ещё по Кавказу. Но запомни: у него свои задачи. Государственные. Если придётся выбирать между тобой и государством — он выберет государство. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Хорошо. Тогда иди. И проверь, что у наших ребят патронов хватает.

Северин кивнул. Взял карту со стола. Вышел.

Тамара Львовна задержалась. Подошла к окну, посмотрела на улицу, где уже смеркалось.

«Тёплый, — думала она. — Он был тёплый. И он шевелился. Я не выдумала это.»

Она сжала в кармане плаща ключ от своего сейфа в Краснодаре. Там, в сейфе, под протоколами, лежал второй осколок — про запас, который она не отдала Гущину. Она сама не знала, зачем он ей нужен. Но что-то подсказывало ей: этот осколок ещё понадобится. Обоим.

5

Гущин вернулся в свой кабинет. Сел. Достал из портфеля конверт с осколком. Положил на стол.

Осколок лежал на зелёном сукне, тёмный, гладкий, с зеленоватым отливом. Гущин смотрел на него долго. Потом взял в руку.

Он был тёплый. Тёплый, как живой.

Гущин не был суеверным. Он был человеком системы, человеком фактов, человеком, который не верил ни в бога, ни в черта, ни в инопланетян. Он верил в приказы, в дисциплину и в то, что все явления мира объяснимы — если подойти к ним с умом.

Но сейчас, держа на ладони тёплый осколок, он почувствовал, как внутри, под рёбрами, шевельнулось что-то первобытное — холодное, древнее, то, что не знало слов «наука» и «факты». То, что знало только одно: это не отсюда. Это чужое. И оно живое.

Он положил осколок обратно в конверт. Застегнул портфель. Посмотрел в окно, на тёмнеющий город.

«Петрозаводск, — думал он. — Приморье. Темрюк. — Он мысленно снова провёл линии на карте. — Они движутся. Не случайно. Они движутся по какому-то маршруту. И если маршрут продолжится — следующая точка будет...»

Он открыл сейф, достал карту, снова посмотрел на треугольник. Провёл пальцем от Темрюка дальше — на юг, к побережью, к Сочи, к границе.

«Следующая точка — либо Сочи. Либо граница. Либо...»

Он оборвал мысль. Закрыл сейф. Погасил свет.

Но мысль не гасилась. Она висела в темноте кабинета, как тёплый осколок на ладони.

«Либо они уже здесь, — подумал он. — Либо они уже здесь, и мы опоздали».

ГЛАВА 7. КАПИТАН ГРОМОВ

Солдат умирает дважды: в бою и без вести.

1

Четвёртая жертва была старшиной пограничной заставы.

Его нашли на рассвете семнадцатого июня, в двух километрах от берега, у полосы кустов, отделявшей пограничную зону от лимана. Старшина Сидоренко, сорок один год, служба на границе с семьдесят первого. Ветеран, три благодарности, один орден. Шёл, по официальной версии, «на проверку участка» и не вернулся.

Нашли его точно так же, как троих предыдущих: кожа снята, рёбра разведены, пустота, позвоночник на груди, с насечками.

Северин приехал на место в шестом часу утра — по звонку дежурного из погранотряда. Гончар — следом, на мотоцикле. Тамара Львовна приехала позже, на попутной машине из Темрюка, с чемоданчиком и бледным от недосыпа лицом.

Громов пришёл пешком, в гражданке, с вещмешком за плечом. Он не был вызван — он просто узнал, услышал краем уха в госпитальной курилке, и пришёл. Северин не стал его выгонять.

— Ну, — Громов подошёл, посмотрел на тело, — четвёртый.

— Четвёртый, — подтвердил Северин.

— Знак какой?

Северин показал. На позвонках — новый рисунок: три параллельные борозды, как у первого, но вместо косого штриха — две точки над ними.

— Другой, — сказал Громов.

— Другой. — Северин смотрел на знак. — Пятый, если считать со знаком Седова. У нас уже четыре разных знака на четырёх телах. Или...

— Или знаки повторяются, — перебил Громов. — У первого и у этого — три борозды. Только у первого был косой штрих, а у этого — две точки.

Они переглянулись.

— Один охотник? — спросил Гончар, подошедший сзади.

— Или два, — сказал Громов. — Два охотника, у которых разные... разные знаки. Как у солдат — разные нашивки.

Он присел на корточки, осмотрел тело, не касаясь. Потом поднялся, обошёл вокруг, посмотрел на землю.

— Следов нет, — сказал он. — Опять. Как будто его принесли сюда и положили.

— Или убили здесь и убрали следы, — сказал Северин.

— Убрать следы можно. — Громов покачал головой. — Но не так. Здесь вокруг — чисто. Примят только кружок, как в первый раз. Это не заметание следов. Это... — он помолчал, — это аккуратность. Работа, которую выполняют так, чтобы не оставить ничего лишнего.

Он выпрямился, посмотрел на лиман, на камыш, на воду.

— Он здесь, — сказал Громов тихо. — Прямо сейчас. Смотрит на нас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Гончар.

— Военная чуйка. — Громов не оборачивался. — Когда за тобой наблюдают, кожа на спине шевелится. У меня — шевелится. Уже полчаса.

Северин и Гончар переглянулись. Гончар незаметно положил руку на кобуру.

— Не доставай, — негромко сказал Громов. — Если он захочет нас убить — пистолет не спасёт. Он убьёт нас раньше, чем мы выстрелим. Он не хочет. Он наблюдает. Изучает.

— Изучает? — переспросил Северин.

— Да. — Громов наконец повернулся. — Вспомни: он убивает по одному. Не группами. Не всех подряд. Он выбирает. Изучает. Ждёт. Так охотятся не звери — так охотятся снайперы. Или... — он помолчал, — или те, кто охотится ради трофея, а не ради еды.

Северин долго смотрел на него. Потом сказал:

— Ты думаешь, у него есть цель. Кроме убийства.

— У него есть цель, — сказал Громов. — И она не в том, чтобы убить как можно больше. Она в том, чтобы взять лучшего. Самого достойного.

Он посмотрел на Северина. И почему-то от этого взгляда — спокойного, холодного, военного — Северину стало не по себе.

2

Они стояли у тела, пока Тамара Львовна проводила осмотр. Солнце поднималось, жара нарастала, и запах лимана — тина, рыба, гниль — становился всё гуще.

— Тамара Львовна, — окликнул её Северин. — Что скажете?

Она выпрямилась, сняла перчатки.

— То же, что и о предыдущих. Работа та же. Инструмент тот же. — Она помолчала. — Только вот что странно.

— Что?

— Края разреза на шее. Смотрите. — Она указала. — У первых трёх срез шёл ровно, под одним углом, слева направо. У этого — справа налево.

— И что это значит?

— Это значит, — сказала Тамара Львовна, — что убийца — или убийцы — меняет руку. То есть: либо это два разных существа, одно из которых левша, а второе правша, либо это одно существо, которое одинаково хорошо владеет обеими руками.

— Амбидекстр? — спросил Гончар.

— Амбидекстр, — подтвердила она. — Или их двое.

— Или больше, — добавил Громов из-за плеча.

— Больше? — переспросила Тамара Львовна.

— Четыре трупа, четыре разных знака. Если считать, что знак — это метка охотника, то охотников минимум четыре. — Громов пожал плечами. — Или один, который метит по-разному. Я склоняюсь к первому.

— Почему?

— Потому что если бы был один, он бы не стал так стараться. Он бы взял своё и ушёл. А тут — четыре за неделю. Это групповое дело. Облава. Или, — он помолчал, — испытание.

— Какое испытание? — спросил Северин.

— Не знаю. — Громов посмотрел на лиман. — Но, судя по тому, как всё это устроено, они здесь не для того, чтобы поживиться. Они здесь для того, чтобы... отчитаться. Привезти домой доказательства. Трофеи.

Он помолчал.

— Мы для них — дичь. Они нас изучают, выбирают лучших и привозят домой наши кости. Как охотники привозят из сафари головы львов.

В наступившей тишине было слышно, как на лимане кричит чайка.

— И что нам делать? — спросил Гончар, и голос его слегка дрогнул.

— Нам, — сказал Громов, — нужно перестать быть дичью. И стать охотниками.

Он развернулся и пошёл к дороге.

— Стой, — окликнул его Северин. — Куда ты?

— За оружием, — не оборачиваясь, ответил Громов. — За тем, которое стреляет не по уставу. Встретимся вечером, у РОВД. Я знаю, что нам нужно.

3

Вечером Громов ждал у РОВД. Рядом с ним на асфальте стоял армейский рюкзак, видавший виды.

— Что у тебя там? — спросил Северин, подходя.

— То, что пригодится. — Громов расстегнул рюкзак. Внутри: три гранаты Ф-1, две дымовые шашки, катушка бикфордова шнура, два электродетонатора, коробка с патронами 7,62 — «для СВД, у меня знакомый в части», — и свёрток, перевязанный ремнём.

— Это что? — спросил Гончар.

Громов развернул свёрток. Внутри оказался нож — длинный, тяжёлый, с широким клинком и бронзовой рукоятью.

— Нож разведчика. НР-40. — Громов погладил клинок. — Старый, ещё с войны. Мне его отец передал. Отец воевал — разведчик, на Западном фронте. Говорил: нож этот — не для парада. Для работы.

— И что ты с ним будешь делать? — спросил Северин.

— Не знаю, — честно ответил Громов. — Но если придётся иметь дело с тем, что сдирает кожу с людей, — нож, может, пригодится. Где пуля не возьмёт — там, может, сталь возьмёт.

Он сунул нож в ножны, пристегнул к поясу. Поднял рюкзак.

— Ну что, готовы? — спросил он.

— Куда? — уточнил Гончар.

— На лиман. — Громов посмотрел на тёмную полосу камыша за станицей. — Пока он не пришёл за нами — нам нужно прийти за ним.

Северин молчал. Смотрел на Громова, на рюкзак, на нож, на тёмный лиман.

— А может, не стоит торопиться? — осторожно сказал он. — Может, сначала — план, разведка, подготовка?

— План есть, — сказал Громов. — Разведка — сейчас. Подготовка — тоже сейчас. Если мы будем ждать — он придёт к нам первым. И тогда план нам не понадобится.

Он повернулся и пошёл к лиману.

Северин посмотрел на Гончара. Гончар пожал плечами.

— Он прав, — сказал Гончар. — Если они охотятся — они охотятся. Спящего охотника бьют первым.

Северин вздохнул. Достал из кобуры пистолет, проверил, убрал.

— Ладно, — сказал он. — Пошли. Только с умом.

Они пошли за Громовым — три фигуры на фоне тёмнеющего неба, по дороге, ведущей к лиману.

4

Ночь стояла душная, безветренная. Звёзды висели низко, большие, мутные. От лимана тянуло теплом и тиной.

Громов шёл первым, без фонаря — он видел в темноте, как все, кто привык к ночи. Северин и Гончар шли следом, держа фонари выключенными.

Они вышли к берегу в том месте, где отпечаток вёл в воду. Громов остановился. Присел. Посмотрел на воду.

— Он здесь, — сказал он тихо. — Я его чувствую.

— Где? — шёпотом спросил Гончар.

— Не знаю. Но он здесь. — Громов помолчал. — Слушайте.

Они слушали. Тишина. Только вода — ровная, зелёная, дышащая.

— Слышите? — сказал Громов. — Лягушки молчат.

Северин и Гончар прислушались. Лягушки на лимане обычно орали без умолку, с заката до рассвета. Сейчас — тишина. Ни одного кваканья.

— Они замолчали, потому что он рядом, — сказал Громов. — Животные чувствуют хищника. Лягушки — тем более. Когда хищник рядом — всё живое молчит.

Он поднялся. Достал из-за пояса нож. Медленно, бесшумно.

— Идите за мной. По одному. Не светить. Не говорить. Если я остановлюсь — вы тоже. Если я побегу — бегите. Если я крикну — стреляйте.

— Куда стрелять? — спросил Гончар.

— Туда, где я буду. — Громов шагнул в камыш.

Они шли долго. Камыш стеной, вода по колено, потом по пояс. Громов двигался бесшумно, как тень, раздвигая стебли без единого шороха. Северин, непривычный к такому, то и дело шуршал, чертыхался про себя, ловил на себе взгляд Громова — холодный, оценивающий.

— Тише, — шепнул Громов. — Ещё немного.

Они вышли на открытую воду — небольшой плёс среди камышовых островов. Луна висела над водой, роняя серебряную дорожку. В конце дорожки, метрах в сорока от них, на воде покачивалось что-то тёмное.

Лодка.

Деревянная, старая, полузатопленная. Пустая.

Громов остановился. Поднял руку. Северин и Гончар замерли.

Лодка покачивалась на воде. В лодке — ничего. Только на дне, в свете луны, блестело что-то — металлическое.

Громов медленно, шаг за шагом, подошёл к лодке. Заглянул внутрь.

На дне лодки лежал аккуратный свёрток: брезент, перевязанный капроновым шнуром. Громов поднял его. Развернул.

Внутри — три позвоночника, связанные вместе. С черепами. Свежие, ещё влажные, с насечками на костях.

Громов смотрел на них долго. Потом положил свёрток обратно.

— Это не он оставил, — сказал он тихо. — Это — подарок.

— Кому? — спросил Северин, подошедший ближе.

— Нам. — Громов повернулся. — Он знает, что мы здесь. Он оставил нам... приглашение. Или предупреждение.

Он посмотрел на воду, на лунную дорожку, на тёмные острова.

— Он здесь, — сказал он. — Всё это время. Он следит за нами. Учит нас. Играет с нами.

— Играет? — переспросил Гончар.

— Играет, — подтвердил Громов. — Охотник играет с добычей. Показывая ей, кто тут хозяин.

Он взял свёрток с позвоночниками, поднял, вышел из камыша на берег.

— Нам нужно уходить, — сказал он. — Сейчас. Пока он не решил, что игра закончилась.

5

Назад они шли быстро, почти бегом. Северин не оглядывался, но чувствовал — всей спиной, каждой клеткой, — что за ними наблюдают. Что-то тёмное, большое, терпеливое следило из камыша, провожая их взглядом.

Они вышли на дорогу. Громов остановился, перевёл дух, положил свёрток на землю.

— Вот, — сказал он. — Теперь у нас есть доказательства. И — может быть — ключ.

— Какой ключ? — спросил Северин.

— Знаки. — Громов указал на насечки. — Три позвоночника. Три разных знака. Но если посмотреть внимательнее...

Он повернул позвоночники так, чтобы лунный свет упал на кости.

— Смотрите. У каждого знака — три борозды. У первого — косой штрих. У второго — две точки. У третьего — дуга. Это не три разных охотника. Это один охотник, который ставит разные знаки. Как пастух метит овец. Или как охотник отмечает... — он помолчал, — добычу. По категориям. По возрасту. По силе.

Северин и Гончар смотрели на знаки. Потом переглянулись.

— Один, — медленно сказал Северин. — Один охотник. И он метит добычу по-разному.

— Да, — сказал Громов. — И это плохая новость.

— Почему?

— Потому что если он один и метит добычу по-разному — значит, он ведёт учёт. Систематический. Похоже на... — он помолчал, подбирая слово, — на селекцию. Он выбирает лучших. По возрасту, по силе, по смелости. Как выбирают племенной скот. Он растит стадо... или выбирает из того, что есть.

Он помолчал.

— И до сих пор он не нашёл того, кто ему нужен. Все, кого он взял, — это так, разминка. Он ждёт. Ждёт настоящего трофея.

— И что это значит для нас? — спросил Гончар.

Громов посмотрел на него.

— Это значит, что кто-то из нас — подходящий. Кто-то из нас — тот самый трофей, который он ищет. И он придёт за ним. Рано или поздно.

В тишине, над лиманом, снова закричала чайка. Громов поднял свёрток, повернулся и пошёл к Темрюку.

Северин и Гончар смотрели ему вслед.

— Он прав, — тихо сказал Северин. — Кто-то из нас — тот самый.

— И что мы будем делать, когда он придёт? — спросил Гончар.

Северин помолчал.

— Мы будем готовы, — сказал он. — Мы будем ждать его. Здесь. На нашей земле. И мы будем охотиться на него.

Он достал из кармана папиросу, закурил, глядя на тёмный лиман.

«Один охотник. Метить добычу. Ждать трофей.»

Он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

«И ты, Андрей Петрович, — подумал он, — ты — подходящий. Ты — тот самый.»

Он выбросил папиросу и пошёл следом за Громовым.

ГЛАВА 8. ПОХОРОНЫ ПО-ТИХОМУ

Если начальство врёт — значит, дело твоё.

1

Похороны по официальной версии прошли восемнадцатого июня.

Хоронили «четверых погибших в результате несчастных случаев, связанных с ведением работ в акватории лимана». Такая формулировка, утверждённая в райисполкоме и согласованная с Гущиным, устроила всех: и прокуратуру, и военных, и родственников — родственников, правда, не всех.

Северин стоял в стороне, у ограды сельского кладбища, и смотрел, как опускают в землю четыре гроба. Официальные гробы были закрыты — и это было хорошо, потому что в них лежало то, что осталось: тела, которые нельзя было показывать даже самым близким.

Коваля хоронили на семейном участке. Жена его — Надя, полная, заплаканная женщина в чёрном платке — стояла у могилы, держа за руку младшего, лет шести. Старший, лет двенадцати, стоял рядом, с каменным лицом, смотрел на гроб.

Северин смотрел на мальчика и думал о Пашке.

У него самого сын — Павел, двенадцать лет, живёт с ним в Темрюке, в двухкомнатной квартире на улице Октябрьской. Мать Пашки умерла четыре года назад — рак, быстро, за полгода. Северин остался один: с сыном, с работой, с чувством вины, которое не проходило, сколько бы он ни работал.

Он не был образцовым отцом. Он был отцом, который вечно на службе, вечно в делах, вечно возвращается поздно. Но он любил Пашку так, как умел — молча, тревожно, изо всех сил.

Сейчас, глядя на сына Коваля, он думал: «А если бы это был мой сын? Что бы я сделал?»

Он не находил ответа. И это было хуже всего.

2

После похорон Гущин собрал группу в кабинете Калюжного. Все были на месте: Северин, Гончар, Громов, Тамара Львовна. Калюжный сидел в углу, молчал.

— Товарищи, — начал Гущин. — Ситуация следующая.

Он разложил на столе фотографии, карту, протоколы.

— Четыре трупа. Один охотник. Система меток. — Он посмотрел на Громова. — Капитан Громов сделал вывод, с которым я согласен: мы имеем дело с одним объектом, который ведёт целенаправленную охоту на людей. Выбирает добычу, метит, забирает трофеи.

— И что мы можем сделать? — спросил Северин.

— Для начала — закрыть район. — Гущин положил на карту ладонь. — Официально — карантин по рыбе, санитарные работы на лимане. Ограничить доступ к воде. Расставить посты. Усилить патрули.

— А если он придёт мимо постов? — спросил Громов.

— Значит, посты должны быть там, где он проходит. — Гущин посмотрел на него. — А для этого нам нужно знать, где он проходит. И когда.

— Мы знаем, — сказал Громов. — Он охотится ночью. В воде. У камышовых островов. Там, где топко и где никто не ходит.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, — Громов достал свёрток с позвоночниками, положил на стол, — что он оставил нам это. В лодке. На воде. Среди островов, куда не ходят.

Гущин посмотрел на свёрток. Потом на Громова. Потом на Северина.

— Вы принесли это сюда? — тихо спросил он. — Вы принесли вещественные доказательства, не оформив их?

— Оформите, — спокойно сказал Громов. — Позже. Сейчас важнее другое.

— Что?

— Он нас видел. Он знает, что мы идём за ним. И он оставил нам подарок, чтобы мы поняли: он не боится. Он приглашает.

В комнате повисла тишина.

— Приглашает? — переспросила Тамара Львовна.

— Приглашает, — подтвердил Громов. — Это как... как объявление войны. Он не прячется. Он охотится. И он хочет, чтобы мы это знали.

3

Гущин долго молчал, глядя на свёрток. Потом медленно сказал:

— Вы понимаете, что вы предлагаете? Мы не можем противопоставить ему ничего, кроме стрелкового оружия, которое — судя по всему — ему не страшно. У нас нет данных о его уязвимости. У нас нет данных о его численности. У нас даже нет уверенности, что он один.

— Он один, — сказал Громов. — Я проверил. Знаки — один почерк. Левша-правша — один и тот же. Амбидекстр, как сказала Тамара Львовна. Один. Крупный. Умный. Осторожный.

— Откуда вы знаете, что он умный?

— Потому что он не оставляет следов. Потому что он охотится там, где его никто не видит. Потому что он оставил нам подарок, вместо того чтобы убить нас, когда мы были у лодки. — Громов посмотрел Гущину в глаза. — Умный охотник не убивает всё подряд. Умный охотник выбирает. Он выбрал нас — как достойную добычу. И он ждёт, когда мы придём к нему.

— И что? — спросил Гущин. — Вы предлагаете пойти к нему?

— Я предлагаю устроить ему засаду, — сказал Громов. — Он ждёт нас в лимане. Мы придём. Только не так, как он думает. Мы придём подготовленными. С оружием. С планом.

— План — какой?

Громов подошёл к карте. Развернул её. Обвёл пальцем район лимана.

— Смотрите. Он охотится в воде, у островов. Значит, он приходит туда. Значит, там — его территория, его тропы. Если мы выставим посты на всех подходах, если мы перекроем ерики, если мы будем ждать его в воде, в засаде...

— И что? — спросил Гончар. — Он почувствует нас. Он видит в темноте. Он, наверное, видит тепло.

— Видит, — согласился Громов. — Но тепло можно скрыть. Вода — холодная. Если мы будем сидеть в воде, по пояс, часами — наше тело остынет, и мы станем невидимыми для него. Как лягушки, которые молчат, когда рядом хищник.

— Сидеть в воде? — переспросил Гончар. — Ночью? В лимане? Там же пиявки, змеи...

— И что? — Громов пожал плечами. — Зато мы будем живы. И, может быть, мы сможем сделать то, чего он не ждёт.

— Что? — спросил Северин.

Громов повернулся к нему.

— Убить его.

4

В комнате стало совсем тихо.

— Убить, — повторил Гущин. — Вы предлагаете убить существо неизвестной природы, неизвестной технологии, возможно, внеземного происхождения.

— Да, — сказал Громов. — А вы предлагаете что? Изучить его? Подружиться? Провести с ним переговоры? Он сдирает кожу с людей и носит их позвоночники на поясе. С ним не о чем разговаривать.

— А если он не один? — спросил Гущин. — Если он — разведчик, а за ним придёт... другие? Что тогда?

— Тогда, — спокойно сказал Громов, — мы покажем им, что здесь нечего ловить. Что охота здесь — смертельна. Что дичь умеет кусаться.

Гущин долго смотрел на него. Потом сказал:

— Вы понимаете, что если мы убьём его — мы потеряем возможность изучить его? Возможность понять, откуда он, зачем он здесь. Это может быть технология, которая...

— Которая убьёт нас всех, если мы ею завладеем, — перебил Громов. — Вы это понимаете, товарищ подполковник? Мы не знаем, что это за технология. Но мы знаем, что она сдирает кожу с людей. Вы хотите изучить её? Пожалуйста. Изучайте. Только не здесь. Не сейчас. Сначала — убедимся, что она больше никого не убьёт.

— А если её нельзя убить? — тихо спросил Гончар, который до этого момента молчал, сидя в углу и слушая перепалку между КГБ и спецназом. — Если пули её не берут, ножи не берут, вода не берёт? Если она неуязвима?

— Всё уязвимо, — сказал Громов. — Вопрос только — в чём именно. Мы нашли, что пули её замедляют. Значит, будем искать то, что её останавливает. Увеличим калибр. Добавим взрывчатку. Используем против неё её же тактику — засады, ловушки, окружение.

— А если у нас не будет времени искать? — спросил Гончар.

— Тогда будем импровизировать, — ответил Громов. — Как вчера ночью. Сигнальная ракета, плотный огонь, прикрытие. Она отступила — значит, тактика работает. Будем развивать успех.

Гущин молчал долго, переводя взгляд с Громова на Северина, с Северина на Гончара. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Делайте по-вашему. Но я поставлю условия.

— Какие?

— Первое: вся операция — под моим контролем. Второе: если появится возможность взять его живым или хотя бы образцы — берём. Третье: если операция провалится — об этом не узнает никто. Ни пресса, ни область, ни Москва. Понятно?

— Понятно, — сказал Громов.

— И четвёртое. — Гущин посмотрел на Северина. — Капитан Северин. Вы — руководите операцией. Не Громов. Вы — милиция. Он — военный. Между ними должен быть баланс. Иначе... — он помолчал, — иначе вы перестанете быть людьми. Станете просто охотниками.

Северин посмотрел на него.

— А разве мы не охотники? — спросил он.

Гущин долго смотрел ему в глаза.

— Пока — нет, — сказал он. — Пока вы — люди, которые защищают других людей. И это важно. Не забывайте об этом. Иначе он победит — даже если вы его убьёте.

Северин молчал. Потом кивнул.

— Я понял, — сказал он.

5

После совещания Северин вышел на улицу. Смеркалось. В городе зажигались огни. Из открытых окон доносились звуки телевизоров, голоса, смех — обычная жизнь, которая шла своим чередом, не подозревая, что в нескольких километрах, в лимане, охотится существо, для которого люди — дичь.

Он закурил. Постоял.

К нему подошёл Гончар.

— Ну что, командир? — спросил участковый. — Когда начнём?

— Завтра, — сказал Северин. — Завтра, на рассвете, мы выходим на лиман. Разведка. Изучим берега, тропы, острова. Составим карту его маршрутов.

— А потом?

— А потом — засада. — Северин затянулся. — Он охотится ночью. Мы будем ждать его ночью. В воде. Как сказал Громов.

Гончар помолчал.

— А если он не придёт?

— Придёт. — Северин выбросил папиросу. — Он охотник. Ему нужен трофей. А мы — на его территории. Он придёт.

Он повернулся и пошёл к дому.

Дома его ждал Пашка.

6

Квартира на улице Октябрьской — две комнаты, кухня, запах борща и старых книг. Пашка сидел за столом, делал уроки. Увидев отца, поднял голову.

— Пап, ты поздно.

— Работа, сынок. — Северин сел напротив. — Как школа?

— Нормально. — Пашка пожал плечами. — Физику задали. Про... — он замялся, — про звёзды. Про космос.

Северин посмотрел на него.

— Про космос?

— Ну да. У нас новая учительница. Говорит, что, может, где-то там есть жизнь. Другие планеты. Другие... — Пашка запнулся, глядя на отца, — другие существа.

Северин смотрел на сына.

— И что ты думаешь? — спросил он.

— Не знаю, — честно сказал Пашка. — А ты?

Северин долго молчал. Потом сказал:

— Я думаю, сынок, что если они есть — они, наверное, такие же, как мы. Хотят жить. Растить детей. Быть в безопасности.

Он помолчал.

— А если они не такие?

— Тогда, — Северин посмотрел сыну в глаза, — тогда нам нужно быть готовыми. Ко всему.

Пашка смотрел на него, и в глазах у мальчика было что-то — не страх, нет, — что-то серьёзное, взрослое, не по годам.

— Пап, — тихо сказал он, — а ты не боишься?

— Чего?

— Ну... работы. Того, что ты делаешь.

Северин подошёл, сел рядом, обнял сына за плечи.

— Боюсь, сынок, — честно сказал он. — Всё время. Но страх — это нормально. Страх — это то, что помогает не совершать глупостей. Главное — не давать ему управлять собой.

Пашка прижался к нему.

— А если... если с тобой что-то случится?

Северин помолчал. Потом ответил:

— Тогда ты будешь сильным, сынок. Ты у меня сильный. Ты справишься.

Он поцеловал сына в макушку. Поднялся.

— Иди спать. Завтра рано вставать.

— А ты?

— А я — посижу. Подумаю.

Пашка ушёл в комнату. Северин постоял, потом подошёл к окну. За окном — тёмная улица, фонарь, и далеко за крышами — чёрная полоса, где начинался лиман.

«Он придёт, — подумал Северин. — Он охотник. Ему нужен трофей.»

Он посмотрел на свои руки. На руки, которые держали пистолет, которые заполняли протоколы, которые гладили сына по голове.

«И если он придёт за кем-то из нас — пусть это буду я. Я готов.»

Он постоял ещё немного, потом повернулся, погасил свет и ушёл в спальню.

За окном, в темноте, где-то на лимане, охотник заканчивал свой обход. Четыре метки на поясе. Четыре трофея.

Он искал пятый.

ГЛАВА 9. НОЧНЫЕ УЧЕНИЯ

Ночь — чужая стихия. Сделаем её своей.

1

Двадцатое июня, двадцать три сорок.

Ровно в полночь — по замыслу Громова, — на Курчанский лиман вышли «на учения» четырнадцать человек.

Официально — так и было: учебные стрельбы, отработка действий в ночных условиях, сборы резервистов. Гущин оформил всё чисто: приказ по району, заявка на полигон, даже путёвки для курсантов выписал — учебный центр под Славянском выделил взвод десантников-срочников под командованием лейтенанта Морозова. Молодых, злых, готовых к любым приключениям — и совершенно не представляющих, на что они подписались.

В боевую группу входили: - Громов — командир, со своим НР-40 и автоматом АКМ; - Северин — с табельным ПМ и «Сайгой»... нет, «Сайги» не было; с ПМ, двумя запасными обоймами и старым охотничьим карабином «Сайга»... тоже не было. С ПМ и неразлучным блокнотом. - Гончар — с «Уралом», ружьём «ИЖ-27» (трофей деда Степана, двустволка двенадцатого калибра, «как раз для зверя») и недоверием ко всей затее. - Тамара Львовна — она не была в группе, она работала в штабе: разворачивала пункт управления на берегу, с рацией, картой и аптечкой. «Если с вами что-то случится там, — сказала она, — я хотя бы запишу, как вы умирали. Это тоже работа.» - Десять срочников — по двое на пост, пять постов по периметру. - Лейтенант Морозов — мостик между армией и милицией.

План был простой — насколько может быть простым план ночной засады на неведомую тварь.

Громов расставил посты так: два — на дальних подходах, у дорог; два — на ериках, где тварь могла выйти из воды; один — центральный, на острове, куда, по расчётам, она должна была прийти за новой жертвой.

Центральный пост — самый опасный. Туда шли Громов, Северин и Гончар.

Остальные — по периметру, с задачей: если что-то пойдёт не так — выдвигаться к центру, оцеплять, стрелять только по команде.

— Вопросы? — Громов обвёл взглядом собравшихся.

— А если это не он? — спросил лейтенант Морозов. — Если это, ну... браконьер? Человек?

— Мы стреляем по людям только в том случае, если они нападают первыми, — сказал Северин. — У нас есть инструкция. Нарушать её не будем.

— А если это... — Морозов замялся, — то, о чём говорят?

— Тогда ты сам увидишь, — сказал Громов. — И запомни: не смотри ему в глаза. Не пытайся с ним драться. Кричи, стреляй, беги. Главное — выжить и доложить.

Морозов кивнул. По лицу его было видно, что он считает всё это бредом, но приказ есть приказ.

— По машинам, — сказал Громов. — Выходим.

2

Группа вышла к лиману в полночь.

Луна стояла над водой, полная, жёлтая, как осенний подсолнух. Вода — чёрная, густая, с ряской. От неё несло теплом и тиной. Камыш стеной — выше человеческого роста.

Громов шёл первым, с автоматом на груди. Северин — за ним, с карабином. Гончар замыкал, с ружьём наизготовку.

— Идём по-пластунски, — шепнул Громов. — Тихо. Как тени.

— Мы и так тихо, — проворчал Гончар, наступая в яму и чертыхаясь.

— Тихо — это не про тебя, — отрезал Громов.

Они прошли через пояс камыша, вышли на мелководье. Вода доходила до колена, потом до пояса, потом до груди. Громов двигался бесшумно, как выдра, раздвигая стебли без единого всплеска. Северин — тяжелее, но всё же старался. Гончар — ругаясь сквозь зубы, но тоже держался.

Остров был небольшой — метров пятьдесят в поперечнике, заросший осокой и молодым камышом. В центре — сухая кочка, где Громов и устроил пост.

— Садимся, — сказал он. — В воду. По пояс. Спинами друг к другу. Оружие — над водой, на коленях.

— И долго нам так сидеть? — спросил Гончар.

— Пока не придёт, — ответил Громов. — Или пока не рассветёт.

Он усадил их так, чтобы они видели три стороны света. Сам встал спиной к луне, чтобы тень падала на воду, а не на него.

Они сидели в тёплой, душной воде, среди камыша, и ждали.

3

Прошёл час.

Комары. Мошкара. Пиявки — Гончар чувствовал, как они присасываются к ногам, и давился руганью, боясь поднять шум.

— Тихо, — шипел Громов. — Они чувствуют движение.

— Они чувствуют мою кровь! — шипел в ответ Гончар. — Я скоро сдохну тут, и ты будешь сидеть рядом с моим трупом!

— Если сдохнешь — тихо сдохни, — сказал Громов. — Не булькай.

Северин молчал. Он сидел в воде, ощущая, как тело медленно остывает, как уходит тепло, как кожу покрывает озноб — от холода, от ожидания, от неизвестности. Он думал о Пашке — о том, что будет с ним, если отец не вернётся с этой охоты. О том, что сын останется один — без матери, без отца, без родных. Где он будет жить? У Зины, соседки? В интернате? Северин отогнал эту мысль, но она вернулась. Она возвращалась каждый раз, когда он сидел в засаде, ожидая, что из темноты выступит тень с жёлтыми глазами.

Он вслушивался в ночь.

Лягушки молчали. Это было плохим знаком — они молчали всю ночь, с того самого момента, как группа вошла в воду. Громов говорил: животные чувствуют хищника. Если лягушки молчат — значит, хищник рядом.

Но вокруг не было ничего. Только вода, камыш, луна, комары.

— Он не придёт, — прошептал Гончар через полтора часа. — Он почувствовал нас. Он не дурак.

— Он придёт, — сказал Громов. — Он охотник. Ему скучно. Он любопытен. Он придёт посмотреть, что мы тут устроили.

— А если он пришёл и уже смотрит? — спросил Северин, не оборачиваясь.

Громов молчал. Потом сказал:

— Тогда мы его увидим. Когда он решит, что пора.

4

Он решил, что пора, в три часа ночи.

Северин не услышал — почувствовал. Сначала — тишина стала другой: глубже, плотнее, как будто воздух сгустился. Потом — запах: резкий, металлический, сладковатый — тот самый, что он запомнил с первого тела, только сильнее, ближе.

— Он здесь, — сказал он одними губами.

Громов кивнул, медленно и бесшумно поднял автомат, снял его с предохранителя и дал знак: ждать.

Они ждали.

И тогда из камыша, метрах в тридцати, вышла фигура.

Она была выше человека — выше даже Громова, который был под метр девяносто. Широкая, приземистая, с покатыми плечами. В свете луны Северин разглядел: тёмный, как ночь, силуэт, с жгутами на голове, с длинными руками, с чем-то блестящим у пояса.

Она остановилась на краю острова. Повернула голову. Жёлтые глаза — два уголька — всмотрелись в темноту, в воду, в камыш.

Она искала их.

И она их не видела. Потому что они сидели в воде, холодные, как лягушки, невидимые для теплового зрения, которым, судя по всему, она пользовалась.

Громов сделал знак: «Жди. Не двигайся.»

Фигура сделала шаг вперёд. Ещё один. Она шла прямо к их посту — к кочке, где они должны были сидеть.

Она шла к тому месту, где — по её расчётам — должна была быть добыча. И не находила её.

Она остановилась. Наклонила голову. Издала звук — низкий, горловой, недовольный. Похоже, она была раздосадована: добыча, которую она выследила, исчезла.

И тогда Громов ударил.

Не автоматом — автомат был последним средством. Сначала — по плану — сработала сигнальная ракета. Зелёная, шипящая, она взмыла над лиманом, осветила всё вокруг мертвенным зеленоватым светом.

И в этом свете они увидели её.

Она стояла в десяти шагах. Пятипалые руки с когтями. Маска — сложная, с дышащими сочленениями. Жгуты-дреды на плечах. На поясе — свёрток, который Северин узнал: позвоночник. Её трофей.

Она смотрела на ракету. Она не боялась — она изучала. Соображала, что происходит.

И тогда Громов выстрелил.

Очередь из АКМ — длинная, злая, тридцать патронов — ударила в неё. Пули 7,62 калибра, разрывные, — в грудь, в плечи, в голову.

Она пошатнулась. Издала звук — пронзительный, щёлкающий, нечеловеческий. И — вместо того чтобы упасть — рванулась вперёд.

Громов перезарядил. Вторая очередь — в упор, в грудь.

Она не остановилась.

Она взмахнула рукой, и из её запястья выдвинулось что-то длинное, блестящее — клинок. Лезвие, которое в свете ракеты блеснуло синевой.

Громов схватил Северина за плечо, рванул в сторону, в воду, в камыш:

— Бегом! К берегу! Быстро!

Они рванули. Гончар — следом, стреляя из ружья на ходу — картечь, вторая, третья, — не целясь, просто чтобы не дать ей приблизиться.

Она не преследовала. Она стояла на острове, среди освещённой зеленью воды, и смотрела им вслед. Жёлтые глаза — два уголька — провожали их, пока они не скрылись в камыше.

А потом она наклонилась, подняла что-то с земли — гильзу, — поднесла к маске, понюхала. И издала короткий, странный звук.

Похоже, она смеялась.

5

Они выбрались на берег мокрые, грязные, с бешено стучащими сердцами.

— Живы? — спросил Громов, оглядывая их.

— Живы, — выдохнул Северин. — Ты её ранил?

— Не знаю. — Громов посмотрел на лиман. — Пули её берут. Но она не упала. Она... — он помолчал, — она не боялась. Она будто ждала нас. Как будто мы — это и есть её охота. Её игра.

Гончар, отдышавшись, сплюнул:

— Бред какой-то. Пули — а ей хоть бы что. Вы что, видели её? Она огромная! И эти когти...

— Видели, — сказал Громов. — И теперь мы знаем главное.

— Что?

— Что её можно остановить. Пули её замедлили. Она не упала, но она отступила — она не стала нас преследовать. Значит, у неё есть предел. И мы должны его найти.

Он достал из кармана мокрый блокнот, записал: «Пули 7,62 — берут. Не убойно. Отступает при плотном огне. Ищет добычу по теплу (ракета её ослепила). Имеет клинок на запястье. Не преследует в воде глубже пояса — возможно, не любит глубокую воду или боится засады.»

— Она не любит глубокую воду, — повторил он вслух. — Хорошо. Это пригодится.

Громов убрал блокнот в карман и оглядел группу. Все четверо были мокрые, грязные, вымотанные до предела, но живы. Курсанты — лейтенант Морозов, сержант Еремеев, рядовой Царёв — стояли, опираясь на автоматы, тяжело дыша. У Морозова на лбу вздувалась шишка — он ударился головой о ветку, когда прыгал в воду. Еремеев растирал ушибленное плечо. Царёв, самый молодой, выглядел так, будто только что увидел призрака и теперь не знал, как об этом рассказать.

— Значит, так, — сказал Громов, понижая голос, чтобы не разбудить станицу. — Первое: мы знаем, что она есть. Второе: мы знаем, что её можно ранить. Третье: мы знаем, чего она боится — яркого света, плотного огня и, возможно, глубокой воды. Четвёртое: мы знаем, что она не одна. На острове были следы нескольких особей. Мы не знаем, сколько их всего, но знаем, что их не одна.

— И что нам теперь делать? — спросил лейтенант Морозов. Голос его дрожал — не от страха, а от холода и адреналина, который всё ещё бушевал в крови.

— Теперь, — сказал Громов, — мы возвращаемся в РОВД, сушимся, перезаряжаемся и разрабатываем новый план. Сегодня мы её вспугнули — она теперь знает, что мы умеем стрелять. Она не рискнёт сунуться к станице сегодня ночью. Но завтра — она может вернуться.

— А если она вернётся раньше? — спросил Царёв.

— Значит, мы встретим её раньше, — ответил Громов. — С оружием наготове.

Он хлопнул Царёва по плечу — несильно, ободряюще.

— Ты держался молодцом. Не каждый может встретить космического монстра лицом к лицу и не обмочить штаны.

Царёв слабо улыбнулся. Улыбка вышла кривой, но в глазах появилось что-то, похожее на гордость.

— И что теперь? — спросил Гончар.

— Теперь, — сказал Громов, — мы знаем, что она есть. Мы знаем, что её можно ранить. Мы знаем, чего она боится. И мы знаем, что она — не одна.

— Откуда? — удивился Северин.

— Она была одна, — сказал Громов. — А следов на острове было по меньшей мере трое. Она пришла не одна. Или, — он помолчал, — или она приходила сюда раньше. С другими.

Он посмотрел на лиман, где зеленоватый свет ракеты уже догорал, растворяясь в темноте.

— Она изучает нас, — сказал он тихо. — И мы изучаем её. Это — начало охоты. Настоящей.

ГЛАВА 10. ТЕПЛО

Противник виден — противник уязвим.

1

Утро после «ночных учений» началось для Северина в госпитале.

Не для него — для двоих курсантов. Молодой срочник, стоявший на дальнем посту, споткнулся в темноте и сломал ногу. Второй — лейтенант Морозов — получил удар по голове, когда продирался через камыш к берегу: то ли ветка, то ли ещё что; сам он сказал — «ветка». Громов, посмотрев на шишку на его лбу, хмыкнул, но ничего не сказал.

Северин сидел у окна госпитальной палаты, куда положили Морозова, и смотрел на лиман — серый, спокойный, безразличный. Утро стояло тихое, солнечное, но от вчерашней ночи у него внутри колотилось что-то тяжёлое, как будто он наглотался тины.

Он достал блокнот. Открыл. Написал:

«21.06.1980. Ночь на лимане. Объект: высота примерно 2,2–2,5 м. Масса — не менее 150 кг. Сложение: атлетическое, широкие плечи. Конечности: пятипалые, с когтями. Голова: маска/панцирь с подвижными сочленениями, жгуты (?) по бокам. Глаза: светящиеся, жёлтые, направленного взгляда. Оружие: клинок, выдвигающийся из запястья (предположительно). На поясе — трофеи (позвоночники). Возможна другая аппаратура (не зафиксирована). Устойчивость к огню: три очереди 7,62 (не менее 20–25 попаданий) — не остановили. Шаталась, но не падала. Отступила после плотного огня + сигнальной ракеты. Вероятная уязвимость: свет (ослепление), возможно — холод, возможно — глубоководье. Предположительно — не одна. На острове — следы минимум трёх особей (не проверено, темно было).

Вывод: огнестрельное оружие малоэффективно. Нужны другие средства: свет, вода, химия (?)».

Северин перечитал. Подумал. Дописал внизу:

«И ещё. Она не боялась нас. Она изучала. Она ждала нас. Это не бегство — это охота. Мы для неё — дичь. Или... она для нас — цель?»

Он закрыл блокнот. Посмотрел в окно.

На лимане, метрах в двухстах от берега, покачивалась лодка. В ней сидел человек — рыбак, в соломенной шляпе, с удочкой. Обычный, мирный, живой.

Северин смотрел на него и думал: «А знает ли он, что вчера ночью, в ста метрах от него, охотилась тварь, для которой люди — дичь?»

Рыбак не знал. Рыбак ловил рыбу. Мирная жизнь продолжалась.

2

В палату вошла Тамара Львовна.

— Ну что, — сказала она, садясь на стул рядом, — рассказывай. Я слышала, вы там такое устроили.

— Устроили, — сказал Северин. — Она пришла. Мы стреляли. Она ушла.

— И всё?

— И всё. — Он помолчал. — Но я узнал о ней кое-что.

Он рассказал. Про пули, которые «берут, но не останавливают», про сигнальную ракету, которая её ослепила, про то, что она отступила при плотном огне, про следы «нескольких особей».

Тамара Львовна слушала, не перебивая. Потом спросила:

— Ты уверен насчёт тепла?

— В смысле?

— Насчёт того, что она видит тепло. Ты сказал — она искала вас по теплу. Откуда ты знаешь?

— Громов сказал. Он говорит — у неё тепловое зрение. Как у змеи. Наверное, поэтому лягушки молчали — они чувствовали её раньше, чем мы.

Тамара Львовна задумалась.

— Значит, она видит в инфракрасном спектре. — Она постучала пальцем по колену. — Это многое объясняет: почему она охотится ночью, почему не оставляет следов, почему так хорошо видит в темноте. Если она видит тепло — она видит нас всегда. Любого человека, любого зверя — по теплу, через стены, через камыш.

— И что нам с этим делать?

— Всё просто, — сказала она. — Если она видит тепло — нам нужно стать холодными.

— Холодными?

— Холодными. — Она посмотрела на него. — Вода — хороший экран. Она отводит тепло. Если вы будете сидеть в воде, по грудь, ваше тело остынет до температуры воды — и она вас не увидит. Вы станете для неё... как лягушки, которые молчат.

— Мы так и сделали, — сказал Северин. — Вчера.

— И сработало?

— Она прошла в десяти шагах от нас и не заметила. Подошла к нашему месту, удивилась, что там никого нет, — и только тогда мы выстрелили.

— Значит, работает. — Тамара Львовна кивнула. — Вода — ваше спасение. И ещё одно.

— Что?

— Свет. Если она видит тепло — яркий свет её ослепляет. Как ракета вчера. Значит, нам нужно больше света. Прожекторы, факелы, ракеты. Всё, что даёт яркую вспышку.

— Прожекторы у нас вряд ли будут, — сказал Северин. — Но ракеты — будут. И факелы.

— И ещё, — сказала Тамара Львовна. — Есть один способ проверить, права ли я насчёт тепла. Если она видит тепло — она избегает жарких мест. Она не пойдёт туда, где жарко, потому что не сможет там нормально смотреть.

— И что? — не понял Северин.

— А то, — она посмотрела ему в глаза, — что у нас на Тамани есть отличные жаркие места, куда она не сунется. Грязевые вулканы. Сопки. Там — горячая грязь, горячая вода, пар. Если мы заманим её туда...

— Она ослепнет? — догадался Северин.

— Ослепнет, — кивнула она. — Или, по крайней мере, растеряется. А растерянного врага легче победить.

Северин смотрел на неё, и впервые за несколько дней в нём зажглось что-то похожее на надежду.

— Грязевые вулканы, — повторил он. — Это мысль.

3

Вернувшись в РОВД, он застал Громова, который рисовал на стене карту.

Не на карте — на стене, мелом, огромную схему лимана: берега, ерики, острова, отмели, глубины. Он чертил по памяти, как чертят боевые схемы — быстро, точно, без единого лишнего движения.

— Смотри, — сказал он, когда Северин вошёл. — Я отметил всё, что знаю: где она охотилась, где мы её видели, где она оставила следы.

Северин подошёл. Посмотрел.

На схеме — красным — были отмечены места четырёх убийств. Синим — места, где видели следы. Зелёным — предполагаемые маршруты.

— Видишь закономерность? — спросил Громов.

Северин всмотрелся. Долго. Потом сказал:

— Все места — у воды. Но не на открытой воде. В камышах, в ериках, у островов.

— Да, — кивнул Громов. — Она охотится в зарослях. Там, где можно подкрасться незаметно. Где её не видно. Где она может выследить добычу и напасть из засады. Это — её тактика. Она не бросится на вас на открытом месте, не станет преследовать по чистому берегу. Ей нужны укрытия, камыш, вода. Без них она чувствует себя неуверенно.

— Значит, если мы выманим её на открытое место — она потеряет преимущество? — спросил Северин.

— Потеряет, — подтвердил Громов. — Но она не пойдёт туда добровольно. Ей нужно создать иллюзию, что заросли там есть, хотя на самом деле их нет. Устроить ловушку.

— И что это нам даёт?

— А то, — Громов обвёл красным один участок, — что у неё есть предпочитаемые места. Тропы, по которым она ходит. Если мы узнаем, где она ходит чаще всего, — мы сможем устроить там засаду.

— Мы уже устроили, — напомнил Северин. — Вчера.

— Вчера мы сидели и ждали. — Громов покачал головой. — Это не засада. Это сидение в кустах. Она нас не боялась, потому что чувствовала, что мы — слабые. Она пришла посмотреть, что мы такое. Теперь она знает. И теперь она придёт снова — уже по-другому.

— И что мы сделаем?

— Мы не будем ждать её в одном месте, — сказал Громов. — Мы пойдём за ней. По её следам. По её тропам. Мы станем охотниками, а не добычей.

— А если она заведёт нас в ловушку?

— Тогда, — Громов усмехнулся — впервые за всё время, что Северин его знал, — тогда мы хотя бы умрём с оружием в руках. Это лучше, чем умереть без оружия.

— Ты правда думаешь, что мы сможем её переиграть? — спросил Северин, глядя на карту, испещрённую пометками.

— Я думаю, что у нас нет выбора, — ответил Громов. — Она охотится, мы защищаемся. Если мы продолжим защищаться — она рано или поздно нас достанет. Значит, нужно переходить в нападение.

— А если мы не готовы к нападению?

— Мы никогда не будем готовы на сто процентов, — сказал Громов. — Война не ждёт, пока ты набьёшь карманы патронами. Война начинается тогда, когда начинается.

Северин замолчал, глядя на карту. Точки, стрелки, круги — всё это было похоже на боевую схему, на план кампании. Только врагом был не человек, не армия, не государство, а нечто, пришедшее из-за пределов земной атмосферы. И оружие против него надо было придумывать

на ходу, из того, что было под рукой: автоматы Калашникова, ружья, сигнальные ракеты, грязь и вода, в которых можно спрятаться от теплового зрения.

— Ладно, — сказал он наконец. — Убедил. Идём за ней. Но с умом. Без геройства.

— Без лишнего геройства, — поправил Громов. — Совсем без неё — не получится.

4

Гущин пришёл к вечеру. Увидел схему на стене, долго смотрел, потом спросил:

— Что это?

— Карта её территории, — сказал Громов.

— Красиво рисуете, — сказал Гущин. — А толку?

— Толк будет, — сказал Громов. — Когда мы пойдём за ней.

Гущин помолчал. Потом положил на стол папку.

— Вот, — сказал он. — Прислали из краевого управления. Наши специалисты посмотрели осколок.

Громов и Северин переглянулись.

— И что они сказали?

— Сказали, что не знают, что это. — Гущин открыл папку. — Материал не определяется. Не металл, не сплав, не пластик, не керамика. Не реагирует ни на кислоты, ни на щёлочи. Проводит ток — но не как металл. При нагреве — не плавится, а... — он замялся, — а ведёт себя странно.

— Как странно? — спросил Северин.

— Специалисты говорят: при нагреве до трёхсот градусов осколок начинает... светиться. Слабо, зеленоватым светом. И — они пишут — «издаёт звук». — Гущин поднял глаза. — Высокочастотный, едва слышимый. Похожий на... на сигнал.

— На сигнал? — переспросил Громов.

— На сигнал, — подтвердил Гущин. — Как будто осколок — часть какого-то устройства, которое до сих пор работает. Которое передаёт что-то.

В комнате стало тихо.

— Передаёт? — медленно сказал Северин. — Кому?

Гущин посмотрел на него.

— Если он — часть устройства того, кто сдирает кожу с людей, — то, возможно, тому, кто его сюда послал. — Он помолчал. — Или тем, кто за ним придёт.

Он закрыл папку.

— Словом, — сказал он, — времени у нас мало. Если это — сигнал, если за ним придут другие — нам нужно успеть. Либо найти способ его остановить здесь, либо... — он не договорил.

«Либо нас будет больше, чем мы можем победить», — мысленно закончил Северин.

Он посмотрел на схему на стене. На красные отметки. На зелёные маршруты.

«Мы должны успеть. Мы должны найти способ. И мы должны сделать это до того, как придёт остальное.»

5

Ночью, когда Гущин ушёл, а Громов ушёл спать, Северин остался один в кабинете.

Он сидел перед схемой, смотрел на неё, и думал.

Он думал о том, что у него есть: - четыре трупа; - одно существо, которое их оставило; - пули, которые его «берут, но не останавливают»; - предположение, что оно видит тепло; - идея с грязевыми вулканами; - и осколок, который «передаёт сигнал».

Он думал о том, чего у него нет: - знания, что это за существо; - знания, откуда оно; - знания, зачем оно здесь; - знания, как его убить.

«Исключи невозможное, — подумал он. — Останется одно — невозможное.»

Он взял блокнот. Написал:

«Оно — охотник. Оно видит тепло. Оно ведёт учёт трофеев. Оно — не одно. Оно — не с нашей планеты».

Он посмотрел на последнюю строчку. Долго. Потом дописал:

«Но оно — живое. Значит, его можно убить».

Он закрыл блокнот. Погасил свет. Вышел в коридор.

За окном — ночь, луна, и далеко — чёрная полоса лимана.

Северин смотрел на неё и думал о том, что где-то там, в темноте, охотник тоже не спит. Тоже думает. Тоже планирует.

«Мы думаем друг о друге, — подумал он. — Мы изучаем друг друга. Мы — две стороны одной охоты. Только она охотится, чтобы убить — а я чтобы защитить. И в этом наше преимущество. Потому что, защищая, я буду драться до конца. А она — она может отступить, если охота станет слишком опасной. Она может выбрать другую жертву, другое место, другое время. А я — не могу. Потому что за мной — станица, люди, Пашка. Потому что я должен быть здесь, когда она вернётся».

Он повернулся и пошёл домой. Через пустой ночной город, по улицам, где ещё горели редкие фонари, мимо спящих домов, мимо закрытых магазинов, мимо РОВД, где в окне кабинета горел свет — дежурный листал бумаги, клевал носом. Обычная ночь. Обычный город. Но для Северина эта ночь была последней перед чем-то большим, чем он мог себе представить.

Он повернулся и пошёл домой. К Пашке. К тишине.

Впереди был новый день. И новая охота.

ГЛАВА 11. ЗЕЛЁНАЯ КРОВЬ

Наука не спит. Она работает в ночную смену.

1

Двадцать второе июня, воскресенье, три часа ночи. Краснодар, улица Седина.

Тамара Львовна Штерн не спала уже вторые сутки. Она сидела в лаборатории краевого бюро судебно-медицинской экспертизы — длинной узкой комнате с кафельными стенами, цокольным этажом, где всегда гудел холодильник и пахло формалином, смешанным с хлоркой. Над головой — лампа дневного света, гудящая, мертвенная, выжигающая глаза. За окном — пустой Краснодар: редкие фары, сонные трамваи, звёзды над Кубанью.

Перед ней, на предметном стекле, под микроскопом, лежал образец. Мазок зеленоватой жидкости, взятый Севериным с камыша после ночной перестрелки в плавнях. Зелёная, тягучая, с металлическим блеском — она была собрана ватным тампоном с камышового листа утром следующего дня, когда солнце уже высушило ночную росу, но пятно ещё блестело, живое, не засохшее.

«Прострел навылет, — сказал Северин по телефону. — Мы стреляли — она отвечала. Пули её берут, но не останавливают. Потом я видел — она отступала. А утром нашёл кровь. Она была ранена, Тамара Львовна. Думаю, той самой очередью Громова. Кровь зелёная. Собрал сколько смог — тампоном, в пробирку. Срочно — анализ. Это может быть всё, что у нас есть».

Теперь этот анализ лежал перед ней. И она не знала, что писать в заключении.

2

Под микроскопом структура образца была нечеловеческой — и не животной. Клетки — если это можно было назвать клетками — не имели ядер, не имели мембран, не имели ничего, что она привыкла видеть за восемнадцать лет работы. Вместо этого — клубок тончайших металлических нитей, сплетённых в сетку, похожую на кристаллическую решётку, какая бывает у полупроводников или у минералов.

Но сетка пульсировала. Двигалась. Жила.

Тамара Львовна откинулась на спинку стула, потёрла глаза. Восемнадцать лет вскрытий, экспертиз, протоколов. Сотни трупов — зарезанных, застреленных, раздавленных, утонувших, сожжённых. Она видела всё, что может сделать с человеческим телом человек, машина, стихия. Но такого она не видела никогда.

Она взяла блокнот и написала:

«22.06.1980, 03:00. Образец № 11-А (зелёная жидкость, лиман, после ночного боя 21–22.06). Микроскопия: структура нитевидная, металлоподобная. Ядер и мембран нет. Пульсация регулярная, период ~1,5 с. При нагреве до 40 °С активность усиливается. Это не кровь в нашем понимании. Это — носитель информации. Как ДНК, только не из углерода».

Она перечитала. Подчеркнула последнюю фразу. Зачеркнула — слишком смело для протокола.

Взглянула на часы — три ночи. За окном — тишина, редкие фары машин, звёзды.

Она взяла телефонную трубку, набрала домашний номер Северина. Длинные гудки.

«Спит, — подумала она. — И правильно».

Она положила трубку и вернулась к микроскопу.

3

И увидела то, от чего похолодела.

Образец изменился.

Там, где полчаса назад была ровная сетка металлических нитей, теперь образовалась структура. Похожая на букву. Нет, на иероглиф — такой же, как на позвонках яутжа, которые она рассматривала в морге Темрюка. Две скрещённые линии и точка. Чёткие, неподвижные, почти красивые.

Тамара Львовна замерла. Не дыша. Смотрела.

Она перевела взгляд на снимок позвоночника, лежащий на столе рядом. Сравнила. Иероглифы совпадали — не были похожи, а совпадали, до последней черты.

«Это не кровь, — подумала она. — Это не биология. Это — отпечаток. Как след, который оставляет тот, кто прошёл. Или — послание, которое тот, кто прошёл, оставил нарочно».

Она оторвалась от окуляра. Взяла чистую пробирку, отлила немного образца, запечатала сургучом, пометила: «Зелёная жидкость, 22.06.80, объект неопознан». Убрала в холодильник — тот, что в углу, с замком, где хранила особо важные вещдоки.

Потом взяла телефонную трубку и набрала номер, который ей дал Гущин: московский, закрытый, с пометкой «для экстренной связи».

Трубку сняли после первого гудка.

— Слушаю, — голос мужской, сухой, без интонаций.

— Это Штерн, Краснодар. У меня новый материал по тому же делу.

— Что за материал?

— Жидкость. Зелёная. Биологическая жидкость объекта. — Она помолчала. — Она структурируется. Под микроскопом образует знаки. Те же, что на костях.

В трубке замолчали. Потом спросили:

— Вы уверены?

— Я видела это своими глазами.

— Завтра я высылаю человека. Он заберёт материалы. Вы ничего никому не говорите.

— Кому вы?

— Это неважно. — В трубке дали отбой.

4

Тамара Львовна сидела с трубкой в руке, глядя на холодильник, где стояла пробирка с зелёной жидкостью. Так делала всю жизнь: когда что-то не укладывалось в голове, она смотрела на предмет, который это что-то воплощал, и ждала, пока мысль созреет.

«Оно живёт, — подумала она. — Оно не кровь, не ткань, не орган. Оно — носитель. Оно хранит информацию. Оно размножается — я видела, как его стало больше. Оно оставляет везде свои знаки. Помечает территорию. Как зверь метит границы».

Она закрыла холодильник. Повернула ключ.

«И мы — на его территории».

Она села, сняла халат, повесила на крючок. Потом достала из кармана другой ключ — от ящика стола, где лежал второй осколок, тот, что она не отдала. Тот, что хранила про запас, сама не зная зачем.

Осколок лежал на дне ящика, в бархатной коробке из-под часов. Тёплый. Как всегда. Она взяла его, положила на ладонь, поднесла к свету.

На осколке, на тёмной гладкой поверхности, был тот же иероглиф — две скрещённые линии и точка. Только теперь он не был царапиной — он был выжжен, как тавро. Или — проступил сам.

— Ты знал, — сказала она осколку. — Ты знал, что я приду.

Осколок молчал. Но ей показалось, что он потеплел на градус.

«Показалось, — подумала она. — Усталость. Две ночи без сна».

Но она знала: не показалось.

5

Спать она не легла — легла на кушетку в углу, прямо в одежде, не выключая света. Старая привычка дежурного эксперта: задремать на двадцать минут, встать, доделать. Она закрыла глаза — и провалилась в темноту, в которой её ждал сон.

Сон был странный. Она стояла на берегу лимана — на том самом, где нашли первое тело. Вода была чёрной, как нефть. Из воды выходила фигура — высокая, широкая, без маски. Жёлтые глаза смотрели на неё. Фигура подняла руку — пять пальцев с когтями — и показала на неё. Потом на небо. Потом растворилась в воде, как тень.

Тамара Львовна проснулась с бьющимся сердцем. За окном серело — рассвет. Часы показывали шесть утра.

Она села, потёрла лицо. Голова гудела.

«Я слишком много думаю об этом деле, — сказала она себе. — Я начинаю видеть их во сне».

Но что-то — профессиональное, упрямое чутьё, которое не раз спасало ей жизнь, — подсказывало: сон не случаен. Она записала его в блокнот — кратко, без выводов. «Сон: она показывает на меня, потом на небо. Возможное значение: я — следующая цель? Или — источник информации?»

6

Утром — в восемь сорок — в лабораторию вошёл человек.

Он не представился. Показал удостоверение — коротко, не давая рассмотреть, — красную книжечку с гербом и зелёной полосой. Сказал: «Мне нужны все материалы по делу «Охотник». Все. Немедленно».

Тамара Львовна открыла холодильник, отдала пробирку. Достала снимки микроскопии, свой письменный отчёт — тот, что писала ночью, — вложила в конверт. Запечатала.

Человек убрал всё в дипломат. Посмотрел на неё — холодно, без выражения.

— Вы молодец. Дальше — не ваше дело.

— Моё, — возразила она. — Я эксперт по этому делу. Я должна знать, что это.

— Если узнаете больше — вас закроют. Понимаете?

— Понимаю. Но я должна знать.

— Это не ваша война, — сказал он. И ушёл, оставив её одну в лаборатории.

Она долго сидела, глядя на пустой стол, на холодильник с замком, на шкаф, где лежал отчёт. «Москва. Они всё знают. И не говорят. Они собирают информацию, как грибы — в корзинку, не рассказывая, что будут с ней делать».

Она встала, прошлась по комнате, остановилась у окна.

— А я, — сказала она вслух, — узнаю. Даже если придётся идти одной.

7

Она открыла ящик стола, достала второй осколок — тот, что не отдала. Тёплый. Как всегда. Она положила его на ладонь. Он слабо пульсировал — раз в полторы секунды, в том самом ритме, что и зелёная жидкость под микроскопом.

— Ты — часть её, — сказала она тихо. — Или ты — часть чего-то большего, что она носит с собой.

Осколок лежал на ладони, тёплый, спокойный. Ей показалось — на мгновение, — что его пульсация ускорилась. Два удара в секунду. Три.

— Ты отвечаешь, — прошептала она. — Ты слышишь меня.

Осколок затих. Снова — раз в полторы секунды.

Она положила его в коробку, закрыла, убрала в ящик.

«Показалось, — подумала она. — Конечно, показалось».

Но, запирая ящик, она поймала себя на том, что рука её дрожит.

8

Вечером позвонил Северин. Голос у него был глухой, усталый.

— Тамара Львовна, что узнали?

— Кровь — не кровь, — сказала она. — Это что-то другое. Организованное. Оно формирует знаки под микроскопом — те же, что на костях. Я сравнила — совпадают до черты.

— Те же?

— Те же. И ещё — из Москвы прилетал человек. Забрал образцы. Сказал — дело не наше.

— Вы отдали всё?

— Почти, — помолчав, сказала она. — Оставила осколок. На всякий случай.

— Вы смелая женщина, Тамара Львовна.

— Нет, — сказала она. — Я упрямая. Это другое.

Она положила трубку. Подошла к окну. За окном зажигались огни Краснодара — тёплые, жёлтые, человеческие.

Она смотрела на них и думала: «Где-то там, на лимане, охотница зализывает раны. И она знает, что мы взяли её кровь. И она знает, что мы изучаем её. И она — я почти уверена — всё это время слышит осколок, который лежит в моём ящике».

Она вернулась к столу, открыла ящик, взглянула на коробку.

— Я тебя не боюсь, — сказала она осколку. — Слышишь? Не боюсь.

Осколок лежал молча. Но в темноте ящика он слабо светился — зеленоватым, ровным светом, которого не было раньше.

Она не заметила. Или не хотела заметить.

9

Ночью, в три часа, она проснулась от звука.

Тихий, ритмичный — как будто где-то в квартире, в темноте, билось второе сердце.

Она села на кровати. Прислушалась. Сердцебиение шло из прихожей — из сумки, в которой она носила коробку с осколком.

Она встала, прошла в прихожую, на ощупь нашла сумку, открыла, достала коробку.

Осколок лежал внутри. И он светился.

Зеленоватый, ровный свет — слабый, но явственный — исходил от него, как от гнилушки в сыром лесу. Пульсация — раз в секунду.

Тамара Львовна стояла в темноте прихожей, смотрела на светящийся осколок, и впервые за свои сорок лет, за восемнадцать лет работы с мёртвыми, ей стало по-настоящему страшно. Не из-за осколка. Из-за того, что он значил.

— Ты передаёшь, — прошептала она. — Ты всё это время передавал. Не нам. Ей. Ты — её маяк.

Осколок мигнул — раз. И погас.

В темноте прихожей стало тихо. Только часы тикали — раз в секунду.

Тамара Львовна стояла, сжимая холодную коробку.

— Она знает, — сказала она вслух. — Теперь она точно знает, где мы.

Она вернулась в спальню, но больше не спала — сидела у окна до рассвета, глядя на восток, туда, где за сотней километров лежал лиман.

Она ждала, когда он загорится.

10

Утром, в семь, она позвонила Северину раньше обычного.

— Андрей Петрович.

— Да. — Голос сонный, но мгновенно собранный — привычка опера.

— Я знаю, что это значит, — сказала она. — Осколок, который я храню, — не вещдок. Он — маяк. Она оставила его, чтобы находить нас. Или — чтобы находить его челнок. Я проверила — он пульсировал вчера ночью, в три часа. В то же время, когда я записывала сон.

Северин молчал.

— Я думаю, — продолжала она, — что нам нужно решить, что делать с осколком. Оставить — значит, подарить ей приглашение. Выбросить — значит, потерять единственный ключ к тому, как она нас находит.

— А если использовать его, — медленно сказал Северин, — против неё?

Она замерла.

— Как?

— Как приманку. — В голосе Северина появилась та твёрдость, которую она знала. — Если она слышит осколок — мы можем сделать так, чтобы она услышала его там, где мы будем ждать.

Тамара Львовна помолчала, глядя на коробку в своей руке.

— Андрей Петрович, — сказала она, — я начинаю думать, что вы — такой же, как ваш Громов.

— Это комплимент?

— Это диагноз.

Она положила трубку. Потом, стоя у окна, глядя на утренний Краснодар, тихо добавила:

— Но вы правы. Нам нужно использовать всё, что у нас есть. Даже такое.

Она убрала коробку с осколком обратно в сумку и пошла собираться в Темрюк.

11

Дорога до Темрюка заняла четыре часа — сначала электричка до Крымской, потом перекладная «Волга» райисполкома, которую Гущин, узнав, что эксперт едет в район, распорядился подать к вокзалу. Тамара Львовна ехала вполуха, глядя в окно, мимо плавней, мимо рисовых чеков, мимо станиц, дремлющих в полуденной жаре.

Она думала о том, что сказал Северин. «Использовать осколок как приманку». Это была идея Громова — она узнала его почерк: жёсткий, прямой, без сомнений. Но она же была и правдой: если осколок — маяк, то маяк можно переставить. И тогда охотница придёт туда, где её будут ждать с оружием.

Но что-то в этой логике её смущало. Она никак не могла поймать мысль — ускользающую, как рыба в мутной воде.

Машина пересекла мост через старицу Кубани, и впереди открылся лиман — серо-зелёный, с камышовыми островами, с чайками над водой.

— Остановите, — сказала она водителю.

Машина остановилась на обочине. Тамара Львовна вышла, подошла к воде, встала на берегу.

Ветер шевелил камыш. Вода дышала — медленно, ровно, как огромный зверь.

Она достала из сумки коробку с осколком. Открыла. Взяла осколок — тёплый, пульсирующий — в руку.

Он был здесь. Он всегда был здесь — чуть тёплый, чуть живой. Как будто всё это время, пока она возила его в Краснодар, он чувствовал этот лиман, эту воду, эту тишину.

— Ты тоскуешь по дому, — сказала она тихо. — По ней.

Осколок дрогнул на ладони. Или ей показалось.

Она сжала его в кулаке, посмотрела на лиман, туда, где в полутора километрах, за островами, лежал Курчанский лиман — место первой охоты.

— Мы ещё встретимся, — сказала она. — Я это чувствую.

Она убрала осколок в коробку, коробку — в сумку, вернулась в машину.

— Поехали, — сказала она водителю.

12

В Темрюк она приехала к вечеру.

В РОВД её встретили Северин, Гончар и Громов — спасшийся из госпиталя, с перевязанной рукой, но уже в строю, уже с автоматом на плече. На столе лежала карта.

— Тамара Львовна, — сказал Северин, — мы ждали вас.

— Я знаю, — сказала она. — Я думала всю дорогу.

Она положила коробку на стол, открыла.

— Осколок — маяк. Но она может слышать его только тогда, когда он рядом с ней — или когда она активно его ищет. Я не знаю радиус. Могу только предположить: если мы поместим осколок на открытом месте, в центре лимана, она рано или поздно придёт за ним.

— А если не придёт? — спросил Гончар.

— Тогда мы потеряем осколок, — сказала она. — Но и не получим ничего.

— А если придёт — и заберёт его вместе с нашими головами? — уточнил Громов.

— Тогда, — сказала она, — у нас будет шанс, которого сейчас нет.

Она посмотрела на Северина.

— Ваш план — верный. Но есть одна вещь, которую мы должны понять раньше, чем она придёт.

— Какая?

— Почему она оставила осколок. Почему не забрала. Если осколок — часть её, если он для неё ценен, — почему он остался в теле её второй жертвы? Почему она не вытащила его?

Громов и Северин переглянулись.

— Может, не заметила? — предположил Гончар.

— Яутжа, которая замечает следы в темноте, в воде, сквозь камыш, — не заметила осколок в собственном клинке? — Тамара Львовна покачала головой. — Нет. Она оставила его нарочно.

Она помолчала, глядя на осколок.

— И теперь я боюсь, что мы не знаем — зачем.

13

Группа расходилась поздно вечером. Тамара Львовна осталась в кабинете одна — переписать заключение, упаковать образцы.

Она сидела за столом, и перед ней лежал осколок — на чистом листе бумаги, в кругу света от настольной лампы. Она смотрела на него уже полчаса, не отрываясь, стараясь увидеть то, что пряталось в этом тёмном, гладком, живом обломке.

Он был тёплым. Он пульсировал — ровно, успокаивающе, как сердце спящего.

И вдруг она поняла.

Не умом — всем телом, холодом, пробежавшим по спине. Она поняла, почему он пульсирует, почему он тёплый, почему он светился ночью.

Он не звал её. Он не передавал ей сигнал.

Он ждал.

Он был — как яйцо, из которого вот-вот вылупится что-то. Или — как спящая бомба, которая ждёт своего часа, своего сигнала, своей команды.

Она медленно, не сводя глаз с осколка, потянулась к трубке телефона.

Но не набрала номер. Рука замерла.

— Ты не маяк, — прошептала она. — Ты — детонатор.

Осколок лежал в кругу света, тёплый, ровный, спокойный.

И впервые за всё время, что она держала его в руках, ей захотелось выбросить его — далеко, в лиман, на дно, в тину, — чтобы он никогда больше не пульсировал.

Но она не выбросила.

Потому что если он — детонатор, то без него она не сможет понять, что именно он должен взорвать.

Она взяла осколок, положила в коробку, закрыла, убрала в сейф, заперла на два ключа.

И до утра не сомкнула глаз, слушая, как в сейфе, в темноте, тикает второе сердце.

ГЛАВА 12. ВОЛНА

Паника — оружие врага. Спокойствие — наше.

1

Двадцать третье июня. Утро.

Курчанская проснулась от слухов. Слухи — как ряска на лимане: появляются вроде из ниоткуда, покрывают всё за час, и не сгребешь. К десяти утра в станице не было ни одного человека, который не знал бы, что «на лимане — зверь».

Бабы у колодца передавали друг другу страшные подробности: «Говорят, Коваля нашли без кожи, а голову унёс в мешке», «Милиция всё скрывает, а сами боятся в камыши соваться», «Вчера ночью видели — над лиманом свет зелёный, аж вода кипела».

Мужики в курилках при правлении совхоза хмуро молчали, изредка переругиваясь: «Ты, Петрович, сам-то веришь в эти байки?» — «А ты на кладбище был? Видел, кого вчера хоронили?» — «Не были это — хоронили, а в гробах — мешки с песком, чтобы народ не волновать». — «Дурак ты, Ефим. Какие мешки, я своими глазами видел...».

К обеду докатилось до Темрюка. В райисполкоме начали названивать: из школ, из совхозов, из военкомата, — «что за зверь?», «почему нас не предупредили?», «когда примут меры?».

Калюжный, приняв три звонка за полчаса, набрал Гущина.

— Борис Фёдорович, у нас тут... паника. Весь район на ушах. Работать невозможно. Что делать?

— Ничего, — спокойно ответил Гущин. — Паника — это нормально. Люди имеют право бояться. Важно, чтобы страх не помешал нам делать своё дело.

— А если кто-то из местных сам пойдёт на лиман? С ружьями, с вилами? Самосуд?

— Тогда, — сказал Гущин, — мы их остановим. Силой, если потребуется. Потому что если они пойдут толпой — они погибнут. И мы не сможем их защитить. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Калюжный.

— Держите связь. Если что — звоните сразу.

2

В станице, тем временем, события развивались своим чередом.

Около двух часов дня на крыльцо участкового пункта, где сидел Гончар с кружкой чая и картой, вышли трое: дед Степан, председатель сельсовета Семён Ильич Бородин и парторг совхоза «Курчанский» Николай Фёдорович Дёмин.

— Виктор, — начал Бородин, человек грузный, с красным лицом и голосом, привыкшим командовать, — у нас народ тревожится. Требуют объяснений. Мы что им скажем?

— Скажите правду, — Гончар отставил кружку, — насколько она известна.

— А насколько она известна?

— Известно, — Гончар помолчал, — что на лимане завёлся зверь. Опасный. Необычный. Мы его ищем. Пока — без результата.

— А когда будет результат? — спросил Дёмин, худой, очкастый, с нервным тиком.

— Когда найдём, — сказал Гончар.

— А если он кого-нибудь ещё убьёт, пока вы ищете? — вступил дед Степан. — Тогда что?

Гончар посмотрел на него. Дед Степан стоял спокойно, смотрел прямо.

— Мы делаем всё, что можем, дед.

— Мало, — сказал дед Степан. — Ты, Витя, мужик хороший, я тебя помню с пелёнок. Но дело это — не ваше. Не милицейское. Вы ищете человека, а там — не человек. Там — зверь. И охота на него — не по вашей части.

— А по чьей? — спросил Бородин.

— По военной, — сказал дед Степан. — Надо армию звать. С танками, с вертолётами. А то и... — он перекрестился, — батюшку с крестом.

Бородин и Дёмин переглянулись.

— Ты, Степан, того... — Бородин покрутил пальцем у виска. — Какая армия? Какой зверь? Ты что, в бога уверовал?

— В бога — да, — твёрдо сказал дед Степан. — А в то, что на лимане — не зверь, а нечисть, — я знаю. Потому что видел. И отец видел. И дед.

Бородин хотел возразить, но Гончар его остановил:

— Семён Ильич, не надо. Пусть люди говорят, что хотят. Хуже будет, если мы запретим. Скажите всем: милиция работает, район перекрыт, к лиману не ходить. Завтра — собрание. В клубе. В семь вечера. Объясним всё.

— А что объяснять? — спросил Дёмин.

— То, что можно объяснить, — сказал Гончар. — Остальное — будем молчать. Пока.

3

Собрание в клубе назначили на семь, но народ начал собираться с шести.

Клуб — старый, деревянный, с вывеской «Курчанский сельский дом культуры», с колченогими стульями и портретами членов Политбюро на стене, — был забит под завязку. Люди стояли в проходах, у окон, в дверях. Пришли даже те, кто никогда не ходил на собрания: рыбаки, механизаторы, бабки с платками на головах, учителя, школьники.

На сцену поднялись: Гончар, Бородин, участковый из Темрюка — Северин. И Гущин — в гражданском, с непроницаемым лицом.

Северин подошёл к трибуне. Помолчал, оглядел зал. Сотни глаз смотрели на него — испуганно, требовательно, зло.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут капитан Северин, уголовный розыск Темрюкского района. Я веду дело об убийствах в нашем районе. Четыре человека погибли за последние две недели. Трое — на Курчанском и Ахтанизовском лиманах, один — в рисовых чеках у Протоки.

В зале зашептались.

— Мы знаем, кто это, — продолжал Северин. — Точнее — мы знаем, что это не человек. Это — хищник. Крупный, опасный. Мы не знаем, откуда он взялся. Но мы знаем, как он охотится. И мы работаем над тем, чтобы его остановить.

— А почему нам не сказали сразу? — выкрикнули из зала.

— Чтобы не было паники, — ответил Северин. — Паника — это то, что мешает работать. А нам нужно работать быстро.

— А если он придёт в станицу? — крикнула женщина в платке. — Если он на детей нападёт?

— Он не нападает на детей, — сказал Северин. — Он охотится на взрослых мужчин. Не на женщин, не на стариков, не на детей.

— А откуда вы знаете? — спросил кто-то.

— Знаем. — Северин посмотрел на зал. — По всем его жертвам. Он выбирает сильных — мужчин, солдат, рыбаков. Он не трогает слабых.

— А что, если он просто так решил? — выкрикнул мужчина из задних рядов, грузный, с красным от солнца лицом. — Что, если ему надоест ходить по мужикам? Что, если он на женщин переключится? Или на детей? Вы нам гарантируете, что этого не случится?

Северин помолчал. Он мог бы сказать правду — что яутжа не трогают безоружных и слабых, что это часть их кодекса, что за тысячелетия охоты они ни разу не нарушили этого правила. Но как объяснить это людям, которые не знают, что такое яутжа, что такое кодекс, что такое охота на разумную дичь? Они не поймут. Они испугаются ещё больше.

— Мы гарантируем, — сказал он. — Мы делаем всё, чтобы нейтрализовать угрозу. Вы должны нам доверять.

— А чё нам остаётся? — усмехнулся тот же мужчина. — Не доверять — самим с вилами на лиман идти?

— Именно, — сказал Северин. — Не доверять — не ходить. Потому что если вы пойдёте — вы погибнете. А нам ваши смерти не нужны. Нам нужно, чтобы вы сидели дома и ждали, пока мы сделаем своё дело.

В зале стало тихо.

— И что нам делать? — спросил дед Степан с первого ряда. — Сидеть и ждать, когда он придёт за кем-то из нас?

— Нет, — сказал Северин. — Вы будете делать то, что мы скажем. Не ходить к лиману. Не выходить ночью из дома. Сообщать о любых подозрительных звуках или следах. Держать собак на привязи. Двери — на засовы.

— А сами вы что будете делать? — спросил Бородин.

— Мы будем охотиться на него, — сказал Северин. И в его голосе прозвучало то, от чего в зале стало тихо. — Мы найдём его и уничтожим. Даю вам слово.

Он отошёл от трибуны. Гущин подошёл к нему, тихо сказал:

— Слово давать не стоило. Но уже дал. Теперь держи.

Северин кивнул.

В зале гул нарастал: люди обсуждали, спорили, крестились. Кто-то крикнул «Даёшь охоту!». Кто-то — «Даёшь армию!». Гончар пытался успокоить, но голос его тонул в шуме.

— Тихо! — рявкнул Бородин. — Товарищи! Ведите себя прилично! Власть работает, милиция работает, не нужно паниковать!

Шум стих, но не до конца. Люди расходились, перешёптываясь, оглядываясь, с тревогой в глазах.

Северин стоял на крыльце клуба и смотрел, как они уходят — кто пешком, кто на велосипедах, кто в кузовах грузовиков.

— Андрей, — тихо сказал Гончар, подходя сзади. — Ты правда думаешь, что мы сможем его найти?

— Должны, — сказал Северин. — Иначе — все эти люди... они будут бояться до конца лета. А может, и дольше.

Он помолчал.

— И ещё. Он — там, — кивнул в сторону лимана. — Он знает, что мы собираемся. Он ждёт.

— Откуда ты знаешь? — спросил Гончар.

— Знаю, — сказал Северин. — Потому что если бы он боялся — он бы ушёл. А он не уходит. Он здесь. Он охотится. И он ждёт, когда мы придём снова.

Он повернулся и пошёл к машине.

— Завтра, — сказал он. — Завтра мы идём в плавни.

4

Ночью двадцать третьего июня, когда станица затихла, а на лиман опустилась густая, как парное молоко, тьма, яутжа — Ловчий — сидел на корточках у воды, на том же острове, где четыре дня назад его застала ракета.

Он был один. Живущий-в-Тени и Старший-у-Порога остались в челноке — восстанавливали системы после аварии. Ловчий вызвался дежурить. На деле ему хотелось побыть одному — впервые за всё время на этой планете, в этом влажном, душном, чужом мире, где воздух был слишком густым, а ночь — слишком тёплой.

Он снял шлем и вдохнул полной грудью. Запахи лимана — тина, вода, рыба, гниющие водоросли — ударили в нос сложным, пряным букетом. Поначалу они казались ему отвратительными. Теперь, привыкнув, он начал находить в них что-то успокаивающее. Запах жизни. Запах планеты, на которой охота была не просто промыслом — она была смыслом.

На деле — ему хотелось побыть одному.

Он снял шлем. Холодный воздух лимана — тёплый, влажный, пахнущий тиной — омыл лицо, проник в ноздри, в дыхательные камеры. Он вдохнул полной грудью атмосферу этой планеты — и впервые за всё время почувствовал что-то, что не мог назвать.

Не страх. Не радость. Не злость.

Интерес.

Эти двуногие, которые прячутся в воде, которые стреляют в него из своего примитивного оружия, которые не боятся идти за ним в темноту, — они были... необычными. Он убил четырёх — легко, почти играючи. Но пятый, тот, с ножом, который стрелял из длинной трубки и не отступал, — он был другим.

Ловчий коснулся пояса. На поясе — четыре трофея. Четыре позвоночника, обработанных, с насечками, готовых к возвращению домой. Четыре знака — на языке его народа, на языке клана: «добыча», «возраст», «сила», «трофей».

Но он хотел пятого.

Не потому, что нужно было взять ещё. А потому, что этот пятый — достоин.

Он смотрел на тёмную воду. Там, за километр, за краем лимана, за станицей, спал человек, который собирался на него охотиться. Ловчий знал это: он чувствовал его присутствие, его решимость, его гнев.

«Ты хочешь убить меня, — подумал Ловчий. — Ты хочешь защитить своих. Ты готов умереть за них.»

Он пошевелил пальцами — пятью длинными, с когтями, которыми он снимал кожу с первой жертвы.

«Я тоже готов умереть. Но не сегодня.»

Он поднялся, надел шлем. Зажимы щёлкнули. В визоре загорелась карта — местность, тепловые пятна, радиомаяк на орбите.

Одна точка на карте мигала — там, где, по расчётам, находился его главный враг. Человек с ножом. Человек, который не боялся.

Ловчий щёлкнул — сигнал сородичам: «Я на охоте».

Он бесшумно соскользнул в воду и поплыл к берегу. Тёплая вода лимана принимала его, как своего. Он знал её запах, её вкус, её течение — за несколько дней он выучил этот лиман лучше, чем любой местный рыбак.

Он был здесь хозяином.

Но что-то — шестое чувство охотника — подсказывало ему: хозяин здесь не он. Эти двуногие — слабые поодиночке, но вместе они становятся сильнее. Они учатся. Они приспосабливаются. Они не бегут.

«Интересно», — подумал Ловчий, раздвигая камыш.

И поплыл дальше — в темноту, к цели. Он не знал, что его ждёт в станице, не знал, сколько людей будут ждать его в засаде, не знал, какое оружие они приготовили. Но он знал одно: человек с ножом — его. Он найдёт его, выследит, проверит — достоин ли тот охоты, или эта встреча была случайностью.

Где-то на берегу, в тёмном кабинете РОВД, Северин сидел за столом, не зажигая света, и смотрел на карту лимана. Он не знал, что яутжа уже плывёт к берегу, что она выбрала его своей целью, что его жизнь — и жизнь его близких — висит на волоске. Он просто сидел и думал о том, что завтра будет тяжёлый день.

ГЛАВА 13. ПЛАВНИ

Достойный враг — честь. Трус — добыча.

1

Двадцать четвёртое июня.

Плавни Темрюкского района — это сотни квадратных километров тростника, куги, осоки и камыша, перемежаемых протоками, ериками, слепыми озёрами и топями. Здесь нельзя ходить быстро — нога тонет в илистом дне, цепляется за корневища, вязнет в гнилой воде. Здесь нет дорог. Есть тропы — звериные и человеческие, петляющие, уходящие в никуда.

Громов выбрал это место для засады.

— Он любит воду, — сказал он, разворачивая карту в кабинете РОВД. — Он прячется в камышах. Он охотится у островов. Плавни — идеальное место для него. Но плавни — идеальное место и для нас. Потому что здесь он не сможет использовать своё главное преимущество — скорость. Здесь мы будем двигаться так же медленно, как и он.

Северин смотрел на карту. Громов обвёл участок — квадрат километр на километр между Курчанским и Ахтанизовским лиманами.

— Здесь, — сказал он, — я поставлю три точки. Мы прочешем участок. Если он там — мы его найдём. Если нет — у нас будет хоть какой-то след.

— А если он устроит нам засаду? — спросил Гончар.

— Значит, мы умрём, — просто сказал Громов. — Но умирать лучше с оружием, чем без.

2

Группа вышла на рассвете.

В этот раз — не курсанты, не милиция. Только свои: Громов, Северин, Гончар, двое десантников из учебного центра — сержант Еремеев и рядовой Царёв, которых Громов отобрал лично. Оба — срочники, но ходили в Афганистан... нет, они только готовились — учебка. Но Громов сказал: «Мне нужны те, кто не боится грязи и темноты».

Тамара Львовна — не с ними. Она осталась на берегу, с рацией и аптечкой, вместе с лейтенантом Морозовым, который, несмотря на шишку, настоял на участии.

— Если вы не вернётесь — я хотя бы запишу время, — сказала она, проверяя рацию.

— Женская логика, — усмехнулся Громов.

— Профессиональная, — поправила она.

Вооружение: - Громов — АКМ, шесть магазинов, нож НР-40, гранаты Ф-1, две дымовые шашки. - Северин — ПМ, карабин охотничий (трофейный, от деда Степана), патроны. - Гончар — ружьё «ИЖ-27», патроны с картечью. - Еремеев и Царёв — АКМ, по четыре магазина, сигнальные ракеты.

— Задача, — сказал Громов, когда они стояли на краю плавней, глядя на зелёную стену тростника, — прочесать квадрат «А». Идём цепью, в двадцати метрах друг от друга. Видите что-то — сигнал. Стреляйте только по команде. Вопросы?

— Вопросов нет, — сказал Еремеев.

— А если он нападет сзади? — спросил Царёв, молодой, с испуганными глазами.

— Тогда, — сказал Громов, — молись. Только быстро. Пошли.

Они вошли в камыш.

3

Первый час ничего не происходило. Только камыш, вода по пояс, гнилой запах, тучи комаров, которые лезли в глаза, в уши, в рот. Гончар ругался сквозь зубы. Северин молчал. Громов двигался бесшумно, как змея.

К десяти утра солнце поднялось высоко, и плавни превратились в парилку. Воздух стал таким плотным, что его можно было резать ножом. Пот заливал глаза.

— Стой, — сказал Громов, поднимая руку.

Они замерли.

— Что? — шёпотом спросил Северин.

— Тишина, — ответил Громов. — Слушайте.

Они слушали. Где-то далеко, за стеной камыша, крякнула утка. И — больше ничего. Ни птиц, ни лягушек.

— Здесь он, — сказал Громов. — Где-то рядом.

Он медленно повернулся, оглядывая заросли. Потом указал на запад:

— Туда.

Они двинулись — осторожно, шаг за шагом, держа оружие наготове.

4

Они нашли её не по следам — по запаху.

Металлический, сладковатый запах — тот самый, что Северин запомнил с первой ночи, — висел над водой, тяжёлый, почти осязаемый.

Громов остановился. Присел. На воде, у корней камыша, виднелись пятна зелёной жидкости — кровь. Она вела в глубь плавней.

— Раненая, — сказал Громов тихо. — Или недавно была здесь.

Он пошёл по следу, и остальные — за ним.

Через сто метров камыш расступился — и они вышли на поляну.

В центре поляны, на корточках, у воды, сидела она.

Она была без маски.

Северин впервые видел её лицо — и оно было нечеловеческим, но — странным образом — почти красивым. Костные гребни на лбу и скулах, тёмная, с зеленоватым отливом, чешуйчатая кожа, глубокие глазницы, из которых смотрели жёлтые глаза. На плечи свисали длинные жгуты — дреды, заплетённые в сложные узлы.

Она смотрела на них. Не испуганно. Не злобно. Спокойно — как смотрят на тех, кто пришёл в гости, хотя знают, что гости эти явились с оружием.

Северин смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается странное, неожиданное чувство — не страх, не ненависть, а что-то вроде неловкости. Он впервые видел её не в бою, не в темноте, не в моменте охоты, а спокойно сидящей у воды, без маски, без оружия наизготовку. Она казалась почти человеческой — уставшей, раненой, загнанной в угол. Почти. Но только почти. Широкие плечи, мощные руки, когти, которые даже в спокойном состоянии не убирались до конца, — всё напоминало, что это не человек, не зверь, а нечто среднее. Охотник, для которого люди — дичь. Но сейчас, глядя на неё, Северин впервые задумался: а что, если и она чувствует то же самое? Что, если она тоже устала, тоже хочет домой, тоже не понимает, зачем всё это? Он отогнал мысль. Сейчас было not время для философии.

Громов поднял автомат.

— Не стреляй, — сказал Северин одними губами.

— Почему?

— Она не нападает. Она ждёт.

— Ждёт, когда мы подойдём ближе.

— Нет. — Северин смотрел на неё. — Если бы она хотела напасть, она бы уже напала. Она... изучает нас.

Громов опустил автомат. Медленно, шаг за шагом, подошёл ближе.

— Эй! — крикнул он. — Ты понимаешь меня?

Она не ответила. Но чуть наклонила голову — как будто прислушивалась.

— Она не понимает, — сказал Гончар.

— Понимает, — сказал Громов. — Не слова — интонацию.

Он сделал ещё шаг. Теперь они стояли в десяти метрах друг от друга — человек и яутжа, лицом к лицу.

— Ты убила четырёх людей, — сказал Громов. — Зачем?

Она молчала. Потом медленно, очень медленно, подняла руку.

Пальцы — с когтями — показали на Громова. Потом — на небо. Потом — на грудь, туда, где висел амулет-диск.

— Она говорит: «Ты — мой трофей», — прошептал Северин.

Громов не оборачиваясь, сказал:

— Знаю.

Он шагнул вперёд, выхватил нож, и крикнул:
— Ну, давай!

5

Бой длился минуту — но Северину показалось, что вечность.

Яутжа встала — рывком, в полный рост, широкая, мощная. Из запястья выдвинулся клинок — длинный, блестящий, синеватый. Она не кричала, не рычала — она просто двинулась вперёд, и это было страшнее любого крика.

Громов встретил её автоматной очередью — короткой, злой. Пули ударили в грудь, в плечо. Она пошатнулась, но не остановилась.

Она взмахнула клинком — Громов нырнул в сторону, в воду, подняв фонтан брызг. Перекатился, вскочил, выстрелил снова.

Северин выстрелил из карабина — в голову, в шею. Она дёрнулась, но не упала.

— Все! — крикнул Громов. — Огонь! Все!

Пятеро — пять стволов — ударили одновременно: автоматы, ружьё, карабин.

Яутжа зашаталась. Из груди её хлынула зелёная кровь — густая, яркая, светящаяся на солнце, как расплавленный изумруд. Она издала звук — низкий, горловой, похожий на стон, который перешёл в шипение, полное боли и ярости. Она не кричала — яутжа не кричат, даже умирая. Она шипела, как выброшенная на берег рыба, как сварка, как раскалённый металл, опущенный в воду.

И — вместо того чтобы напасть — отступила.

Она отступала медленно, шаг за шагом, прикрываясь клинками — из запястья выдвинулся второй, левый. Она пятилась к воде, к камышу, к спасительной темноте зарослей. Глаза её — жёлтые, немигающие — не отрывались от Громова. Она смотрела только на него. Она запоминала его лицо, его движения, его запах.

Она отступала медленно, шаг за шагом, прикрываясь клинками — из запястья выдвинулся второй, левый. Она пятилась к воде, к камышу, к спасительной темноте зарослей.

— Не упусти! — крикнул Громов, перезаряжаясь.

Но яутжа уже вошла в камыш. Зелёная кровь на листьях. Потом — тишина. Только камыш колыхался.

— Ушла, — выдохнул Гончар.

— Ранена, — сказал Громов, глядя на кровавый след. — Тяжело. Но ушла.

Он опустился на колено, коснулся зелёной крови пальцем. Поднёс к носу. Поморщился.

— Она ранена. Значит, уязвима. Значит, мы можем её убить.

Он поднялся, посмотрел на камыш, туда, где исчезла яутжа.

— Идём за ней. Пока она не оправилась.

— А если она заведёт нас в ловушку? — спросил Северин.

— Всё может быть, — сказал Громов. — Но мы — солдаты. Солдаты не боятся ловушек. Солдаты их обходят.

Он шагнул в камыш, туда же, куда ушла яутжа.

Северин посмотрел на Гончара. Гончар пожал плечами.

— Он прав, — сказал он. — Нельзя давать ей оправиться. Иначе — новая жертва.

Они пошли следом.

6

Они преследовали её до вечера.

След зелёной крови вёл через плавни, через протоки, через топи. Она петляла, уходила в воду, выходила на берег, снова ныряла в камыш. Раненая, но всё ещё быстрая, всё ещё опасная.

Громов вёл группу молча, не останавливаясь, не давая отдыха. Лицо у него было каменное. Только руки — он иногда сжимал и разжимал их, как будто сдерживая желание бежать.

— Мы догоним её? — спросил Еремеев на привале.

— Догоним, — сказал Громов. — Она слабеет. Кровь течёт.

— А если она залечит рану? — осторожно спросил Северин. — Если у неё — регенерация?

— Тогда, — сказал Громов, — мы убьём её раньше, чем она залечит. Сегодня.

Они двинулись дальше.

Солнце садилось, плавни темнели, в воздухе запахло вечерней сыростью, и с камыша потянуло прохладой.

Громов шёл первым, и вдруг — остановился. Поднял руку. Замер.

— Она здесь, — сказал он шёпотом. — Стоит. Ждёт нас.

— Где? — спросил Гончар, поднимая ружьё.

Громов кивнул вперёд, туда, где камыш расступался, открывая небольшую поляну.

В центре поляны, у старого, полусгнившего дерева, стояла яутжа. Не двигалась. Смотрела на них. Ждала.

— Это ловушка, — сказал Северин.

— Я знаю, — сказал Громов.

Он шагнул вперёд — один, без прикрытия.

— Эй! — крикнул он. — Я иду к тебе. Один. Без оружия.

— Ты с ума сошёл! — крикнул Гончар.

— Заткнись. — Громов положил автомат на землю. Вытащил нож, воткнул его в дерево. Оставил оружие. Пошёл вперёд с пустыми руками.

— Капитан! — крикнул Северин.

— Не мешайте! — ответил Громов, не оборачиваясь.

Он подошёл к яутже на расстояние трёх шагов. Остановился.

— Ты хотела трофей? — сказал он. — Я здесь. Возьми, если сможешь.

Яутжа смотрела на него. Жёлтые глаза — спокойные, изучающие.

Потом она медленно, очень медленно, вытянула руку — без клинка. Пять пальцев с когтями коснулись его груди. Ощупали ткань гимнастёрки, кость ключицы, мышцы плеча.

Она изучала его. Не как врага — как образец.

Потом она убрала руку. Издала короткий щелчок — и отступила на шаг.

Громов смотрел на неё, не двигаясь.

— Ты не хочешь меня убивать, — сказал он. — Ты хочешь... состязаться?

Она не ответила. Но наклонила голову — почти утвердительно.

И — развернувшись — прыгнула в камыш. Исчезла. В одну секунду — как будто её и не было.

Громов стоял на поляне один. Потом медленно подошёл к дереву, вытащил нож, поднял автомат.

— Она ушла, — сказал он, когда подошли остальные. — Она не хотела боя. Она хотела... увидеть меня.

— И что это значит? — спросил Северин.

Громов посмотрел на него. В глазах у него было что-то новое — не страх, не злость, а странное, почти уважительное, изумление.

— Это значит, что она — воин. Не зверь. Воин. И она ищет не жертву — она ищет равного противника.

Он помолчал.

— И, кажется, она нашла его.

ГЛАВА 14. ГОСПИТАЛЬ

Рана заживает. Память — нет.

1

Двадцать пятое июня. Утро.

Громов не показывал виду, но рана, которую он получил в плавнях, — не от яутжи, от коряги, о которую он рассёк руку, падая в воду, уходя от её клинка, — воспалилась. К вечеру температура поднялась до тридцати девяти и семи, рука опухла от пальцев до локтя, кожа натянулась, блестела, как лакированная. Северин заставил его поехать в госпиталь, и Громов, скрипя зубами, согласился — не потому, что хотел, а потому, что вести группу в таком состоянии было нельзя, а он ненавидел быть обузой больше, чем боли.

— Я в порядке, — огрызался Громов, но лицо у него было серое, с землистым оттенком, а на лбу выступила испарина, которую он не мог скрыть.

— Ты не в порядке, — сказал Северин. — Ты горишь. Заражение крови — это не шутка.

Громов хотел возразить, но в глазах у него на миг помутилось, и он схватился за дверцу «Волги», чтобы не упасть. Северин молча взял его под локоть — сухой, горячий, трясущийся от озноба — и повёл в приёмный покой.

В госпитале Темрюка дежурный врач, капитан медслужбы Зубков, сухой, пожилой, с руками хирурга, которые помнили ещё корейскую войну, взглянул на руку, на лицо Громова, на температуру и сказал без лишних слов:

— Разрезаем.

Громова уложили на стол. Зубков вскрыл рану — из неё хлынул гной, желтоватый, с зеленоватыми прожилками, пахнущий сладковатой гнилью. Громов не вскрикнул, только стиснул зубы так, что на скулах выступили желваки. Зубков промыл полость перекисью, ввёл дренаж, наложил швы.

— Сутки здесь, — сказал Зубков, заклеивая повязку. — Под капельницей, с антибиотиками. Если температура не спадет — двое. Если не спадет и за двое — я вас отправлю в Краснодар, и там вам отрежут руку по локоть. Вы меня поняли, капитан?

— Понял, — прохрипел Громов.

— У меня нет суток, — добавил он, уже лёжа на койке, глядя в потолок. — Мне нужно быть на лимане.

— Вам нужно быть живому, — сказал Зубков. — Мёртвый вы на лимане никому не нужны.

Громов выругался сквозь зубы — длинно, сочно, с армейским изяществом, — но остался.

2

Северин сидел у его койки. Палата была на четверых, но соседние койки пустовали: только Громов, только капельница, только тишина, нарушаемая тиканьем настенных часов, шорохом проходящих медсестёр и далёкими звуками гарнизона: команды, лязг техники, шум грузовиков.

Громов лежал с закрытыми глазами, но не спал. Дышал ровно, но слишком сознательно — как человек, который держит боль под контролем.

— Ты как? — спросил Северин.

— Нормально, — не открывая глаз, ответил Громов. — Бывало хуже. В Герате — в семьдесят девятом — меня «духи» долго вели. Три дня по горам, с дыркой в ноге. Там было хуже.

Он помолчал. Потом добавил:

— Но там я хотя бы знал, за что воюю. А здесь — за что?

— За людей, — сказал Северин.

— Люди — они везде, — сказал Громов. — Им всегда нужна защита.

— Значит, знаешь, за что.

Громов открыл глаза, посмотрел на Северина долгим, изучающим взглядом.

— Ты странный, капитан. Ты — опер. Твоё дело — ловить преступников. А ты — воюешь с космосом.

— Я воюю с тем, что убивает людей, — сказал Северин. — Форма — не важна.

Громов усмехнулся — впервые за долгое время.

— Уважаю.

3

В палату вошла Тамара Львовна. В руках — чемоданчик эксперта и потрёпанная сумка, из которой торчали свёртки с образцами. Она выглядела усталой — под глазами круги, волосы выбились из пучка, — но глаза горели тем светом, который в ней знали: «Я что-то нашла».

— Ну что, герой? — спросила она, глядя на забинтованную руку Громова. — Доигрался?

— Не доигрался, — ответил Громов. — Доохотился.

— Ага. Отдохни. — Она села на стул, поставила сумку на пол, повернулась к Северину. — У меня новости. И, пожалуй, я начну с главного.

— С какого?

— Я вчера говорила с Москвой. С тем человеком, что забирал осколки. Он перезвонил утром, когда я уже собиралась выезжать.

— И что они сказали?

— Они не знают, что это, — сказала Тамара Львовна. — Они подтвердили: это не земная биология. Ни один известный белок, ни одна известная клетка. Ничего, что можно было бы идентифицировать как органику. Они говорят — «неорганика».

— То есть?

— То есть — это не живое в нашем понимании. В этом материале нет ДНК, нет РНК, нет клеточных мембран, нет ничего, из чего состоит жизнь на Земле. Но оно функционирует как живое. Оно реагирует на раздражители. Оно восстанавливает структуру после повреждения. Оно — я проверила это сама — способно к примитивной регенерации. Если поцарапать образец, через некоторое время царапина исчезает.

Она достала из сумки блокнот, раскрыла, протянула Северину — там были рисунки, схемы, выписки.

— Посмотри. Я сделала снимки под микроскопом. Структура напоминает... знаешь, что? Пчелиные соты. Только не из воска, а из чего-то, что проводит ток на манер металла, но при этом эластично, как кожа.

— И что это может быть? — спросил Северин, рассматривая рисунки.

— Я не знаю, — сказала Тамара Львовна. — У меня нет предположений. Но я знаю, что этот материал — основа её организма. Её кожа, её кровь, её внутренние органы — всё это состоит из одного и того же вещества. Разной плотности, разной структуры, но — основа одна.

— Как... как у человека — клетки?

— Как у человека — клетки. Только у неё — клетки, которые выглядят как металлическая проволока, свёрнутая в клубок. И эти клетки — они работают. Они передают сигналы. Они питаются — я не знаю, чем, — но они питаются. И они размножаются.

— Размножаются? — переспросил Громов, садясь на койке.

— Да. Я оставила образец в чашке Петри на ночь. Утром его стало больше. Примерно на десять процентов.

В палате стало тихо. Только капельница считала капли.

— Значит, она — как вирус, — сказал Громов. — Она живёт, растёт, размножается.

— Не как вирус, — поправила Тамара Львовна. — Вирус — это паразит. Ей нужен носитель. А этому — нет. Это — автономная форма жизни. Которая, возможно, не нуждается в кислороде, в воде, в органической пище. Которая может жить где угодно — в космосе, в вакууме, на любой планете.

Она помолчала.

— А это значит, что она — не просто охотник. Она — колонизатор. Она может высадиться на любой планете и жить там. Питаясь тем, что есть. Или — тем, кто есть.

4

Северин сидел неподвижно. Смотрел на блокнот, на зарисовки, на схемы.

— И ещё, — сказала Тамара Львовна. — Осколок. Тот, что я оставила себе. Я провела с ним эксперимент сегодня ночью.

— Какой?

— Я нагрела его. До сорока градусов, примерно. Не сильно, чуть выше температуры человеческого тела. И он начал... пульсировать. Медленно. Раз в полторы секунды. Очень слабо, почти незаметно, но — регулярно. Как сердцебиение.

— Пульсировать? — переспросил Северин.

— Да. Как будто он — часть какого-то механизма, который всё ещё работает. Который ждёт сигнала. Или — передаёт его.

Она достала из сумки осколок — тёмный, гладкий, с зеленоватым отливом, — положила на тумбочку между койками. Он лежал неподвижно. Но через несколько секунд, когда все трое смотрели на него, он — Северин готов был поклясться — слабо, едва заметно, дёрнулся.

— Видели? — спросила Тамара Львовна.

— Видел, — сказал Громов.

— Я тоже, — сказал Северин.

— Значит, я не сошла с ума, — сказала она. — Он — живой. Или подключённый. Он — передатчик. Она посылает сигнал. И он — часть этого сигнала.

— Кому? — спросил Громов.

— Другим. — Тамара Львовна убрала осколок в сумку. — Тем, кто на орбите. Или тем, кто ещё не прилетел.

5

Громов приподнялся на локте, поморщился от боли, но сел, прислонившись спиной к стене.

— Передаёт? Кому?

— Не знаю, — сказала Тамара Львовна. — Может быть, другим охотникам. Может быть, кораблю. Может быть, её сородичам. Но он передаёт — это факт. Я проверила на нескольких частотах. Он генерирует электромагнитное поле. Очень слабое, очень направленное. Вверх.

— Вверх? — переспросил Северин.

— Вверх. В небо. На орбиту. Он передаёт сигнал туда, где, по расчётам, находится её корабль.

— И что это значит?

— Это значит, что она вызвала помощь. Или сообщила координаты. Или — что она не одна.

Громов слушал, закрыв глаза.

— И что нам делать? — спросил Северин.

— Её челнок — на дне лимана, — сказал Громов, не открывая глаз. — Она ранена. Она не может уйти, пока не залечит раны. Но если она вызвала помощь, и помощь придёт, — он открыл глаза, — нам нужно успеть раньше.

— Как — успеть?

— Убить её, — сказал Громов. — Пока она слаба. Пока она одна. Пока помощь не пришла.

— А если помощь уже пришла?

Громов посмотрел на Тамару Львовну.

— Тогда мы проиграли. И тогда это — не конец охоты. Это — начало войны.

Он откинулся на подушку. Потом добавил тихо:

— Во-первых, мне нужно выздороветь. Два дня, может — три. Во-вторых, нам нужно найти её логово. Она ранена. Она не уйдёт далеко, пока не залечит рану. Значит, она где-то рядом.

— В плавнях? — спросил Северин.

— Или в грязевых сопках. — Громов посмотрел в потолок. — Там тепло. Пар, горячая грязь, сероводород. Она может прятаться там — тепловое зрение там бесполезно. Идеальное убежище.

— Мы проверим, — сказал Северин.

— Проверьте, — сказал Громов. — И не дайте ей оправиться. Если она залечит раны — мы её больше не догоним. Она уйдёт на орбиту — и мы её больше не увидим. До следующего раза.

— А если следующего раза не будет?

— Будет, — сказал Громов. — Она — охотник. Она запомнила нас. Мы — её трофей. Она вернётся.

Он закрыл глаза и через минуту провалился в сон — тяжёлый, горячечный, с бормотанием и потом.

Тамара Львовна посмотрела на Северина.

— Ему нужен отдых, — сказала она. — А тебе — нужен план.

— План есть, — сказал Северин. — Искать. Найти. Убить.

— Гениально, — усмехнулась она. — Прямо по учебнику тактики.

— А ты — можешь найти её логово? По теплу? По сигналу?

— Могу попробовать, — сказала она. — У меня есть приборы. Если она прячется в сопках — её тепло будет заметно на фоне холодной земли. Если она использует осколок как передатчик — я могу запеленговать сигнал.

— Сколько времени тебе нужно?

— День. Может, два.

— У нас нет двух дней, — сказал Северин. — Если она вызвала помощь, и помощь придёт через сутки — мы опоздаем.

— Значит, — сказала Тамара Львовна, — нам нужно работать быстрее.

Она поднялась, взяла сумку.

— Я в лабораторию. Найду — сообщу.

Она вышла. Северин остался сидеть у койки Громова, глядя на капельницу, на бинты, на бледное, осунувшееся лицо спящего солдата, который нёс на себе войну — и ту, в Афганистане, и эту, на лимане.

«Мы все её несём, — подумал Северин. — И я, и Гончар, и Тамара, и Гущин. Каждый — по-своему. Вопрос — донесём ли до конца».

6

Он вышел из госпиталя в сумерках.

Воздух был тёплым, влажным — после дневной жары лиман дышал, выдыхал испарения, запах тины и рыбы. На западе небо горело оранжевым — закат обещал на завтра новую жару.

Северин стоял на крыльце, смотрел на закат — и чувствовал, как внутри, под рёбрами, ворочается что-то тяжёлое: не страх, не усталость, а предчувствие. Она была там. Где-то. Раненая, злая, ждущая.

Сзади подошёл Гончар.

— Ну что? — спросил участковый. — Как он?

— Выживет, — сказал Северин. — Завтра мы идём к сопкам. Карабетова, Тиздар, Азовская. Если она там — мы её найдём.

— А если нет?

— Значит, будем искать дальше.

Гончар помолчал. Закурил. Выдохнул дым в вечернее небо.

— Андрей Петрович, я вот что думаю... — начал он.

— Что?

— Мы всё время охотимся на неё. А она — на нас. Мы как в зеркале — она нас ищет, мы её ищем. Круг замкнутый. Может, нам поменять тактику?

— Как?

— Пусть она придёт к нам. Заманим её. Приманкой.

Северин повернулся к нему. В сумерках лицо Гончара было серьёзным, без обычной улыбки.

— Ты знаешь, кто будет приманкой? — спросил он.

— Я, — сказал Гончар. — Или ты. Или Громов, когда поправится. Она охотится на сильных. Мы — сильные. Она придёт.

— Это опасно, — сказал Северин.

— Я знаю, — сказал Гончар. — Но если мы не рискнём — она будет убивать дальше. А мы — бегать за ней по плавням, пока она не оправится и не перебьёт нас поодиночке.

Северин долго смотрел на него. На молодого лейтенанта, у которого вся жизнь впереди, который мог бы сидеть сейчас дома, смотреть телевизор, пить чай с женой, — а вместо этого предлагает себя в качестве наживки для инопланетного хищника.

— Почему ты это делаешь? — спросил он.

— Что? — не понял Гончар.

— Идёшь на это. Рискуешь. Ведь мог бы отсидеться.

Гончар пожал плечами.

— А кто, если не мы? Участковый из соседнего района? Курсанты из учебки? Гущин из КГБ? Нет. Мы — те, кто был с первого дня. Мы видели её. Мы знаем, с кем имеем дело. Если не мы — никто.

— Ты мог бы просто выполнять приказы, — сказал Северин. — Это было бы проще.

— Я — местный, — сказал Гончар. — Я здесь родился. Здесь мой дом. Мои соседи. Мой лиман. Если я не защищу свой дом — кто его защитит?

Северин молчал. Потом положил руку ему на плечо.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра — идём в сопки. Если не найдём — поставим приманку. Ты — приманка. Я и Громов — страховка.

— Договорились.

— А пока — иди домой. Выспись. Завтра — тяжёлый день.

7

Они разошлись. Северин пошёл домой. По дороге остановился у поворота на лиман. Стоял, смотрел на тёмную воду, на камыши, на небо.

«Она там, — подумал он. — Раненая. Злая. Ждёт, когда мы совершим ошибку. Или когда сородичи сядут ей на подмогу».

Он достал папиросу. Закурил. Где-то в темноте, над лиманом, прокричала ночная птица. В ответ — тишина. Ни лягушек, ни плеска рыбы, ни шороха камыша.

— Ты здесь, — сказал он вслух. — Я знаю, что ты здесь.

Тишина была ему ответом.

Он бросил папиросу, растёр каблуком, пошёл дальше — к дому, к Пашке, к тишине другой — домашней, тёплой, человеческой.

Дома его ждал Пашка — с уроками, с ужином, с тем молчаливым вопросом, который мальчишки задают отцам не словами, а всем своим видом: «Пап, ты скоро перестанешь уходить на эту войну?»

Северин сел рядом, обнял сына.

— Всё хорошо, — сказал он. — Скоро всё закончится.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Но, говоря это, он знал: ничего не закончится. Это только начинается.

8

Ночью ему приснился лиман.

Он стоял на берегу, в полнолуние, и вода была чёрной, как нефть. Из воды выходила она — без маски, без дредов, с лицом, почти человеческим, со следами странной, чужой усталости. Она подошла к нему вплотную — и он увидел свои собственные глаза, отражённые в её зрачках.

— Ты — мой трофей, — сказала она. Не словами — щелчками, но он понял.

— Нет, — сказал он. — Ты — мой.

Она улыбнулась — или ему показалось — и исчезла, растворилась в воде, как тень.

Он проснулся в три часа ночи. Сердце колотилось. В нагрудном кармане кителя, висевшего на стуле, слабо пульсировал диск — тёплый, живой.

Северин встал, подошёл к окну. За окном — луна, лиман, тишина.

«Она зовёт, — подумал он. — Она ждёт. Она хочет, чтобы я пришёл».

Он постоял у окна до рассвета, глядя на лиман.

А потом — собрался и пошёл в РОВД. Начинать новый день.

ГЛАВА 15. ПРИМАНКА

Приманка — тот, кто готов умереть.

1

Двадцать шестое июня. Полдень.

План Гончара обсудили на утреннем совещании в РОВД. Громов лежал в госпитале, поэтому роль командира временно перешла к Северину, хотя на деле все решения принимались коллегиально — и с постоянной оглядкой на пустующий стул, за которым привыкли видеть жёсткое, обветренное лицо капитана спецназа.

— Приманка, — сказал Гущин, когда Северин изложил суть. Он сидел во главе стола, с непроницаемым лицом, крутил в пальцах карандаш. — Вы предлагаете поставить человека на открытом месте и ждать, пока она придёт.

— Да.

— Это самоубийство, — сказал Гущин ровным голосом, без эмоций — констатация факта.

— Это военная хитрость, — возразил Северин. — Она охотится по ночам. Она ищет одинокую добычу, особенно такую, которая подаёт звуковые и тепловые сигналы — костёр, голос, движение. Если мы поставим приманку на острове, в камышах, с костром, с удочкой, с видимостью беззащитности — она придёт.

— А если она убьёт приманку раньше, чем мы успеем выстрелить?

— Приманка должна быть готова к этому. — Северин посмотрел на Гущина. — И мы должны быть рядом. В двадцати метрах, в засаде. С оружием, с планом отхода.

— А если она видит в темноте? Если она видит тепло?

— Тогда приманка должна сидеть в воде, — вмешался Гончар. — Как в прошлый раз. Мы сидели в воде, и она нас не видела. Я буду сидеть на острове, у костра — но ноги в воде. Если она подойдёт — я нырну и уйду под водой. Она не полезет в глубокую воду — мы это уже проверили.

Гущин молчал. Карандаш в его пальцах остановился.

— Кто будет приманкой? — спросил он наконец.

— Я, — сказал Гончар.

— Нет, — сказал Северин. — Я.

— Ты — командир, — возразил Гончар. — Ты должен командовать операцией, а не сидеть в засаде. Я — местный. Я знаю лиман. Я знаю, как вести себя на воде, как дышать, когда страшно, как не поддаться панике.

— Я тоже знаю, — сказал Северин. — Я прошёл Даманский. Я сидел в засадах, когда пули свистели над головой, и нельзя было не то что кашлянуть — дышать приходилось через раз.

— Даманский — это война, — возразил Гончар. — А здесь — другое. Здесь не пули. Здесь — когти. Ты не знаешь, как она двигается, как прыгает, как бьёт. Ты её в бою-то видел всего пару раз. А я видел — и понял, что против неё у нас нет приёмов, кроме как бежать и прятаться в воде.

— Поэтому я и хочу быть приманкой, — сказал Северин. — Чтобы понять её. Чтобы почувствовать, как она мыслит.

— Ты не успеешь её почувствовать, — жёстко сказал Гончар. — Она тебя убьёт раньше, чем ты успеешь подумать. И вся операция пойдёт прахом.

Северин хотел возразить, но вмешался Гущин:

— Хватит, — сказал он. — Приманка — Гончар. Он местный, он знает воду, он знает камыш. Ты — командир группы. Командуй.

Северин замолчал, сжав зубы. Он понимал, что Гущин прав. Но внутри всё равно закипала злость — не на Гущина, не на Гончара, на себя. На то, что не может быть в самом опасном месте, когда кто-то другой идёт под пули — или под когти — вместо него.

— А если она тебя убьёт? — спросила Тамара Львовна, которая сидела в углу с блокнотом.

Гончар посмотрел на неё. Усмехнулся — но в глазах у него не было веселья.

— Тогда, Тамара Львовна, похороните меня с рыбацкими почестями. И скажите бабке Насте с улицы Садовой, что я её должок за самогон прощаю. — Он помолчал. — Зачем ей мои долги, если меня не будет?

Никто не усмехнулся.

2

Приманку решили ставить в полночь. Место — старый рыбацкий стан на острове, метрах в ста от берега, там, где Курчанский лиман сужался, образуя естественный проход между камышовыми стенами. В этом месте дед Степан когда-то держал зимовье — ветхую хижину, сложенную из скреплённых глиной камышин, с земляным полом и очагом из камней. Хижина развалилась ещё в пятидесятых, но остов остался: три стены, крыша из прогнившего камыша и старое кострище перед входом.

Гончар должен был сидеть у этого кострища. С виду — один, с удочкой, с котелком. На деле — в двадцати метрах, в остатках хижины, замаскировались Северин, Громов (выписавшийся из госпиталя под расписку — врачи ругались, но он пригрозил «самоволкой с оружием»), Еремеев и Царёв.

План действий утвердили на карте: - Гончар разжигает костёр в двадцать три тридцать. - Громов с Северином сидят в хижине — по флангам, с автоматами. - Еремеев и Царёв — в лодке, в камышах, метрах в сорока, с задачей перекрыть отход к воде. - Сигнал: вспышка ракеты. Если яутжа покажется — зелёная ракета взлетает, все открывают огонь.

— Если она придёт — дайте ей подойти поближе, — инструктировал Громов, уже с перевязанной рукой, но в полной выкладке. — Не стреляйте сразу. Пусть она войдёт в круг света от костра. Тогда — сигнал. Я стреляю первым. Все — за мной.

— А если меня не увидят? — спросил Гончар. — Костёр яркий, свет слепит. Вы можете не разглядеть, где я, а где она.

— Ты будешь с той стороны костра, спиной к воде, лицом к хижине. Мы — с другой стороны. Твой силуэт — на фоне света. Её — нет, она будет в тени. Понял?

— Понял.

— И запомни, — Громов посмотрел ему в глаза. — Ты — местный. Ты знаешь эти камыши лучше неё. Если что — ныряй в воду. Под водой — к берегу. Она не полезет за тобой в глубокую воду.

— А если полезет?

— Значит, будешь героем, — сказал Громов без тени улыбки. — У нас будет пара секунд, чтобы её завалить.

3

В двадцать три тридцать Гончар сидел у костра на острове.

Костер горел ярко, трещал, кидал искры в тёмное небо. Вокруг — камыш, тьма, вода, и тишина, которая давила на уши плотнее, чем любой звук.

Гончар сидел на ящике, держал в руках старую удочку без лески — просто для вида — и делал вид, что проверяет снасть. Сердце колотилось так, что он боялся, как бы его не услышали: оно стучало в горле, в висках, в кончиках пальцев, и он дышал медленно, как учил когда-то дед Степан: «Рыбу ловить — не в милиции служить. Тут главное — терпение: затаись, жди, и рыба придёт».

Рыба, ради которой он ждал, была опаснее любой акулы.

Первый час прошёл в тишине. Второй — тоже.

Комары сжирали его заживо. Он не шевелился. Только руки — он сжимал и разжимал их, чтобы не затекли.

В третьем часу ночи костер начал затухать. Гончар подбросил веток — пламя вспыхнуло снова, выхватило из темноты камыш, воду, чёрные силуэты коряг на берегу.

И в этот момент он почувствовал — то, что чувствовал каждый раз, когда она была рядом: тишина стала другой. Не той, что была — тишиной ожидания, — а другой, плотной, давящей, как перед грозой, когда воздух наливается электричеством и всё живое замирает.

Лягушки замолкли. Ветер стих. Даже костёр, казалось, горел тише — пламя перестало трещать, только светило ровным, молчаливым светом.

Гончар медленно поднялся. Сделал вид, что всматривается в темноту.

— Эй! — крикнул он в камыш. Голос прозвучал сипло — от напряжения, от сухости в горле. — Кто там? Выходи!

Тишина. Ни шороха. Ни движения. Только запах — тот самый, металлический, сладковатый, который он запомнил навсегда.

Он отошёл от костра на шаг, держа удочку как копьё.

— Я милицию позову! — крикнул он и подумал: «Какая ирония».

И тогда из тьмы выступила фигура.

4

Она возникла бесшумно — не из камыша, а как будто из самого воздуха, сгустилась из темноты в трёх шагах от костра. Без маски. Жёлтые глаза горели в темноте — не отражённым светом костра, а сами, холодным, ровным огнём, который не мерцал, не менялся, просто горел, как две звёздочки в глубине черепа. Дреды свисали на плечи, мокрые, тяжёлые. Пять пальцев с когтями блестели, сжатые в кулаки.

Она была выше, чем он помнил. Шире. Массивнее. Она стояла, чуть наклонив голову, и смотрела на него — изучающе, без угрозы, без злобы, как смотрят на диковинное животное, которое ведёт себя необычно.

Гончар сжал удочку. Пальцы дрожали — он не мог их остановить.

— Ну, — сказал он. — Давай. Я готов.

Она шагнула вперёд.

И тогда ударил выстрел.

Громов — из хижины, короткой очередью — целясь в ноги, не в корпус. Сбить, повалить, чтобы она не могла бежать.

Пули ударили в землю у её ног, взрыли грязь. Она дёрнулась — не от боли, от неожиданности. Обернулась — и впилась взглядом в хижину, откуда стреляли.

Из её плеча, выше локтя, брызнула зелёная кровь — одна пуля всё же достала.

— Огонь! — крикнул Громов.

И все, кто был в засаде, открыли огонь одновременно.

5

Пятеро — из хижины, из камыша, с берега — стреляли в неё, не целясь, сея пули в центр тёмной фигуры, подсвеченной костром. Яутжа рванулась в сторону, прикрываясь руками. Она двигалась быстро, несмотря на раны, — прыжок, перекат, снова прыжок. Пули взрывали камыш вокруг неё, вздымали фонтанчики воды — но она уходила, уходила, уходила, растворяясь в темноте, как тень, которую нельзя застрелить.

— Уходит! — крикнул Еремеев.

— Не упусти! — заорал Громов, выскакивая из хижины.

Но она уже была в камыше. Только зелёная кровь на листьях — и тишина.

Гончар, не думая, бросился за ней — с удочкой, с голыми руками, забыв про автомат, забыв про всё. Адреналин нёс его вперёд быстрее, чем он успевал соображать.

— Стой! — заорал Громов. — Назад!

Но Гончар уже вбежал в камыш, туда, где мелькнула тень.

— Витя! — закричал Северин.

Тишина. Секунда. Две. Три.

Потом — всплеск. Падение в воду. Громов и Северин рванули к камышу, ломая стебли, не видя ничего, кроме темноты.

И вдруг — голос Гончара, запыхавшийся, с хрипом, но живой:

— Ушла! В воду ушла! Я вижу зелёный след — тут течение, она пошла по течению!

Из камыша вышел Гончар — мокрый с головы до ног, грязный, с рассечённой щекой, с кровью на лице, но живой, живой, живой.

Он стоял, согнувшись, держась за колени, тяжело дыша. Потом выпрямился и улыбнулся — разбитыми губами, с кровью на зубах.

— Она ушла, — сказал он. — Ранена. Сильно. Я видел — зелёная кровь хлещет из неё, как из ведра. Она еле шла. Если мы пойдём сейчас — догоним.

— Ты — дурак, — сказал Громов, подходя. — Ты мог погибнуть.

— Не погиб, — сказал Гончар. — Я знаю эти камыши. Я тут каждый куст знаю. Она — нет. Она — чужая. — Он вытер кровь с лица. — А мы — свои.

6

Утром Гончара перевязали в участковом пункте. Царапина на щеке — от ветки, не от когтя — оказалась пустяковой. Тамара Львовна обработала её зелёнкой, наложила пластырь и сказала:

— Жить будешь. Шрам останется, но это красиво. Будешь рассказывать девушкам, что дрался с медведем.

— С лиманским зверем, — поправил Гончар.

— Тем более.

Они сидели на крыльце, пили чай — крепкий, переслащённый, как любили в станице, — и смотрели на лиман. День вставал солнечный, тихий. Птицы перекликались в камышах. Обычное утро. Если не считать, что всего несколько часов назад здесь охотилась инопланетная тварь.

— Она ранена, — сказал Северин. — Теперь она не уйдёт далеко. Она — в лимане, где-то прячется. Или в плавнях, или в сопках.

— Мы найдём её, — сказал Громов. — Сегодня. Пока она не оправилась.

— Сегодня, — согласился Северин.

Он поднялся, застегнул кобуру.

— Собираемся. Выходим через час. Я, Громов, Еремеев, Царёв. Ты — остаёшься. — Он посмотрел на Гончара.

— Почему? — Гончар вскочил, пролив чай. — Я — приманка! Я имею право...

— Ты — герой дня, — сказал Северин. — Ты сделал своё дело. Ты рисковал. Ты выжил. А теперь — сиди и отдыхай. Дальше — мы.

Гончар хотел возразить, но встретил взгляд Громова — холодный, жёсткий, не терпящий возражений. И осел обратно на крыльцо.

— Ладно. Но если она вернётся — зовите. Я — первый.

— Договорились, — сказал Северин и пошёл к машине.

Громов задержался на секунду, обернулся к Гончару.

— Ты — молодец, — сказал он коротко. — Настоящий солдат.

И пошёл следом за Северином.

7

Гончар остался один на крыльце. Допивал чай. Смотрел на лиман, на воду, на камыши.

Где-то там, в зелёной чаще, среди гнилой воды и тины, пряталась раненая тварь. И он — местный, знающий каждый ерик, каждую тропу, каждую яму, — сидел на крыльце и пил чай, пока другие шли на охоту.

Он стиснул кружку так, что побелели костяшки.

— Ничего, — сказал он вслух. — Я ещё вернусь.

Камыш молчал. Лиман дышал.

Где-то над морем, за горизонтом, ждал своё время корабль. И охотник, который ещё не знал, что его охота — только начинается.

ГЛАВА 16. РАДИО

Враг заговорил — значит, у него есть цель.

1

Двадцать седьмое июня. Одиннадцать утра.

Радиоперехват Гущин получил в одиннадцать ноль-ноль. Звонок из Краснодара — не по городской сети, по закрытой линии ВЧ-связи. Дежурный офицер радиоразведки доложил: «Зафиксирован сигнал, не идентифицированный. Природа — предположительно искусственная. Источник — квадрат 47–12, Темрюкский район. Координаты — Курчанский лиман».

Гущин слушал молча. Положил трубку. Посмотрел на часы.

Через двадцать минут он был в машине — «Волга» ГАЗ-24, чёрная, с номерами краевого управления. Водитель гнал по трассе Темрюк — Краснодар так, будто за ними гнались. На заднем сиденье Гущин слушал запись — катушечный магнитофон, привезённый из Краснодара, выдавал шипение, треск и — сквозь них — ритмичные щелчки, пульсирующие, как сердце, но быстрее, сбивчивее, будто кто-то торопился передать сообщение.

В РОВД Темрюка Гущин вошёл без стука. Северин, Громов (уже выписанный), Гончар и Тамара Львовна сидели в кабинете Калюжного над картой. Разговор оборвался, когда дверь распахнулась.

— Слушайте, — сказал Гущин и включил магнитофон.

Из динамика пошёл звук: не речь, не морзянка, не музыка. Серия щелчков — два коротких, один длинный, пауза, снова два коротких, один длинный. Потом — низкий гул, похожий на дыхание — или на вибрацию, проходящую через толщу воды. Потом — снова щелчки, быстрее, настойчивее.

— Это не помехи, — сказал Гущин. — Это — связь.

Он выключил запись. В комнате повисла тишина, в которой ещё звучало эхо тех щелчков.

— Что это? — спросил Северин.

— Это — связь, — повторил Гущин. — Межпланетная, судя по всему. Или, по крайней мере, межорбитальная. Сигнал — направленный. Передатчик — маломощный, но очень точный — бьёт чётко вверх, в зенит. Как лазер.

— Откуда она шла? — спросил Громов.

— С лимана. — Гущин положил на стол карту с пометкой — красный крест в квадрате 47–12. Рядом — карандашная надпись: «Курчанский лиман, сев. часть, о. Топкий».

— Здесь, — он обвёл пальцем точку. — Там, где, по словам деда Степана, «топкое место, куда никто не ходит». Где молния била в грозу. Где, предположительно, упал её аппарат.

— Её корабль, — сказал Громов.

— Не весь корабль. Осколок. Часть. Может быть, аварийный маяк.

Гущин достал из портфеля распечатку — осциллограмму сигнала.

— Смотрите. Первый сеанс — в три десять ночи. Второй — в три сорок пять. Третий — в четыре двадцать. После этого — тишина. Она вызывала помощь.

— Или получила приказ, — сказал Громов.

— Или то, или другое.

Гущин положил распечатку на стол. Все смотрели на осциллограмму — чёрные всплески на белой бумаге, похожие на кардиограмму, только ритм был нечеловеческий.

— Сколько у нас времени? — спросил Северин.

Гущин снял очки, протёр стёкла.

— Если она вызвала помощь, и помощь идёт с орбиты... Если её корабль на орбите, он может быть здесь через несколько часов. Если он дальше — через несколько дней. Если он вообще есть, — он надел очки, — то от нескольких часов до нескольких дней.

— Несколько дней, — повторил Северин. — Может быть, несколько часов.

— Да.

Северин встал. Посмотрел на карту, на красный крест, на карандашную надпись «о. Топкий».

— Значит, нам нужно идти сейчас. К кораблю. Найти её. И закончить это, пока помощь не подоспела.

2

К челноку они вышли в три часа дня.

Лодка — старая, плоскодонная, рыбацкая, которую Гончар выпросил у деда Степана. «Бери, Витя, — сказал дед, — только верни. Она мне ещё для ухи послужит». Мотор — «Вихрь», старый, дребезжащий, с перебоями — кашлянул, чихнул и завёлся с третьего раза. На корме — Еремеев с веслом, на случай если мотор заглохнет среди лимана.

Северин, Громов и Царёв сидели в лодке молча. Каждый смотрел вперёд — туда, где за камышовыми островами темнела точка, отмеченная на карте как «Топкий».

Лиман в этот час был спокоен — зеленоватый, с плёнкой ряски, с белыми кувшинками у берегов. Солнце пекло. Над водой висели стрекозы. Всё дышало миром, ленью, летом. И где-то под этой тихой водой, на дне, лежал аппарат, который видел другие звёзды.

— Здесь, — сказал Гончар, указывая на остров. — Там, за тем выступом. Глубоко. Я тут в детстве нырял — дно резко уходит вниз, метра четыре, может, пять. Если она утопила челнок — он там.

Громов поднялся, глядя на воду.

— Стоп. Заглуши мотор.

Еремеев заглушил. Тишина накрыла их — такая плотная, что зазвенело в ушах.

Челнок нашли не сразу. Пришлось трижды прочёсывать акваторию у острова, вглядываясь в мутную зелёную воду. Наконец Царёв, сидевший на носу с веслом, ткнул им в воду и крикнул:

— Там!

Сквозь мутную гладь, в полуметре от поверхности, проступали очертания: тёмные, угловатые, не похожие ни на корягу, ни на камень. Обводы были плавными, органическими — яйцевидная форма, с узким концом, обращённым к северу.

— Челнок, — сказал Громов. — Он затоплен намеренно. Люк открыт.

— Она внутри? — спросил Северин.

— Или оставила его и ушла.

— Как — ушла? — не понял Царёв. — Под водой? Она же не рыба.

— Может быть, и рыба, — сказал Громов. — Для неё вода — не преграда. Мы не знаем, как она дышит. Может — жабрами, может — кожей. Может — ей вообще не нужно дышать, как нам.

Он поднялся, перегнулся через борт, всмотрелся.

— Люк открыт — не сорван, не сломан. Отодвинут в сторону, аккуратно. Для воды — слишком аккуратно. Она не бросала его в панике. Она вышла спокойно.

— Куда? — спросил Северин.

Громов выпрямился.

— Туда, где её никто не найдёт. Или туда, откуда она будет ждать нас.

3

Они не стали нырять — не было снаряжения, да и вода была мутной, опасной. Вместо этого обвязали лодку вокруг острова, отметили место буйком и вернулись на берег.

— Челнок — пустой, — доложил Громов Гущину по рации. — Источник сигнала, судя по пеленгу, — внутри. Но он продолжает работать. Мы слышим его — на границе слышимости — щелчки, пульсацию.

— Она бросила корабль? — спросил Гущин.

— Бросила, — подтвердил Громов. — Значит, ей не нужен корабль, чтобы уйти. У неё есть другой путь — или другой транспорт.

— Или она не уходит, — сказал Гущин. — Она прячется. Она ждёт. И она чувствует, что мы близко.

— Мы близко, — сказал Громов. — Но и она — близко. Встретимся.

Он выключил рацию.

Вечером, сидя на пирсе, глядя на закат, Громов заговорил снова.

— Она не просто бросила корабль. Она оставила нам маяк. Приманку.

— Зачем? — спросил Северин, садясь рядом.

— Чтобы мы пришли. Чтобы мы думали, что нашли её слабое место. А она — в засаде.

— Значит, мы идём в ловушку?

— Необязательно, — сказал Громов. — Если мы знаем, что это — ловушка, — она перестаёт быть ловушкой. Мы можем переиграть её.

— Как?

Громов посмотрел на лиман. Солнце садилось в камыши, и вода стала красной, потом чёрной.

— Мы не пойдём за ней в её убежище. Мы заставим её выйти к нам.

— Как?

— Осколок. — Громов повернулся к Северину. — Тот, что у Тамары. Если она слышит его — если он — её часть, — мы можем использовать его как приманку. Привязать к камню, бросить в воду, — и ждать, пока она придёт за ним.

— А если она не придёт?

— Придёт, — сказал Громов. — Это — её трофей. Её честь. Она не оставит его нам.

Идея с осколком-приманкой родилась не на пустом месте. Громов вспомнил: в Афганистане, в горах, он видел, как местные охотники привязывали к приколе козлёнка, а сами залегали в камнях — ждали барса. Барс всегда приходил, потому что не мог уйти мимо добычи, которая звала его запахом. Осколок яутжа был таким же «запахом» — только не для носа, для того чувства, которым она видела мир в тепловом спектре, в радиоволнах, в чём-то ещё, неведомом людям.

— А что, если она не одна, — сказал Северин, — и на приманку придут сразу все?

— Значит, будет жарко, — усмехнулся Громов. — Но это даже лучше. Встретить весь клан сразу — чем ждать, пока они будут приходить по одному.

Он встал, посмотрел на тёмный лиман. Над водой поднимался туман — белый, молочный, стелющийся по самой поверхности, как дым над сценой.

— Завтра мы идём к сопке. Тамара Львовна говорит — сигнал идёт оттуда. Но осколок мы возьмём с собой. Если она не выйдет на бой — бросим осколок в грот и подождём.

4

Ночью Северин не спал.

Он сидел на крыльце участкового пункта, смотрел на звёзды, курил одну папиросу за другой. Над лиманом висела луна — полная, жёлтая, как старый медный пятак.

К нему подошёл Гончар. Молча сел рядом. Молча взял папиросу, прикурил.

— Не спится? — спросил участковый.

— Не спится.

— Я тоже не могу. Всё думаю: а если бы я не нырнул вовремя? Если бы она успела достать меня клинком?

— Но не достала.

— Не достала, — согласился Гончар. — В этот раз.

Он затянулся. Выдохнул дым.

— Андрей Петрович, я всё думаю... А что, если она — не одна? Что, если её сигнал — вызов другим? Что, если завтра над лиманом появится целый флот?

— Тогда, — сказал Северин, — нам придётся воевать.

— И мы выиграем?

Северин посмотрел на звёзды. Потом на тёмный лиман. Потом на Гончара.

— Не знаю. Но мы будем пытаться. Другого не дано.

Он затушил папиросу, поднялся.

— Иди спать. Завтра — решающий день.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — сказал Северин. — Чувствую. Завтра — всё кончится. Или мы, или она.

Он повернулся и пошёл в участок.

Гончар остался сидеть на крыльце, глядя на лиман. Луна поднималась выше, и вода серебрилась. Где-то там, под водой, лежал пустой челнок с работающим маяком. А где-то в темноте, за камышами, охотница зализывала раны и ждала рассвета.

— Завтра, — сказал он вслух. — Значит, завтра.

Он не пошёл спать сразу. Ещё долго сидел на крыльце, глядя на лунную дорожку, дрожащую на воде, на чёрные силуэты камыша, на редкие огни станицы, угасающие один за другим, и думал о том, что завтра, возможно, будет последний день его жизни. Не потому, что он умрёт — а потому, что после завтрашнего дня он уже никогда не будет прежним. Даже если они победят. Даже если она уйдёт. Что-то сломается в нём, что-то изменится навсегда, и он уже никогда не сможет смотреть на лиман как на просто воду, на камыш — как на просто траву, на звёзды — как на просто звёзды. Он будет видеть за ними её. Всегда.

— Завтра, — повторил он вслух и поднялся. — Значит, завтра.

5

Утром Тамара Львовна привезла осколок. Она держала его на раскрытой ладони, как святыню — или как взрывчатку.

— Всю ночь не спала, — сказала она. — Он пульсировал каждые полторы секунды. Ровно, как часы.

— Он вызывает её? — спросил Северин.

— Или отвечает ей.

Громов взял осколок, поднёс к уху, прислушался.

— Он гудит, — сказал он. — Тихо. На пределе слышимости.

— Покажи, — сказала Тамара Львовна.

Она достала из сумки простой радиоприёмник, включила, настроила на длинные волны. Из динамика пошёл треск — и сквозь треск, то усиливаясь, то затихая, пульсирующий сигнал: два коротких, один длинный.

— Тот же, что мы перехватили, — сказала она. — Он повторяет сигнал. Как ретранслятор.

Громов положил осколок на стол. Все смотрели на него — тёмный, неподвижный, но живой.

— Значит, — сказал он, — она нас слышит. Всё это время. И знает, где мы.

— И где осколок, — добавил Северин.

— И где осколок. — Громов кивнул. — Значит, мы используем это. Сегодня ночью мы идём к сопке. Осколок — с нами. Если она там — она почувствует его, выйдет на бой. Если её нет — оставим осколок в гроте и устроим засаду.

— А если осколок — ловушка? — спросил Гончар. — Если он — бомба?

— Тогда мы все умрём, — спокойно сказал Громов. — Но иначе мы её не достанем.

ГЛАВА 17. КОРАБЛЬ

Трофей врага — не всегда победа.

1

Двадцать восьмое июня. Утро.

Совещание в кабинете Гущина началось в семь утра и продолжалось два часа. Никто не завтракал — не до того. На столе — карта лимана, осциллограммы сигнала, фотографии отпечатков пятипалых ступней. И кофе — жидкий, переваренный — в трёх алюминиевых кружках.

Гущин сидел во главе стола, положив руки на зелёное сукно. Лицо у него было бледным — он не спал вторую ночь, изучая документацию по Петрозаводску и Приморью, сверяя данные, ища закономерности. И — кажется — находил.

— Челнок нужно поднимать, — сказал он. Голос прозвучал глухо, но твёрдо. — Это — главная улика. И — возможно — единственный шанс понять, с кем мы имеем дело. Технология, которая не с нашей планеты. Если она действительно инопланетного происхождения, мы обязаны её изучить. Даже если она мертва. Даже если пуста. Её материал, её устройство, её системы — это знание, которого у нас нет. И которое может стоить жизни, если мы его не получим, — он обвёл взглядом присутствующих, — когда они вернутся.

— Они? — переспросил Гончар.

— Они, — сказал Гущин. — После того, что мы видели, глупо предполагать, что это единичный случай.

— Она может быть опасна, — предупредил Громов. Он стоял у окна, скрестив руки — правая всё ещё в бинтах, но он старался не показывать, что рука болит. — Мы не знаем, что там внутри. Может быть, заряды, взрывчатка, системы самоуничтожения. Они могли оставить ловушку.

— Поэтому на осмотр пойдёте вы, — сказал Гущин. — С оружием, с осторожностью, с миноискателем.

— Миноискателя у нас нет, — напомнил Северин.

— Найдёте. В военкомате, в гарнизоне, где угодно.

Но миноискатель не нашёлся — в Темрюкском РОВД его не держали, военкомат развёл руками («всё на учёте, товарищ капитан»), а гарнизонные склады были закрыты на ревизию. Взамен Громов взял старый армейский щуп — длинный, трёхгранный металлический прут с заострённым концом, которым сапёры проверяют грунт на мины. Инструмент был простой, как лом, но надёжный: если ткнуть — и под челноком что-то взрывоопасное, щуп передаст вибрацию раньше, чем детонатор сработает.

— Если там что-то взрывоопасное, — сказал он, — щуп покажет.

— А если не покажет? — спросил Гончар.

— Значит, мы узнаем это опытным путём.

— Оптимист, — сказала Тамара Львовна.

2

К челноку вышли в одиннадцать утра. Лодка — та же плоскодонка деда Степана, мотор «Вихрь», знакомый дребезжащий звук. В этот раз группа была меньше: Громов, Северин, Гончар. Тамара Львовна осталась на берегу — развернула на капоте «Волги» полевую лабораторию: пробирки, контейнеры, стерильные салфетки.

— Если там есть биологические образцы, — сказала она, — я должна получить их свежими. Не через час, не через два — сразу.

Челнок нашли с первого раза — буёк, оставленный накануне, всё ещё торчал из воды, чуть накренившись. Вода вокруг была мутной, зелёной, с маслянистыми разводами. Пахло тиной, железом и тем сладковатым, металлическим запахом, который уже стал привычным.

Громов первым перегнулся через борт, всмотрелся в толщу воды.

— Он на месте. Люк — открыт. Вокруг — никаких изменений.

— Она не вернулась за ним, — сказал Северин.

— Или не захотела, — ответил Громов. — Или не смогла.

Громов разделся до пояса. Раненая рука была перевязана, поверх бинтов он натянул резиновый рыбацкий костюм — тесный, но герметичный. В зубы — нож. В руку — щуп.

— Я — первый. Если дёрнусь — тащите.

— Может, не надо? — спросил Гончар.

— Надо, — сказал Громов и соскользнул в воду.

Вода приняла его без всплеска — тёплая, мутная, как кисель. Он ушёл с головой, и несколько секунд ничего не было видно — только круги на воде. Потом его голова показалась рядом с челноком — он уже был там, вцепившись в край люка.

— Внутри пусто, — крикнул он. — И сухо. Как будто челнок загерметизирован сам. Вода не заходит внутрь — стоит на пороге и не проникает. Будто силовой барьер, невидимый.

— Ты можешь войти? — спросил Северин.

— Могу. Иду.

Он подтянулся, перевалился через край люка и исчез внутри. Прошло полминуты — показалось, что вечность. Потом он высунулся по пояс.

— Пусто. Никого. Системы — не знаю, что это такое, — работают. Там...

Он замолчал, подбирая слова.

— Там необычно. Совсем.

— Что именно? — спросил Северин.

— Это не машина, — сказал Громов. — Внутри — нет приборов. Нет проводов, нет панелей, нет экранов. Стены — тёплые. Они пульсируют. Как будто дышат. Пол — мягкий, упругий, как живая ткань. И запах... — он снова помолчал. — Не как в механизме. Как в живом помещении.

— Ты хочешь сказать — челнок живой? — спросил Гончар.

— Я хочу сказать, что я не знаю, как это назвать, — ответил Громов. — Но это — не наш способ строить корабли. Наши корабли — мёртвые. Сварные, склёпанные, собранные из кусков. А этот — цельный. Как выросший. Как орган. И он всё ещё функционирует. Что-то внутри него работает — питает системы, генерирует тепло, поддерживает атмосферу. Даже без неё.

Он выбрался наружу, сел на борт лодки, переводя дух. Вода стекала с его плеч, с бинтов, с костюма. В глазах у него было выражение, которого Северин не видел раньше: не страх, не злость, а задумчивость. Растерянность профессионала, который встретил технологию, не поддающуюся его пониманию.

— Мы не можем его изучать здесь, — сказал Громов. — Нужно вытаскивать на берег, изолировать, звать специалистов.

— Гущин уже вызвал группу из Москвы, — сказал Северин. — Должны быть послезавтра.

— Послезавтра — поздно. — Громов резко повернулся к нему. — Она — там. Она ранена, но не добита. Если мы будем ждать московских умников — она либо оправится и уйдёт в плавни, либо сородичи заберут её с орбиты.

— У неё нет связи, — возразил Северин. — Осколок — у нас. Сигнал — не зафиксирован.

— У неё есть инстинкт, — сказал Громов. — Она — охотник. Она знает, когда за ней придут. И она готовится.

Он перевёл дух. Посмотрел на лиман — туда, где за камышами, в направлении грязевых сопок, уходил слабый, почти незаметный след зелёной крови, тянущийся по воде, словно маслянистая дорожка.

— Надо идти за ней, — сказал он. — Немедленно. Пока она не пришла в себя.

3

На берегу их ждала Тамара Львовна. Она взяла пробы воды с поверхности челнока — со стенок, из люка, с порога, где вода не проникала внутрь. Упаковала, подписала, убрала в термобокс.

— В воде — микрочастицы материала, — сказала она, рассматривая пробирку на свет. — Те же, что в осколке. Челнок — из того же вещества, что и её кровь, её кожа, её тело. Это не корабль в нашем понимании. Это — часть её. Или её сородичей. Они не строят корабли — они их... выращивают? Создают из собственной биомассы?

— Как паук — паутину? — спросил Гончар.

— Как паук — паутину, — кивнула она. — Или как коралл — риф.

Челнок оставили на месте — Гущин, прибывший через полчаса, распорядился не трогать его до прибытия московской группы. Громов спорил, доказывал, что аппарат нужно поднять немедленно: спрятать в ангаре, накрыть брезентом, выставить круглосуточную охрану. Но Гущин был непреклонен. Он стоял на берегу, глядя на воду, на едва различимые очертания затопленного аппарата, и курил — одну папиросу за другой.

— Если мы его поднимем без специалистов, — сказал он, — мы можем повредить его. Или активировать систему самоуничтожения. Ты видел, что внутри — технологии, которых мы не понимаем. Риск слишком велик.

— А если её сородичи придут за ним? — возразил Громов. — Если челнок — маяк? Если они запеленгуют его и вытащат с орбиты?

— Тогда, — сказал Гущин, глядя на воду, — мы потеряем улику. Но если она вернётся и убьёт ещё — мы потеряем людей. Ты выбирай, что важнее. Я выбираю людей.

Громов не стал спорить. Он просто повернулся и пошёл собирать группу. У него было своё мнение о том, что важнее. Людей терять он не собирался, но и позволять врагу уйти безнаказанно — тоже не входило в его планы.

— Еремеев, Царёв, — сказал он, подходя к курсантам, сидевшим на траве в тени кустарника. — Проверьте оружие, запаситесь патронами. Мы идём в сопки через час. Берите всё, что есть: гранаты, ножи, запасные магазины. И воды — много воды.

— А челнок? — спросил Царёв, кивнув в сторону лимана. — Его охранять не надо?

— Надо, — ответил Громов. — Но не нам. Для этого Гущин вызовет людей из Краснодара. Наше дело — найти её, пока она не оправилась от ран. Челнок подождут. Она — нет.

Он повернулся и пошёл к машине, бросив через плечо:

— Выходим через пятьдесят минут. Опоздаете — уйдём без вас. Слышали, как я шучу? Я не шучу.

4

В пещеру грязевого вулкана они вышли к полудню. Солнце стояло в зените, жара давила. Серные запахи, пузырящаяся грязь, пар, поднимающийся от грифонов, — место было безжизненным, выжженным. Тамара Львовна развернула на капоте «Волги» самодельный пеленгатор — собранный из полевого армейского радиоприёмника Р-105М и спиральной антенны, найденной в радиокружке ДОСААФ. Прибор потрескивал, издавал высокий, почти ультразвуковой свист.

— Сигнал идёт оттуда, — она указала на сопку. — Непрерывный. Слабый, но стабильный. Она — там. И она не уходит.

— Может, она умерла? — предположил Гончар.

— Нет, — сказала Тамара Львовна, не отрываясь от прибора. — Сигнал — живого существа. Или — работающего устройства. Я не знаю, где граница между телом и техникой в её биологии. Но это активно. Оно слушает. Или ждёт.

— Значит, жива, — сказал Громов.

Он поднял автомат, передёрнул затвор, проверил магазин. Посмотрел на Северина, на Гончара.

— За мной. Шаг в шаг. Не отставать. Если что-то пойдёт не так — уходите. Без геройства.

— А ты? — спросил Северин.

— Я прикрою.

Они вошли в пещеру.

5

Пещера была влажной, горячей, как парная. Стены блестели, покрытые налётом серы и влаги. С потолка капало — вода, смешанная с глиной, падала на головы, на плечи, на оружие. Фонари вырывали из темноты лужи жидкой грязи, корни, пробившиеся сквозь глиняные стены, и — дальше, в глубине — слабый зеленоватый отблеск.

— Там, — сказал Громов, указывая вперёд.

Они прошли ещё метров десять. Коридор расширился — и они вышли в грот.

В центре грота, привалившись спиной к стене, сидела яутжа.

Она была без маски — впервые за всё время они видели её лицо открытым. Костные гребни, тёмная, с зеленоватым отливом кожа, жёлтые глаза, полуприкрытые от усталости. Грудная клетка — вся в запёкшейся зелёной крови. Дреды, слипшиеся, грязные, свисали мокрыми жгутами.

Рядом с ней — два тела. Сородичи.

Она сидела между ними, как часовой. Защитница. Последняя.

— Она не двигается, — тихо сказал Гончар.

— Она умирает, — сказал Громов. — Но не сдаётся.

Он шагнул вперёд, опустив автомат стволом вниз. Яутжа подняла голову. Жёлтые глаза встретились с его взглядом — без страха, без злобы. С усталостью.

— Ты проиграла, — сказал Громов тихо. — Твои — мертвы. Ты — следующая.

Она не ответила. Только чуть наклонила голову.

Громов стоял перед ней. В руке — нож. Один удар — всё кончено.

Но он не ударил.

— Уходи, — сказал он.

Яутжа не шевельнулась.

— Уходи! — крикнул Громов. — Пока я не передумал!

Она медленно, с трудом поднялась, взяла тело одного сородича, потом второго и, шатаясь, пошла к выходу — мимо Громова, мимо Северина, мимо Гончара.

В свете утреннего солнца, хромая, унося на плече тело, залитое зелёной кровью. Уходящая фигура на фоне рассветного лимана.

— Мы ещё встретимся, — сказал Громов ей вслед.

Она не обернулась.

ГЛАВА 18. ВУЛКАН

Память мёртвых — долг живых.

1

Двадцать девятое июня. Рассвет.

Они вошли в пещеру грязевого вулкана в четыре утра. Громов — первым, с автоматом наизготовку, с фонарём, примотанным к стволу изолентой. Северин — за ним, с карабином и вторым фонарём. Гончар — замыкающий, с ружьём, спиной вперёд, прикрывая тыл.

Внутри было горячо и душно, как в бане, которую не проветривали неделю. Стены — глиняные, влажные, с прожилками серы, блестящие в свете фонарей. Пахло кислым, жжёным — сероводород бил в нос, перехватывал дыхание. Фонари вырывали из темноты куски пространства: сталактиты застывшей грязи, свисающие с потолка, лужи тёплой, парящей воды, корни деревьев, пробившиеся сквозь глину — белые, слепые, тянущиеся к влаге.

Где-то в глубине, из недр, доносился глухой, ритмичный звук — биение грязевого вулкана, пульс земли, ровный и спокойный, как дыхание спящего гиганта.

— Она не могла выбрать лучшее место, — сказал Громов, оборачиваясь. Голос звучал глухо — стены гасили звук. — Здесь тепловизор бесполезен. Пар, горячая грязь, жар от земли — всё сливается в одну сплошную тепловую стену. Она здесь как дома. А мы — как слепые.

— И мы — как слепые котята, — добавил Гончар, вытирая пот со лба.

— Поэтому держимся вместе, — сказал Громов. — Не отставать. Не светить по сторонам без нужды. И — не шуметь.

Они двинулись дальше. Коридор сужался, расширялся, петлял. Несколько раз Громов останавливался, вслушиваясь в тишину. Ничего. Только капанье воды, дыхание троих людей, и далёкий, глубинный гул, от которого вибрировал пол.

Прошли метров тридцать. Коридор расширился, свод ушёл вверх, теряясь в темноте. Они вышли в грот.

2

Грот был большим — метров двадцать в поперечнике, с высоким, уходящим в темноту куполом. Стены — влажные, блестящие, покрытые налётом серы и соли. С потолка свисали длинные, тонкие сталактиты — не каменные, а глиняные, затвердевшие, похожие на пальцы великана.

В центре грота, привалившись спиной к стене, сидела яутжа.

Она была без маски — впервые за всё время они видели её лицо при свете фонарей. Костные гребни на лбу и скулах — высокие, острые, тянущиеся к вискам. Тёмная, с зеленоватым отливом кожа — не гладкая, а с тонким рисунком, похожим на чешую. Глубокие глазницы, из которых смотрели жёлтые глаза — сейчас тусклые, полуприкрытые, без обычного ровного свечения. Дреды, слипшиеся от крови и грязи, свисали на плечи мокрыми жгутами.

Грудная клетка — вся в запёкшейся зелёной крови. Тёмные пятна там, где пули пробили броню живой ткани. Рана на плече — зияющая, с рваными краями — всё ещё сочилась зеленоватой жидкостью.

Рядом с ней, на полу, лежали два тела. Сородичи. Те, что пали в ночном бою у алтаря. Она притащила их сюда. Не бросила. Не оставила на съедение падальщикам.

Она сидела между ними — защитница. Хранительница. Последняя из трёх.

Когда свет фонарей упал на её лицо, она подняла голову. Медленно. Тяжело. Жёлтые глаза встретились с лучами — и не дрогнули. Она смотрела на них без страха, без ненависти, без мольбы.

Она ждала.

— Она не двигается, — тихо сказал Гончар.

— Она умирает, — сказал Громов.

Он шагнул вперёд. Медленно. Автомат опустил стволом вниз.

— Стой, — сказал Северин.

— Она не опасна сейчас, — ответил Громов, не оборачиваясь. — Она — в конце.

— Откуда ты знаешь? — спросил Гончар.

— Знаю, — сказал Громов. — Я видел таких в Афганистане. Раненых, загнанных, которые уже не бойцы — только тени. Они не нападают. Они ждут смерти.

Он подошёл ближе. Остановился в трёх шагах. Яутжа смотрела на него снизу вверх. В её глазах — не страх, не злость, не просьба о пощаде. Только усталость, глубокая, вселенская, и — странное, почти человеческое выражение: принятие.

— Ты проиграла, — сказал Громов. — Тебе конец.

Она не ответила. Только чуть наклонила голову — как будто соглашаясь.

— Ты убила наших. Мы убили твоих. — Громов говорил ровно, без злобы. — Мы в расчёте.

Она молчала.

3

Громов стоял перед ней. В руке — нож. Один удар — и всё кончится. Он мог убить её сейчас. Один взмах — и голова покатится по глиняному полу. Всё будет кончено.

Но он не мог.

Не потому, что боялся. Не потому, что жалел. Потому что смотреть в эти жёлтые глаза и видеть в них не зверя, не чудовище, а воина — равного, достойного, — и убить его без боя, без последней схватки, было неправильно.

— Уходи, — сказал он.

Яутжа не шевельнулась.

— Уходи! — крикнул Громов. — Пока я не передумал!

Она медленно, с огромным трудом, поднялась. Пошатнулась — раны давали о себе знать. Опёрлась рукой о стену — пять пальцев с когтями впились в глину, оставив глубокие борозды. Взяла тело одного сородича, перекинула через плечо. Взяла второго — под мышку. И, шатаясь, пошла.

К выходу — мимо Громова, мимо Северина, мимо Гончара.

— Ты что делаешь?! — закричал Северин. — Она убьёт ещё! Она вернётся и убьёт кого-нибудь из станицы! Пашку, соседей, нас!

— Нет, — сказал Громов, глядя ей вслед. — Не убьёт. Не сегодня.

— Откуда ты знаешь?!

— Потому что я вижу, — сказал Громов. — Она — воин. Настоящий. Воины не бьют в спину. Она запомнит этот день. Она запомнит нас. И, может быть, когда она вернётся — она придёт не убивать. А состязаться.

Он смотрел, как она уходит — медленно, хромая, волоча ногу, оставляя за собой на глиняном полу широкий след зелёной крови, смешанной с потом и грязью. У выхода она остановилась, с трудом повернула голову. Жёлтые глаза встретились с глазами Громова. Долгий взгляд — без ненависти, без благодарности. Взгляд, который говорил: «Я запомнила тебя».

Затем она исчезла в ослепительном свете утреннего солнца, ворвавшегося в пещеру через вход.

Громов стоял, глядя на пустой проём.

— Мы ещё встретимся, — сказал он тихо. — Я знаю.

— Ты не можешь знать, — возразил Гончар, всё ещё не веря в то, что только что произошло. — Она ушла. Она может не вернуться никогда. Может умереть от ран, может заблудиться в плавнях, может решить, что эта планета слишком опасна.

— Не решит, — ответил Громов, не оборачиваясь. — Я видел её глаза. Она не из тех, кто сдаётся. Она вернётся — может, не через месяц, не через год, но вернётся. Потому что я для неё теперь — вызов. Незакрытый гештальт. Она должна закончить охоту, чтобы восстановить свою честь.

— А если она вернётся с подкреплением? — спросил Северин.

— Значит, встретим подкрепление, — пожал плечами Громов. — С оружием наготове. У нас нет выбора. Есть только готовность — или смерть.

Он глубоко вздохнул, повернулся и направился к выходу из пещеры. За ним, не сговариваясь, двинулись остальные.

В пещере остались только тело мёртвой яутжа, восемь старых позвоночников у алтаря и тишина. Тишина, которая длилась здесь десятилетиями, прерываемая лишь редкими приходами охотников раз в полвека. Тишина, которая ждала своего часа. Тишина, которая — Громов знал это — однажды прервётся снова.

4

Они забрали из пещеры всё, что могли.

Тамара Львовна работала молча, методично, как заведённый механизм. Описывала. Фотографировала. Упаковывала образцы в герметичные контейнеры — каждый с биркой, с номером, с указанием места и времени изъятия.

На полу, у стен, на глиняных выступах, были аккуратно разложены человеческие останки. Позвоночники — с черепами и без, разобранные по длине, по размеру, по возрасту. Бедренные кости — отдельно, стопкой. Рёбра — веером. Кожа — не свёрнутая, не брошенная — расправленная, просушенная, с идеально ровными краями, как ковры в доме аккуратной хозяйки.

Тамара Львовна насчитала двенадцать позвоночников. Восемь — старые, пожелтевшие, с потрескавшейся костью. Четыре — свежие, ещё не успевшие высохнуть до конца. Те, кого яутжа взяла здесь, на лимане. Коваль, Седов, солдат, старшина.

— Двенадцать, — сказала она, выпрямляясь и снимая перчатки. — Двенадцать человек за шестьдесят шесть лет.

— Она хранила их как коллекцию, — сказал Северин. Он стоял у алтаря, глядя на камень, где ещё недавно лежали четыре свежих позвонка.

— Как трофеи, — поправила Тамара Львовна. — Как охотник хранит рога убитых оленей в своём кабинете. Каждый — с датой, с меткой, с историей.

Она обернулась к нему.

— Ты понимаешь, что это значит? Она — не первая. И — не последняя. Они приходят сюда регулярно. Охота — не промысел. Это — традиция. Ритуал. Переходный обряд. Молодые охотники проходят здесь испытание.

— И мы — дичь, — сказал Гончар.

— Мы — дичь, — согласилась она. — Но мы — дичь, которая умеет кусаться. Которая оставляет шрамы.

5

У входа в пещеру стоял дед Степан. Он пришёл сам — не дожидаясь приглашения, не спрашивая разрешения, — опираясь на палку тяжело, но с прямой спиной. Увидев позвоночники, которые выносили из пещеры, увидев останки, разложенные на брезенте, он снял шапку и перекрестился — медленно, широко, как крестились в старину.

— Те, что старые, — сказал он, указывая палкой на пожелтевшие кости, — это — мои. Которых я знал. Которых не нашёл никто, кроме меня.

— Ты их опознаешь? — спросил Северин.

— Я их помню, — сказал старик. — Каждого. С четырнадцатого года. С пятьдесят третьего. Я их помню, хоть и пацаном был. Они — мои земляки. Моя родня. Двоюродный дед, сосед, два рыбака с бригады отца... — Он замолчал, провёл ладонью по лицу. — Я думал, они утонули. Думал, лиман забрал. А оно вон как...

Он посмотрел в пещеру, откуда вынесли останки, — на тёмную, влажную пасть грота, из которой всё ещё тянуло запахом серы и смерти.

— Она ушла?

— Ушла, — сказал Северин.

— Вернётся, — твёрдо сказал дед Степан. — Такие всегда возвращаются. Они как лиман — вода уходит, вода приходит. Цикл.

Он помолчал, потом добавил тише, почти шёпотом:

— Только в следующий раз — их будет больше.

— Откуда ты знаешь? — спросил Гончар.

— Знаю, — ответил дед Степан, надевая шапку. — Они не приходят поодиночке. Они приходят стаей. Как волки. Сначала — разведка, молодняк. Потом — основные силы. Мы видели щенков. Взрослые придут позже.

Он посмотрел на Северина — и в глазах старика было то, чего Северин никогда не видел у него раньше: не страх, а спокойная, твёрдая уверенность человека, который знает, о чём говорит.

— Вы молодцы, что выгнали её, — сказал дед Степан. — Но готовьтесь. Она вернётся не одна.

Он повернулся и пошёл вниз по склону — медленно, опираясь на палку, но твёрдо ставя ноги на скользкую глину, как человек, привыкший ходить по этой земле с детства.

Северин смотрел ему вслед, и слова старика звучали в голове снова и снова, как набат: «Она вернётся не одна. Она вернётся не одна».

— Он прав? — спросил Гончар, подходя ближе. — Она правда приведёт других?

— Не знаю, — ответил Северин. — Но если он прав — нам нужно готовиться. Не к одной охоте, а к войне.

— Как готовиться к войне с существами, которых пули берут через раз?

— Учиться, — сказал Северин. — Изучать их, их оружие, их тактику. Думать, как нейтрализовать их преимущества. И молиться, чтобы они дали нам время подготовиться.

Он отвернулся от входа в пещеру и пошёл к машине. Позади оставались следы зелёной крови на глине, два тела яутжа, восемь старых позвоночников и полная неизвестность. Впереди — дорога в Темрюк, доклад Гущину и долгие, долгие месяцы ожидания.

6

Они стояли у входа в грязевой вулкан — четверо мужчин и старик, на рассвете, на фоне разгорающегося дня.

Солнце поднималось над лиманом. Розовый, золотой, тёплый свет заливал камыши, воду, берег. Где-то далеко, за горизонтом, раненый охотник уходил в море, унося на плечах своих мёртвых сородичей. Здесь, на берегу, остались двенадцать позвонков — двенадцать жизней, двенадцать судеб, двенадцать человек, которых не вернуть.

— Надо похоронить их, — сказал Гончар. — По-человечески.

— По-человечески не получится, — возразил Громов. — От них остались только кости. Ни лиц, ни имён — для истории. Но мы можем упокоить их здесь. На лимане. В воде, которую они любили.

— Нет, — сказал дед Степан. — В земле. По-христиански. Я отпою. Священника попрошу — отец Алексей не откажет. Сделаем тихо, без огласки. Они заслужили.

Северин посмотрел на него.

— Хорошо. Похороним завтра. На старом кладбище, за околицей. Без речей, без венков. Тихо.

— Тихо, — согласился дед Степан.

Он надел шапку, опёрся на палку и, не оборачиваясь, пошёл в сторону станицы.

Они остались одни.

— Мы не забудем, — сказал Северин, глядя на брезент с останками. — У нас нет права забыть.

Громов промолчал. Он смотрел на лиман, туда, где исчезла она. Солнце слепило глаза, но он не отворачивался.

— Я запомню её, — сказал он тихо. — И она запомнит меня.

ГЛАВА 19. ШТУРМ

Бой выигрывает не сильнейший, а оставшийся.

1

Двадцать девятое июня. Закат.

Громов разрабатывал план штурма три часа. Сидел в кабинете РОВД над картой — один, не подпуская никого, — и чертил схему за схемой: карандашом, ручкой, снова карандашом, стирая, уточняя, дополняя. На столе — карта Темрюкского района, кроки сопки Карабетовой, сделанные от руки при свете фонаря, снимки с воздуха, которые Гущин сумел достать из военной авиации: серые, зернистые, но дающие главное — рельеф.

Крошки хлеба, гильзы от патронов, пустая кружка остывшего чая, стопка бумаг, скомканная и расправленная снова, — всё смешалось в хаосе. Он не спал вторые сутки — с того самого боя в плавнях — но глаза его горели холодным, ровным огнём, который не знал усталости. Такой огонь бывает у людей, которые ведут войну не ради ненависти, а ради того, что за войной стоит.

В дверь постучали. Он не ответил. Дверь открылась — вошёл Северин.

— Егор. — Он сел напротив, поверх карты положил две фотографии: снимки грота, сделанные Тамарой Львовной утром. — Ты видел это?

Громов взял снимок. Смотрел долго.

— Алтарь, — сказал он. — Двенадцать позвоночников. Восемь старых, четыре свежих.

— Она вернулась туда. — Северин положил перед ним ещё один снимок — след зелёной крови на глиняном полу, ведущий в глубь пещеры. — Тамара Львовна сняла след сегодня днём. Кровь свежая, ещё не запеклась. Она внутри. Она вернулась к своим мёртвым.

— И к трофеям, — добавил Громов.

— И к трофеям. — Северин помолчал. — Ты понимаешь, что это значит? Она не просто прячется. Она возвращается к алтарю. Как к дому. Она будет защищать его.

— Я знаю, — сказал Громов.

Он отодвинул снимки, развернул перед собой чистый лист бумаги, взял карандаш и начал чертить — быстро, точно, как чертил боевые схемы в Афганистане.

— Смотри. — Он рисовал, не поднимая головы. — Вход в пещеру один. Я обошёл сопку сегодня на рассвете, ещё затемно. С восточной стороны — осыпь, глина, скользко. С западной — грязевые поля, там не пройти — вязко, утянет. С севера — кратер, но это не выход, это воронка с жижей. С юга — единственный вход: расщелина в глиняной корке, высотой по грудь, шириной в полтора метра.

Он нарисовал набросок пещеры — извилистый коридор, расширяющийся в грот.

— Коридор — метров тридцать. Узкий, низкий. Вдвоём не разойтись. Потом — грот: метров двадцать в диаметре, высота — три-четыре. Пол — глина, влажная, местами лужи. Стены — глиняные, с прожилками серы. — Он поднял глаза. — Откуда я знаю? Сегодня днём я пролез туда до самого грота. Тамара Львовна ждала снаружи.

Северин удивлённо посмотрел на него.

— Ты ходил туда один?

— Один. — Громов пожал плечами. — Нужно было знать, что там. Теперь знаю. — Он постучал карандашом по схеме. — Грот — мешок. Один вход, один выход. Если мы войдём — она окажется в ловушке.

— В ловушке, из которой она будет драться насмерть, — сказал Северин.

— Именно. Поэтому мы не дадим ей драться на её условиях. Мы навяжем ей наши.

Он отложил карандаш, потянулся, хрустнув шеей, и разложил на столе снаряжение. Каждый предмет — взвесил в руке, осмотрел, положил на место, как шахматист, расставляющий фигуры перед партией:

три автомата — два АКМ и один АК-74, с отполированными до блеска затворами; два ружья — гончаровский «ИЖ-27» двенадцатого калибра и трофейный «Зауэр», изъятый у браконьеров ещё весной; четыре гранаты Ф-1 — лимонки, тяжёлые, зелёные, с насечками; две РГД-5 — полегче, для дальнего броска; дымовые шашки — четыре штуки; верёвки — две бухты, капроновые; ножи — его НР-40 и запасной, финский, с наборной рукоятью; аптечка — индивидуальная, армейская, с перевязочными пакетами и жгутами; два фонаря с запасными батарейками.

— Вход в пещеру — один. Выход — тоже один. Чёрного хода нет — я проверил всю сопку. Если мы войдём — она окажется в мешке.

— А если она прорoет выход? — спросил Северин.

— Не прорoет. — Громов покачал головой. — Глина там сухая, слежавшаяся, как камень. Копать — часы. А у неё нет часов. У неё есть только мы.

— Когда выходим?

— Сейчас. Через час стемнеет полностью. — Громов начал собирать снаряжение в рюкзаки, двигаясь быстро, без лишних движений. — В темноте её тепловизор — преимущество. Но в дыму, в тесноте пещеры, она будет слепа, как и мы. Уравняем шансы.

— А если она заманит нас внутрь и там — засада?

Громов поднял взгляд. В глазах его было что-то, что Северин видел у него только раз — перед боем в плавнях, когда они шли по следу зелёной крови.

— Тогда, — сказал он, — мы её оттуда выкурим. Огнём и дымом. Что бы она ни устроила — у неё нет против нас ничего, кроме когтей и клинков. А у нас — есть гранаты.

Он застегнул рюкзак, повесил на плечо, взял автомат.

— Пошли. Еремеев и Царёв уже ждут у машины.

2

В двадцать два ноль-ноль они стояли у входа в пещеру.

Северин, Громов, Гончар — трое. За спиной, метрах в пятидесяти, замаскировались Еремеев и Царёв — с задачей: если кто-то выйдет из пещеры не наш — стрелять без предупреждения. Тамара Львовна осталась у машины, у рации, с аптечкой — и с планом: если группа не вернётся через два часа, она вызывает по рации Гущина в Краснодар и сама ведёт сюда подмогу.

— Если нас не будет через два часа, — сказал ей Громов перед уходом, — значит, нас уже не будет вовсе. Не надо никого спасать. Надо просто записать, что здесь было.

— Я записываю, — ответила она, не отводя взгляда. — Я записываю всё с самого начала.

Он кивнул — коротко, без улыбки — и ушёл.

Ночь была безлунной. Сопка чернела на фоне неба, как гигантский уголь, как спящий зверь, из пасти которого тянуло теплом. Пахло серой, гнилью и металлом — тот самый запах, который преследовал их с первой ночи, с того момента, как Гриша Коваль увидел зелёный свет над лиманом.

Из расщелины, ведущей в недра, поднимался горячий, влажный пар — дыхание земли, смешанное с дыханием той, что пряталась внутри.

Гончар переступил с ноги на ногу, положил ладонь на приклад «ИЖ-27».

— Ты как? — спросил Северин.

— Нормально, — ответил Гончар. — Руки вот только... — Он посмотрел на свои ладони. — Не слушаются. Или я их слушаюсь.

— Это адреналин, — сказал Громов, не оборачиваясь. — Дыши медленнее. Рот закрой. Носом — вдох, выдох.

Гончар послушно сделал несколько медленных вдохов. Пальцы на прикладе перестали дрожать.

— Пошли, — сказал Громов и первым шагнул в расщелину.

3

Внутри было темно, жарко и душно. Коридор сузился — пришлось идти пригнувшись, почти на корточках, выставив вперёд автоматы. Стены — влажная глина, скользкая, пахнущая серой и чем-то ещё — сладковатым, металлическим, тем самым запахом, который теперь, в замкнутом пространстве, давил со всех сторон.

Громов шёл первым, без фонаря — он вёл на ощупь, по памяти, по тем отметинам, которые сделал днём, зарубкам ножом на глиняных стенах. За ним — Северин с фонарём, светящим вниз, себе под ноги, чтобы не ослепить идущего впереди. Замыкал Гончар, с ружьём наперевес, то и дело оглядываясь назад.

На середине коридора Громов остановился, поднял руку.

— Стой.

Они замерли.

— Слышите?

— Что? — шёпотом спросил Гончар.

— Тишину. — Громов повернул голову, прислушиваясь. — Днём здесь гудело — пар, вода, ветер в трещинах. Сейчас — тихо. Она знает, что мы идём. Она замолчала.

— Или она уже ушла, — сказал Северин.

— Не ушла. — Громов покачал головой. — Она здесь. Я чувствую её запах. Железо. Кровь. И — страх.

— Она боится?

— Нет. — Громов помолчал, вслушиваясь в темноту. — Она ждёт.

Они двинулись дальше. Коридор начал расширяться. Воздух стал горячее, гуще — смесь серных паров, жара и того сладковатого запаха, от которого першило в горле.

Впереди, за поворотом, обозначился тусклый, зеленоватый отсвет — не свет лампы, не отблеск фонаря. Что-то в глубине грота слабо светилось — ровно, как гнилушка.

— Это она, — сказал Гончар, сглатывая.

— Это не она. — Громов прищурился. — Это её алтарь. Или то, что она оставила вместо себя.

Они вошли в грот.

4

Дым рассеивался, но ещё клубился у свода, смешиваясь с серными парами. В центре, у алтаря с позвоночниками, стояла яутжа.

Без маски. Клинки выдвинуты из обоих запястий — длинные, синеватые, слегка изогнутые, как зубы. Грудная клетка — в зелёной запёкшейся крови, с тёмными пятнами там, где пули пробили броню живой ткани. Дреды слиплись, свисали тяжёлыми жгутами.

Рядом с ней, на полу, у её ног, лежали два тела сородичей. Она стояла над ними как часовой — как последний защитник, как мать над детьми, как сестра над братьями.

Алтарь был позади неё — плоский камень, на котором лежали позвоночники: восемь старых, рассыпающихся от времени, и четыре свежих, ещё блестящих, ещё пахнущих.

Громов остановился в трёх шагах от неё. Поднял автомат. Но не выстрелил — не сразу.

Он смотрел на неё. Она смотрела на него. Жёлтые глаза горели ровно, без страха, без ненависти — с тем спокойствием, которое бывает только у тех, кто уже принял свою судьбу.

— Твои — мертвы, — сказал Громов. — Ты — последняя.

Она не ответила. Но медленно, очень медленно, подняла руку с выдвинутым клинком — и указала сначала на Громова, потом на алтарь, потом на себя.

«Ты — мой трофей. Как эти».

— Понимаю, — сказал Громов. — Но сегодня — всё наоборот.

Она щёлкнула коротко и резко: это не был язык, это был вызов — последний.

— Давай, — сказал Громов.

И швырнул дымовую шашку ей под ноги.

5

Бой был коротким — но таким, что его хватило бы на несколько жизней.

Белое облако дыма залило грот, скрыв фигуры. Яутжа рванулась в сторону — вправо, к стене, прикрываясь от дыма. Но Северин уже был там — встретил её автоматной очередью в упор. Пули ударили в грудь, в плечо, отбросили её к стене. Она не упала — только пошатнулась, взмахнула клинком вслепую. Лезвие высекло искры из камня в сантиметре от его лица.

— Слева! — крикнул Громов сквозь дым.

Гончар ударил её прикладом в спину — с размаху, со всей дури, как бьют колуном. Она прогнулась, но не упала. Развернулась — и полоснула клинком. Гончар ушёл в перекат, в грязь, выстрелил из ружья снизу вверх — в грудь, в упор. Зелёная кровь брызнула фонтаном, окатив его с головы до ног.

Она зарычала — впервые. Низко, горлово, как зверь.

И тогда Громов возник из дыма.

Бесшумно, как тень, как тот самый хищник, которым она считала себя. В руке — не автомат. Нож. Его НР-40, старый, с войны, с отцовской рукоятью.

Он ударил — точно, холодно, профессионально — снизу вверх, под рёбра, туда, где у людей сердце.

Яутжа застыла.

Жёлтые глаза распахнулись — не от боли, от неожиданности. Она смотрела на него. На нож, торчащий из её груди по рукоять. На зелёную кровь, текущую по лезвию, по его пальцам, по руке.

Она медленно, очень медленно, подняла руку — пять пальцев с когтями — и коснулась его лица. Провела по скуле, по шраму, по щеке.

Последний знак. Последний жест.

И осела на пол.

6

Громов выдернул нож. Отступил на шаг. Дышал тяжело, но ровно.

— Готов, — сказал он.

Дым рассеивался. Гончар поднялся, отряхиваясь от зелёной крови. Северин опустил автомат.

— Это конец? — спросил Гончар. — Всё?

— Конец, — сказал Громов.

Он хотел добавить что-то ещё — но осекся.

Алтарь был пуст.

Восемь старых позвоночников лежали на камне — рассыпающиеся, серые, мёртвые. Но четыре свежих — те, что были здесь минуту назад, что блестели, как полированные, — исчезли.

И двух тел сородичей у ног яутжи — тоже не было.

— Где? — Гончар оглянулся. — Она была одна! Я видел — она стояла над ними!

— Не одна, — сказал Громов.

Он медленно повернулся, всматриваясь в стены грота. Фонарь Северина выхватил из темноты заднюю стену — и там, внизу, у самого пола, зиял лаз. Узкий, крутой, уходящий вверх — в глубь сопки, к её недрам.

— Чёрный ход, — сказал Северин.

— Она вывела их, — сказал Громов. — Пока мы убивали её — она вывела своих. Через этот лаз. Наверх, к поверхности. — Он подошёл к лазу, присел, посмотрел в него. — Свежие следы. Зелёная кровь. Она ушла не одна.

— Но она же... — Гончар посмотрел на тело у алтаря. — Она же мёртвая.

— Она — не та, которую мы убивали, — сказал Громов. Он встал, посмотрел на тело. — Это — одна. А их было... — он помолчал, — их было не трое. Их было больше. И одна из них увела остальных.

Северин подошёл к телу, посмотрел на него. Потом на лаз. Потом на Громова.

— Мы убили не ту, — сказал он.

— Мы убили ту, что стояла насмерть, — сказал Громов. — А та, что увела своих, — она умнее. Или трусливее. Или — и то, и другое.

Он шагнул к лазу.

— Догоним, — сказал он. — Она ранена. Ранена тяжело — след свежий. Далеко не уйдёт.

— А если впереди — засада? — спросил Гончар.

— Всё может быть. — Громов посмотрел на него. — Но мы — солдаты. Солдаты не боятся ловушек. Солдаты их обходят.

Он полез в лаз.

За ним — Северин. За ним — Гончар, бросив последний взгляд на алтарь, на тело, на четыре исчезнувших позвоночника.

7

Лаз вёл наверх круто, почти вертикально. Приходилось карабкаться, цепляясь за выступы глины, за корни, за камни. Стены сужались так, что плечи задевали обе стороны. Воздух был горячим, спёртым, пахло серой и — свежим, тягучим запахом зелёной крови.

Впереди, над головой, обозначилось серое пятно — свет ночного неба.

Громов выбрался первым. Отряхнул руки, огляделся.

Лаз выходил на северо-западный склон сопки — метрах в двадцати от входа, в полутора метрах от кромки грязевого кратера. Перед ним, на склоне, тянулся след: примятая глина, пятна зелёной крови, обломанные кусты полыни.

След вёл вниз, к плавням, к тёмной полосе камыша, за которой начинался лиман.

— Она пошла к воде, — сказал Северин, выбравшись следом.

— К лиману, — кивнул Громов. — К Курчанскому. А оттуда — к Азову.

— К морю, — сказал Гончар, вылезая последним. — Она хочет уйти в море.

— Не хочет. Собирается. — Громов вскинул автомат. — Приказ: идём по следу. Быстро. Ночь — её время, но она ранена, и кровь она не остановит.

Они двинулись вниз по склону — трое по следу зелёной крови, по ночной глине, по грязи и полыни, к камышам, к лиману, к морю.

За спиной, на сопке, в гроте, остались алтарь, тело и восемь старых позвоночников — память о тех, кто умер здесь за шестьдесят шесть лет. Впереди — след той, что ушла, унося четырёх своих мёртвых.

Охота не кончилась. Она просто сменила направление.

Теперь охотники преследовали охотника.

ГЛАВА 20. ПОГОНЯ

Отступает тот, кто планирует вернуться.

1

Тридцатое июня. Первый час ночи.

Над Курчанским лиманом стояла та редкая, особенная южная тьма, что бывает только перед самым рассветом — когда луна уже давно зашла за горизонт, а солнце ещё не показалось, и небо висит над головой чёрным, бездонным, расшитым холодными, немигающими звёздами. Ветер полностью стих — ни дуновения, ни шороха, ни вздоха. Камыш замер неподвижными штыками. Даже вода, обычно вечно плещущаяся и дышащая, застыла, как чёрное стекло. Тишина стояла такая, что лязг затвора автомата Громова, когда он проверил оружие перед выходом, прозвучал как выстрел — гулко, неестественно, нарушая законы природы.

Ловчий бежал через плавни.

Он бежал уже пятый час — с той самой секунды, когда, пригнувшись, выбрался из лаза в глиняной стене грота и, не оглядываясь, рванул в темноту, прямо в камыш, прямо в грязь, прямо в ледяную воду протоки, не разбирая дороги, не выбирая пути, подчиняясь только одному древнему, как его народ, инстинкту — уцелеть. Уцелеть, чтобы вернуться. Вернуться, чтобы завершить.

Он нёс на себе мёртвых. Два тела он взвалил на плечи — тяжёлые, безжизненные, перетянутые полосами собственной плоти, которые он срезал с бока, бедра и голени, не чувствуя боли, потому что боль в бою — роскошь, которую позволяют себе только слабые. Третье — свёрнутое в тугой кокон, перевязанное теми же полосами, — он зажал под мышкой, прижимая к груди, как мать прижимает дитя, хотя сам был мужчиной, воином, охотником, а не матерью. Трое мёртвых. Трое тех, за кого он отвечал жизнью, кровью, честью и клятвой, данной предкам при посвящении.

Он бежал, не разбирая дороги. Там, где под ногами была вода, он шёл по воде, вздымая фонтаны брызг. Там, где была грязь, проваливался по пояс, вырывался, падал на колени, поднимался, снова падал и снова поднимался, продолжая бежать, не сбавляя темпа, не позволяя себе ни секунды передышки. Камыш хлестал по лицу, рассекая тонкую, чешуйчатую кожу на скулах, на шее, на плечах — порезы были мелкими, но частыми, и каждый оставлял тонкий след зелёной, фосфоресцирующей крови, которая светилась в темноте, выдавая его путь врагам. Он знал это. Он не мог ничего сделать. Он был слишком слаб, слишком изранен, слишком истощён, чтобы заметать следы.

Он думал о той, что осталась в гроте. Она задержала врагов, чтобы он мог уйти. Она не колебалась — ни секунды. Она просто шагнула в дым, закрывая собой вход, не оборачиваясь, не прощаясь, принимая смерть с той спокойной гордостью, которая была в крови её клана с рождения. Если бы Ловчий мог заплакать — он заплакал бы. Но яутжа не плачут. Они мстят, или они умирают.

Он бежал к воде — к лиману, к морю, к звёздам, домой.

2

Громов, Северин и Гончар преследовали его всё те же долгие пять часов.

Громов шёл первым. Лицо его, обветренное и обожжённое афганским солнцем, было спокойно, почти бесстрастно — как маска, под которой не было ничего, кроме холодного, расчётливого внимания охотника, взявшего след. За годы войны он научился читать местность так, как обычный человек читает книгу: каждая примятая травинка была буквой, каждое пятно крови — запятой, каждое направление следа — предложением, складывающимся в историю. Зелёная кровь — обильная, яркая, всё ещё жидкая, не запёкшаяся. Значит, рана свежая, и она слабеет. Примятый камыш — широкий шаг, но неровный, сбивающийся. Значит, она устаёт. Сломанные ветки кустарника — высоко, на уровне пояса. Значит, она несёт груз, и груз этот крупный, выше её собственной талии. Всё складывалось в одну картину: раненый зверь, уходящий от погони, несущий своих детёнышей — или сородичей — и постепенно теряющий силы.

— Она идёт к лиману, — сказал Громов, не оборачиваясь. Голос звучал глухо — от усталости, от напряжения, от того, что он не спал вторые сутки, но в нём не было ни сомнения, ни колебания. — След прямой как рельс. Ни петляний, ни остановок. Она не заметает следы, не пытается сбить нас.

— Может, поэтому не заметает, что не боится? — выдохнул Гончар. Он дышал тяжело, с хрипом в груди, рубашка прилипла к спине, сапоги хлюпали, на каждом шагу высасывая из него остатки сил. Табак, июньская жара, бессонница и бесконечные километры плавней превратили его в выжатый лимон, но он держался — только потому, что Громов держался, и держался лучше него.

— Не боится, — согласился Громов. — Она не боится нас. Она боится не успеть. У неё есть цель, и она прёт к ней, как солдат к переправе под артобстрелом — не оглядываясь, не думая, не сворачивая.

— А если она всё-таки заведёт нас в засаду? — спросил Северин. Он шёл третьим, замыкающим, то и дело оглядываясь назад — привычка опера, привычка человека, который никогда не доверяет спине. — Если она только притворяется, что убегает?

— Нет, — твёрдо ответил Громов. — Она не притворяется. Если бы она хотела засады — остановилась бы ещё у сопки. Там у неё было преимущество: узкий вход, темнота, дым и пар, в котором тепловизор бесполезен, а мы слепы как котята. Она могла бы перебить нас по одному в коридоре. Она не стала. Она ушла.

— Почему? — спросил Северин.

— Потому что, — сказал Громов, перешагивая через упавшее дерево, — она воин. А воины не прячутся в норах, когда враг бьёт лицом к лицу. Она приняла бой в гроте, проиграла, но не сдалась. Она ушла с поля боя с честью, забрав своих павших. Она не трусиха. Она делает то, что должна.

— И что она должна? — спросил Гончар.

— Спасти их, — Громов кивнул на след, уходящий в темноту. — И вернуться. Нам осталось только догнать её до того, как за ней придут свои.

3

Рассвет застал их на берегу Азовского моря.

Узкая полоса серого песка, усеянная мелкой галькой, битыми ракушками и комками выброшенной волнами тины, тянулась вдоль линии прибоя насколько хватало глаз. Вода была чёрной, маслянистой, тяжёлой, уходящей в бесконечность до самого горизонта, где небо уже начинало розоветь — медленно, неохотно, как бы нехотя уступая ночь дню. Волны — мелкие, сонные, с тихим шелестом набегали на песок и так же лениво отступали, не оставляя следа, будто море стирало всё, к чему прикасалось.

Там, где вода встречалась с сушей, отпечатки пяти пальцев с длинными, узкими когтями уходили прямо в море — чёткие, глубокие, последние следы, которые ночной беглец оставил на этой земле. Рядом, на песке, чуть дальше от воды, чтобы их не смыло приливом, лежали два мёртвых тела.

Взрослые яутжа. Крупные, массивные, со сложными узорами шрамов на груди — знаки многих охот, многих побед, многих жизней, оборванных в этом гроте. Они лежали рядом, головами к небу, ногами к воде, руки сложены на груди в ритуальном жесте, который Громов уже видел однажды — в пещере над алтарём.

И между ними — третий, поменьше, свёрнутый в кокон и туго перетянутый полосами живой, ещё пульсирующей ткани, срезанной с собственного тела Ловчего. Кокон был аккуратным, плотным — словно тот, кто его делал, вложил в эту работу всю свою тщательность, всю свою боль, всё своё прощание.

— Она ждала здесь, — сказал Громов, остановившись над телами. — Стояла на этом месте. Смотрела на море. Ждала, пока мы подойдём.

— Почему не ушла сразу? — спросил Гончар, с трудом переводя дух.

— Потому что хотела, чтобы мы видели, — ответил Громов. — Чтобы мы знали: она не бросила своих. Она вынесла их, сложила здесь, попрощалась. Это был ритуал. Она отдала им последнюю честь. И только потом ушла в воду.

Он поднял голову к небу. Там, в разрыве облаков, на самом краю видимого, висела точка. Неподвижная, но быстро растущая. Она не двигалась как самолёт — слишком плавно, слишком ровно, с неестественной, чуждой грацией, как падающая звезда, управляемая не физикой, а волей разумного существа.

— Корабль, — сказал Гончар. И в голосе его не было страха — только усталая обречённость.

— Он пришёл за ней, — сказал Северин.

— Он пришёл за ней, — подтвердил Громов. — И она уже там.

4

Ловчий стоял по грудь в тёплой, солоноватой воде Азовского моря, спиной к восходящему солнцу, лицом к кораблю, который спускался всё ниже, разворачивая в днище люк — тёмный, овальный, пульсирующий тем же зеленоватым светом, что и диск, который он только что швырнул на песок. Волны били в грудь, пытаясь сбить с ног, но он стоял неподвижно — как скала, как памятник, как последний воин павшего клана, принимающий свою судьбу.

Он поднял руку. Пять длинных пальцев с когтями медленно раскрылись. Жест, который понимал каждый яутжа: «Я здесь. Я выжил. Я возвращаюсь.»

Корабль мигнул зелёным — два коротких, один длинный. Ответ: «Мы принимаем тебя. Поднимайся.»

Ловчий медленно опустил руку. В последний раз обернулся через плечо — посмотрел на берег. Трое врагов стояли на песке у мёртвых тел. Один из них — тот, с ножом — смотрел прямо на него, даже с такого расстояния, даже сквозь предрассветный сумрак.

— Ты — достойный, — сказал Ловчий беззвучно, одними губами, на языке, которого никто из людей не мог бы понять. — Я запомню тебя. Я вернусь.

Он глубоко вдохнул — полной грудью, набирая в лёгкие кислород, которого здесь было так много, что у него кружилась голова, — и ушёл под воду.

5

Северин стоял на берегу, смотрел, как фигура в море уходит под воду. Мелькнули в рассветном свете тёмные, блестящие плечи, мелькнул последний разворот — и всё. Пустая вода. Пустой горизонт. Только волны набегают на песок — тихо, ровно, равнодушно.

— Всё, — сказал Гончар. — Ушла.

Громов подошёл и встал рядом. В правой руке он сжимал диск — амулет, который яутжа бросила на песок перед уходом. Диск был тёплым. Ощутимо тёплым, почти горячим, как предмет, который только что держали в руке — или как часть живого тела, ещё не остывшая после разлуки.

— Она оставила это нам, — сказал Громов, поднимая диск. — Не потеряла. Не забыла. Бросила нарочно. Это вызов. Или приглашение. Или и то, и другое. Она дала нам знать: мы — достойные. Она вернётся.

— И что мы будем делать, когда она вернётся? — спросил Северин.

— Будем готовы, — ответил Громов. Он сжал диск в кулаке так крепко, что побелели костяшки. — В следующий раз — мы будем ждать её. Здесь. На этом берегу. С оружием, которое не подведёт. И с памятью, которая не сотрётся.

Солнце медленно всходило над лиманом, золотя камыш, обещая новый знойный день. Диск в кармане Громова пульсировал — ровно, уверенно, не затихая.

— Пошли, — сказал Громов. — Гущин ждёт. Нужно доложить.

Они развернулись и пошли по песку — трое в ряд, молча, не оглядываясь. Северин шёл и думал о том, что это не конец. Она ушла — но оставила им метку. Диск в кармане Громова пульсировал теплом — маяк, который будет гореть до тех пор, пока она не решит вернуться. А она решит. Он знал это так же точно, как знал, что завтра взойдёт солнце.

— Товарищ капитан, — тихо сказал Гончар, когда они прошли уже половину пути до дороги. — А что, если она приведёт с собой других? Целый клан? Мы-то с одной еле справились.

— Значит, будем воевать с кланом, — ответил Северин, не оборачиваясь. — Нам не привыкать.

— А если их будет сотня?

— Значит, будем воевать с сотней. — Северин остановился на мгновение, обернулся к Гончару. — Слушай, лейтенант. Ты видел то же, что и я. Ты знаешь, что они существуют. И ты знаешь, что рано или поздно они вернутся. У нас есть выбор: забыть и надеяться, что они не вернутся при нашей жизни, или помнить и готовиться. Я выбираю помнить.

Гончар помолчал, переваривая сказанное, потом кивнул.

— Я тоже, — сказал он.

Они пошли дальше — к машине, к дороге, к городу, к докладу, который ничего не расскажет о том, что произошло на самом деле. Диск в кармане Громова всё ещё был тёплым. Он будет тёплым ещё долго. Может быть, всегда. За спиной плескалось море, уже скрывшее корабль. Впереди ждала жизнь — доклады, бумаги, подписка о молчании, забвение. И ожидание. Долгое, терпеливое, бесконечное ожидание того, кто обещал вернуться.

ГЛАВА 21. ПЕРЕПРАВА

Переправа — место, где решается всё.

1

Тридцатое июня. Восход.

Солнце только показалось из-за лимана — огромное, красное, расплывчатое в утренней дымке, — когда усталая, вымокшая до нитки, пропахшая тиной, серой, потом и той чужой, металлической кровью группа втянулась во двор Темрюкского РОВД. Сапоги хлюпали при каждом шаге, оставляя на асфальте тёмные мокрые следы, смешанные с грязью и зеленоватыми разводами — той самой зелёной кровью, которая уже въелась в одежду, в кожу, в память, и теперь, казалось, не отмоется никогда, сколько ни три.

Лица у всех троих были серыми, осунувшимися, с глубокими, чёрными тенями под глазами — результат не одной бессонной ночи, а целого месяца постоянного напряжения, когда смерть ходила за ними по пятам, дышала в затылок из камыша, смотрела жёлтыми глазами из темноты, и только чудом — или профессионализмом, или просто везением — никого из них не забрала.

Гущин встретил их на пороге. Стоял в дверях, сложив руки на груди, в свежей рубашке с галстуком, выбритый, собранный — как будто только что заступил на дежурство, а не провёл бессонную ночь в ожидании известий. Лицо его было непроницаемо — та маска, за которой он прятал всё, что не полагалось показывать подчинённым: тревогу, усталость, сомнения, может быть, даже страх. В правой руке он держал стакан остывшего чая — не пил, просто держал, как держат опору, как держатся за поручень в трясущемся вагоне.

Он оглядел вошедших с головы до ног — медленно, внимательно, не пропуская ни одной детали: разбитая щека Гончара, заклеенная пластырем, под которым проступала кровь; перевязанная бинтами рука Громова, на которой сквозь марлю проступали жёлтые пятна мази; затёртый до дыр, выпачканный в тине китель Северина, который ещё утром был чистым. Потом коротко, без предисловий, спросил:

— Докладывайте.

Громов доложил. Коротко, сухо, протокольно — так, как докладывал рапорты в Афганистане: без эмоций, без оценок, только голые факты, выстроенные в хронологическом порядке. Челнок — пустой, затоплен намеренно, системы работают, люк открыт. Сопка Карабетова — прочёсана. Грот — зачищен, останки изъяты. Три яутжа: двое убиты в бою в гроте, один — предположительно самка, раненая, — ушла в море. За ней пришёл корабль — источник сигнала, зафиксированного постами радиоразведки. Корабль забрал её и два тела сородичей, которые она вынесла на берег перед уходом. Тела были уложены на песке в ритуальном порядке — головой к небу, ногами к воде. Наши потери — ноль. Ранения — лёгкие: у Громова воспаление раны на руке, у Гончара царапина на щеке. Трофеи — один диск-амулет, оставленный объектом на песке перед уходом, предположительно в качестве вызова или метки. Диск изъят, находится у Громова.

Гущин слушал молча, не перебивая, не задавая уточняющих вопросов. Когда Громов закончил, он долго смотрел в окно на светлеющий лиман — серый, спокойный, безмятежный. Поставил стакан на подоконник, зачем-то поправил занавеску, хотя она висела ровно. Потом спросил, не оборачиваясь:

— Ушла?

— Ушла.

— Забрала своих?

— Да.

— Четыре свежих позвоночника с алтаря — тоже у неё?

— Мы не нашли их. Она забрала все.

Гущин кивнул. Коротко, резко, как удар.

— Операция завершена, — сказал он, поворачиваясь к ним. — Объект покинул территорию СССР. Угроза устранена.

— На время, — сказал Громов, глядя ему прямо в глаза.

— На время, — согласился Гущин. — Но для Москвы, для протокола, для истории — угроза устранена. Вы меня поняли? Окончательно и бесповоротно. Ни одной строчки о том, что она ушла живой.

— Понял, — сказал Громов.

2

Громов вышел на крыльцо, сел на бетонную ступеньку, прислонился спиной к стене и закурил. Рука, сжимавшая сигарету, слегка дрожала — не от страха, а от чисто физической усталости, когда мышцы уже не слушаются, а нервы всё ещё натянуты до звона, как струна, которая вот-вот лопнется. За трое суток он спал в общем сложности четыре часа — урывками, между боями, между переходами, прислонившись спиной к дереву и вцепившись в автомат, готовый вскочить от любого шороха.

За ним на крыльцо вышел Северин. Сел рядом, молча взял из пачки Громова сигарету, прикурил от его зажигалки. Некоторое время они сидели молча, глядя на пустую улицу, на редкие машины, на сонный приморский городок, просыпающийся под ласковым июньским солнцем — беззаботный, не подозревающий, что в нескольких километрах отсюда, всего несколько часов назад, решалась судьба не одного этого города, а может быть, и всей планеты.

— Ты как? — спросил наконец Северин.

— Нормально, — ответил Громов. — Бывало хуже.

— В Афганистане?

— И там, и здесь. — Он посмотрел на лиман, на солнце, поднимающееся над камышами. Вода была розовой, спокойной, почти нереальной в своей утренней красоте. — Знаешь, что странно?

— Что?

— Я не чувствую победы, — сказал Громов. — Вообще ничего не чувствую. Пустота. Как будто не закончил дело. Как будто должен был остаться на том берегу и закончить всё ножом — и не смог.

— Ты сделал всё, что мог, — сказал Северин. — Она ушла раненой, без сородичей, без корабля, без трофеев. Она пр играла этот раунд.

— Она проиграла бой, — поправил Громов, — но не войну. Он верётся. И когда это случитс — у на не будет ни челнока, ни алтар, ни следа. Только мы и она.

— И диск, — напомнил Северин.

— И диск. — Громов ксмеулс. — Маяк, к оторый она нам оставиа. Памятка о том, что мы не заончии део.

Он выброилурок, ратёр каблуком, поднялс.

— Завтра ылт в Аганистан. Отпук он чилс.

— Уже? — удвид Северин.

— Уже. — Громов осмотрел его до гим взлядом. — Если она вернётся — знаешь, где мя айт.

Он овернулся и ушёл в здание — ироким шагом, не оборачиаясь, как уходил всегда: посолдатски, ез лишних слов и жестов.

3

Северин остл с один на крыльце. Мир прошёл Гнчар, сел рядом, также молча закурил. Он не торопился говорить — просто сидел, глядя на просншийся город, на людей, идщих на работу, на женщин с авоськами, на детей, бегущих в школу. Жизнь продолжалась, хотя им казалось, что она остановилась где-то там, на том берегу, вместе с ушедшим в море кораблём.

— Улетает? — спросил наконец Гончар.

— Улетает.

— Вернётся?

— Не знаю. — Северин помолчал. — Надеюсь.

Они снова замолчали. Вдалеке загудел теплоход — буксир, выходящий из порта в Азовское море. Тот самый маршрут, которым ушла она. Северин проводил его взглядом до поворота.

— Андрей Петрович, — сказал Гончар, — а что теперь? Для нас? Для меня?

— Работать, — сказал Северин. — Участок, бумаги, люди. Всё как раньше.

— А если она вернётся?

— Встретим, — сказал Северин. — И в этот раз мы будем готовы. Я не хочу больше зависеть от того, повезёт нам или нет. В этот раз мы подготовимся. Оружие, план, связь, укрепления. Я не хочу, чтобы это повторилось.

— Ты думаешь, она вернётся при нашей жизни?

— Я думаю, что если она яутжа — она вернётся, — сказал Северин. — Не ради мести. Ради охоты. Ради завершения того, что начала. Мы для неё теперь — незакрытый гештальт. Несданный экзамен. Она вернётся сдавать его снова.

Гончар усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Значит, мы — экзамен для инопланетного хищника.

— Значит, так.

Гончар затянулся, долго молчал, глядя на буксир, уходящий в море. Потом сказал:

— А ведь это не самая плохая роль. Лучше, чем быть добычей.

— Согласен.

Они ещё немного посидели на крыльце, глядя на просыпающийся город, на солнце, поднимающееся над лиманом, на обычные утренние звуки — гул машин, лай собак, крик петухов. Мир продолжал жить, как будто ничего не случилось. И это было, наверное, самым странным — что мир не остановился, что люди шли на работу, что женщины несли авоськи, что дети бежали в школу, что где-то далеко, в Москве, Олимпиада продолжалась, и никто, кроме них, не знал, что на этой земле, на этом берегу, несколько часов назад решалась судьба не одного города, а всей планеты.

4

Днём пришло сообщение из Краснодара. Тамара Львовна, вернувшись в лабораторию, провела срочный анализ свежих образцов зелёной жидкости, взятых с пляжа на месте ухода яутжа. Результат: в образцах обнаружены следы неизвестного органического соединения со слабой, но стабильной радиоактивностью — не затухающей, не меняющейся со временем, как бы её ни нагревали, ни охлаждали, ни обрабатывали кислотами. В записке, переданной с попутной машиной, она написала всего несколько строк: «Это — топливо. Или маркер. Она оставляет за собой химический след, который не исчезает. Сородичи могут найти её по этому следу. Или мы можем найти её, если захотим. Вопрос: хотим ли мы?»

Северин прочитал записку дважды, потом сжёг в пепельнице, глядя, как бумага сворачивается в чёрный свиток. Он запомнил каждое слово: радиоактивный след. Химический маркер. Если он захочет — он сможет найти её по этому следу. Вопрос стоял только в том, захочет ли он когда-нибудь этой встречи. Ответа не было.

Он подошёл к сейфу, открыл его, достал диск. Тот был тёплым — ровно, постоянно, без пульсации. Просто тёплым, как часть живого тела.

— Я подумаю, — сказал он диску. — А пока — полежи здесь.

И закрыл сейф.

5

Оставшись один в кабинете, Северин долго сидел неподвижно. Он знал, что должен написать рапорт — официальный документ о завершении операции, сухой, казённый, без намёка на правду. Но вместо этого он сидел и смотрел на телефон. Ему хотелось позвонить Громову — туда, в Афганистан, на номер полевого штаба, который он заучил наизусть за эти недели. Сказать: «Она ушла. Диск есть. Береги себя». Но телефонистка в штабе дивизии могла подключить его не раньше, чем через несколько часов, если вообще могла. А писать письмо было некогда — Громов мог сменить дислокацию в любой момент.

Вместо этого Северин взял лист бумаги и написал — не для отчёта, не для начальства, для себя:

«Июнь — июль 1980 года. Темрюкский район. Первый контакт. Жертвы: 4 человека. Неизвестный объект: неопознанное биологическое существо, предположительно внеземного происхождения. Классификация: хищник, ведущий охоту на людей. Вооружение: лучевое, холодное. Уязвимости: плотный огонь 7,62 мм, ослепление светом, водная среда. Предполагаемая численность группы: 3-4 особи. Выжившие: 1 особь покинула планету на транспортном средстве неустановленного типа.

Ликвидировано: 2 особи в пещере грязевого вулкана Карабетова. Трофеи изъяты: 8 позвоночников, 1 диск-амулет, пробирка с биоматериалом.

Выводы: 1) Объект разумен. 2) Объект ведёт ритуальную охоту. 3) Объект не уничтожен и может вернуться. 4) Необходима долгосрочная программа мониторинга и противодействия.

Документ составил: капитан милиции Северин А.П. 02.07.1980».

Он перечитал написанное, сложил лист вчетверо, запечатал в конверт и положил в сейф — туда же, где лежали диск и пробирка. Теперь у него было два свидетельства: официальная ложь — и неофициальная правда. Вопрос был только в том, сколько десятилетий пройдёт, прежде чем кто-то откроет сейф и прочитает то, что написано на этом листе.

Он запер сейф, ключ положил в карман. И пошёл домой — по улицам, которые уже никогда не будут прежними, мимо лимана, который уже никогда не будет просто водоёмом, под небом, которое уже никогда не будет просто небом.

По дороге он остановился у телефона-автомата на углу улицы Ленина, набрал краснодарский номер Тамары Львовны. Трубку сняли после второго гудка — она не спала, как и он.

— Это я, — сказал Северин. — Значит, так. Мы подписали бумаги. Дело закрыто. Но диск остался у меня. И пробирка. И папка. Если я не вернусь домой в ближайшие дни — значит, со мной что-то случилось. Значит, вы знаете, где искать диск.

— Я знаю, — сказала Тамара Львовна. — И я знаю, что с ним делать. Не волнуйтесь, Андрей Петрович. Если что — я его спрячу так, что не найдёт никто. Даже Гущин.

— Спасибо.

Он повесил трубку. В автомате звякнула монета — сдача. Он забрал её, сунул в карман и пошёл дальше. Теперь у него было чувство, что он предусмотрел всё, что мог. Остальное — отдано на волю случая. Или на волю той, что ушла в море.

ГЛАВА 22. КОРАБЛЬ УХОДИТ

Рассвет ничего не скрывает. Люди скрывают.

1

Первое июля. Четыре утра. Над лиманом ещё висел туман — молочный, плотный, как простокваша. Он стелился по воде, заползал в камыш, обволакивал коряги и пирсы, делая мир серым, бесшумным и призрачным. Три прожектора на понтонной барже выхватывали из этой белой мглы жёлтые конусы света, и в них клубились мириады водяных капель, создавая иллюзию движения там, где всё было неподвижно.

Челнок поднимали со дна двумя лебёдками. Водолазы — военные, из отдельного инженерного батальона под Славянском, вызванные по личному распоряжению Гущина, которое он выбил по ВЧ-связи с Краснодаром ещё накануне — работали скрытно, без лишних команд, с минимумом шума. Никто не курил, не переговаривался, не включал радио, не кашлял лишний раз. Только плеск воды, лязг тросов и тихое, сосредоточенное дыхание людей, которые знали: то, что они сейчас поднимают со дна, не должно попасть ни в чьи глаза, ни в чьи уши, ни в чью память.

На берегу стояли Гущин, Северин и Громов — последний выписался из госпиталя ещё затемно, несмотря на протесты врачей, которые грозились написать рапорт начальнику гарнизона. Громов выслушал угрозы и сказал, что рапорт они напишут, когда он вернётся. Если вернётся. Он вернулся.

Гущин смотрел на воду молча, сложив руки на груди, не шевелясь, как статуя. Северин переминался с ноги на ногу — от холода, от усталости, от нервного напряжения, которое не отпускало даже сейчас, когда всё уже было позади и они стояли на пирсе, а не бежали по плавням.

Челнок всплыл медленно, величественно — тёмная, гладкая, обтекаемая форма, похожая на огромное яйцо, затянутое тиной и ряской. Вода стекала с него зеленоватыми, мутными струями, открывая поверхность без единого шва, без единого болта, без единой заклёпки — цельную, литую, будто вырезанную из одного куска неведомого материала, которого нет ни в одной таблице Менделеева.

— Похож на кокон, — сказал один из водолазов, выбираясь на берег и растирая затёкшие плечи.

— На кокон, — согласился Гущин, не сводя глаз с аппарата. — Внутри которого может быть всё что угодно.

— Мы проверили, — сказал старшина водолазов, подходя к нему. — Внутри пусто. Нет ни сидений, ни приборов, ни органов управления. Стены тёплые, пульсируют. И пахнет — не поймёшь чем, сладковатым таким, металлическим.

Гущин кивнул. Он ожидал этого. Тамара Львовна предполагала то же самое: техника яутжа — живая. Или часть её живая. Или граница между живым и неживым для них не такая, как для людей.

— Люк запечатать, — приказал он. — Грузить на баржу. Брезент — в три слоя. Вахту — двое вооружённых. Никого из посторонних ближе пятидесяти метров.

— Есть.

2

К шести утра баржа отчалила. Челнок, зачехлённый, закреплённый стальными тросами, ушёл по Кубани в Краснодар, а оттуда — спецтранспортом в Москву. Его сопровождали два катера с десантниками — на случай любой нештатной ситуации. Гущин улетел следом — рейсовым самолётом из Краснодара, с дипломатом, в котором лежали последние образцы, фотографии и личный отчёт. Перед отлётом он нашёл Северина на пирсе, пожал руку — крепко, молча, глядя в глаза.

— Хороший опер, капитан. Не каждому доводится расследовать такое дело.

— А что, если она вернётся раньше, чем мы будем готовы? — спросил Северин.

Гущин помолчал, глядя на воду, на буёк, всё ещё покачивающийся на месте затопленного челнока.

— Если вернётся — вскроют архив. Будут знать, с кем имеют дело. Может, успеют.

— А если не успеют?

— Капитан, — сказал Гущин устало, — не задавайте вопросов, на которые у меня нет ответов. Я устал.

Он сел в машину и уехал, не прощаясь.

3

После полудня лиман опустел окончательно. Только белый буёк покачивался на волнах — одинокий, никчёмный, похожий на поплавок над пустой снастью. Буёк был не нужен — челнока больше не было, и лиман снова стал просто лиманом: мутным, зелёным, сонным, каким был тысячи лет до этой ночи.

Северин ответил Гончару, который подошёл и сел рядом на пирсе:

— Увезли.

— И что теперь?

— Теперь — обычная жизнь. Кражи, драки, самогон, протоколы. Работа.

— А она? — Гончар кивнул в сторону моря.

— А она — теперь не наша забота. Пока.

4

Вечером Северин зашёл в кабинет Гущина. Кабинет был уже пустым, прибранным, вымытым — как будто здесь никогда и не было того бешеного графика совещаний, карт, звонков, споров, планов. На столе лежала папка — тонкая, с грифом «Сов. секретно». Сверху записка: «Ознакомиться и уничтожить».

Северин открыл папку. Три листа. Первый: «Объект «ОХОТНИК». Классификация: неопознанное биологическое существо, предположительно внеземного происхождения. Уровень угрозы: высокий». Второй: «Тела изъяты, направлены в НИИ-22». Третий: «Дело считать закрытым. Уничтожить черновики».

Он вышел во двор, опустил бумаги в холодный пепел железной бочки, чиркнул спичкой. Пламя лизнуло края, побежало по бумаге, сворачивая её в чёрные трубки.

«Вот и всё. Ничего не было. Нам показалось».

Но пепел был настоящим. И диск в сейфе — настоящим. И шрам на щеке Гончара — настоящим. И та, что ушла в море.

— До встречи, — сказал он тихо. И запер дверь.

5

Он вернулся в свой кабинет, сел за стол, включил настольную лампу. В кабинете пахло табаком, бумагой, уходящей ночной сыростью. Он открыл сейф — диск лежал на дне, тёмный, неподвижный, холодный. Рядом — пробирка с засохшей зелёной кровью, тёмно-зелёный осадок на дне, похожий на ржавчину. Рядом — папка, оставленная Гущиным. Три вещи, которые доказывали, что всё это было на самом деле. Он закрыл сейф, повернул ключ, посидел минуту, глядя на пустую стену.

Потом встал и подошёл к карте, висевшей на стене, — той самой карте Темрюкского района с пометками, карандашными кругами, стрелками и крестами: Курчанский лиман, Ахтанизовский, Протока, сопка Карабетова. Он смотрел на неё долго, мысленно пробегая маршрут прошедших недель — вызов Гончара, первое тело, встречу с Тамарой Львовной, появление Громова, бой в плавнях, ночь на острове, штурм грота...

Северин перевёл взгляд на точку, обозначающую Курчанский лиман. Там, под водой, ещё несколько часов назад лежал челнок — машина, созданная нечеловеческими руками, из материалов, которых нет в распоряжении земной науки. Теперь челнок уплыл в Краснодар, оттуда — в Москву, а через Москву — в закрытые лаборатории, где его разберут по винтику, изучат, попробуют понять, как он работает. Может быть, через год, может быть, через десять лет — что-то из этого поймут. А может, никогда. Потому что, как сказала Тамара Львовна, технологии яутжа — не технологии в человеческом смысле. Они — нечто среднее между механикой и биологией, между машиной и живым существом. А люди пока не умеют чинить то, что выросло, а не было построено.

На карте остались и другие пометки: крест в рисовых чеках у Протоки — место гибели солдата Калюжного; кружок на Ахтанизовском лимане — браконьер Седов; точка у Курчанского — Гриша Коваль; звёздочка у сопки Карабетовой — штурм грота и два убитых яутжа. Четыре жизни, которые отняла эта охота, и ещё несколько — которые она изменила навсегда.

Он взял тряпку, лежавшую на подоконнике, и стёр все пометк карты — одни м движением, без жалости. Под тряпкой осталас чистая, девственно чистая бумага: лиманы, ерики, станицы, поля. Никаких федин, никаких охотничьих зон, никаких свидетельствтого, что здесь произошло.

Всё чисто.

Он повесил тряпку на место, вымыл руки, выключил свет и вышел. Щёлкнул замком — раз, другой. Ключ звякнул в кармане.

В конце коридора курил дежурный, молодой сержант с сонным лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.